

графини
ПОТОЦКОЙ

(1794—1820)

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“
Н. Н. МИХАЙЛОВА

П. Ф.

Графиня Анна Потоцкая.

ГРАФИНЯ ПОТОЦКАЯ.

МЕМУАРЫ
ГРАФИНИ
ПОТОЦКОЙ.

(1794—1820).

Переводъ съ французскаго

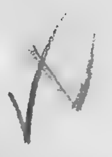
А. Н. КУДРЯВЦЕВОЙ.

Съ портретами и указателемъ собственныхъ именъ.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“
Н. Н. МИХАЙЛОВА.

Типографія
Спб. Т-ва Печ.
Изд. дѣла
«ТРУДЪ».
Кавалергар., 40.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Воспоминанія юности.

I. Замокъ въ Бѣлостокѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Французы въ Варшавѣ.

Стр.

Стр.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Поѣздка во Францію въ 1810 году.

I. Переговоры о бракѣ Маріи-Луизы.

II. Графъ де-Нарбоннъ.

III. Торжественный въѣздъ въ Парижъ.

IV. Дворъ.

V. Празднества.

VI. Салоны.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Русскіе въ Варшавѣ.

Стр.

II. Вѣнскій Конгрессъ.

III. Прибытіе императора Александра въ Варшаву.

IV. Бракъ великаго князя Константина.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Воспоминанія юности.

I.

Замокъ въ Бѣлостокѣ.

(1794).

Почему графиня начала писать свои воспоминанія.—Маркграфиня Байрейтская. — Послѣдній король польскій.—Бѣлостокъ.—Кастелянша краковская.—18 апрѣля 1794 года.—Красавицы въ лагерѣ Костюшко.—Взятіе Праги русскими (4 ноября 1794 года.).

Это было въ 1812 году. Я только что прочитала необыкновенныя мемуары маркграфини Байрейтской, [1]) появленіе которыхъ, по словамъ Наполеона, знаменовало собой вторую Іену для Брандебургскаго дома: столько мерзостей и дрязгъ раскрыла эта книга. Я была тогда очень молода, и мною овладѣло желаніе записывать свои воспоминанія по мѣрѣ того, какъ я буду стариться. Въ то время мемуары не фабриковались дюжинами, а авторы ихъ писали болѣе или менѣе откровенно о томъ, чему сами были свидѣтелями. Мнѣ казалось, что я, не хвастаясь, могу собрать матеріалы, гораздо болѣе интересные, чѣмъ тѣ, которыми добрая маркграфиня обезсмертила свое имя. Итакъ, я принялась за дѣло. Мало быть сестрой

---

[1]) Появились въ 1812 г., 2 тома, Парижъ. Маркграфиня была сестрой Фридриха Великаго.

великаго человѣка; и меня это иногда тревожило—такъ какъ я отлично понимала, что, читая ея мемуары, въ массѣ грубыхъ анекдотовъ, искали прежде всего слѣдовъ Фридриха II.[1]).

Хотя я тоже была королевскаго рода, выражаясь стилемъ маркграфини, тѣмъ не менѣе я никогда не получала пощечинъ, не ѣла супа съ волосами и ни разу не была арестована. Вмѣсто грязнаго и бѣднаго княжества, мы жили въ одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ замковъ континента,[2]) но это не такъ интересно и не такъ пикантно, какъ то, что разсказываетъ маркграфиня о своей резиденціи.[3]) Какъ современница великаго вѣка, я полагала въ основу своихъ записокъ главнымъ образомъ тотъ интересъ, какимъ было полно то славное время.

Но излагать свои воспоминанія и ни слова не сказать о себѣ—едва-ли возможно; чтобы вызвать къ себѣ довѣріе, необходимо прежде всего познакомить съ собой читателя.

Моя мать[4]) была племянницей нашего послѣдняго короля — Станислава-Августа Понятовскаго. Благородная фигура этого монарха, величіе его манеръ, ласковый и меланхоличный взглядъ, серебристые волосы и красивыя,

---

[1]) Эта молодая женщина своими непристойными выраженіями напоминаетъ Сенъ-Симона. Сентъ-Бевъ. «Causeries du lundi», XII, стр. 330.

[2]) Замокъ въ Бѣлостокѣ, въ Литвѣ.

[3]) Упомяну хотя объ одной подробности, приводимой маркграфиней: «Подъ окнами моей комнаты проходила деревянная галлерея, соединявшая оба флигеля замка. Эта галлерея была всегда полна нечистотъ, которыя наполняли мои комнаты невыносимымъ зловоніемъ». Memoires, I, стр. 60. «Не читая этихъ мемуаровъ, нельзя себѣ представить всей нѣмецкой грубости и дикости», Сентъ-Бевъ, «Causeries du lundi», XII, стр, 330.

[4]) Констанція Понятовская (1756—1830), съ 1775 года была замужемъ за графомъ Людовикомъ Тышкевичемъ. Она была дочерью старшаго брата короля—Казиміра Понятовскаго, бывшаго оберъ-камергеромъ, (1721—1800).

слегка надушенныя руки—все это до сихъ поръ живо въ моей памяти. Время, къ которому относятся эти воспоминанія, совпадаетъ съ нашимъ послѣднимъ несчастьемъ.[1]).

Моя мать послѣдовала за королемъ въ Гродно, куда онъ принужденъ былъ отправиться по настоянію русской партіи. И тамъ, изъ окна маленькой комнатки, куда меня помѣстили вмѣстѣ съ моей гувернанткой, я каждое утро могла наблюдать выѣздъ плѣннаго короля. Русскіе солдаты такъ напугали мое дѣтское воображеніе, что нуженъ былъ весь авторитетъ моей матери, чтобы заставить меня переступить порогъ моей комнаты,—хотя и не безъ сопротивленія и слезъ съ моей стороны.

Угрюмая тишина царила въ замкѣ, гдѣ все семейство короля собралось, чтобы сказать послѣднее прости несчастному, на котораго Екатерина сначала возложила корону, а затѣмъ—цѣпи. Увезенный въ Петербургъ, онъ долгой и мучительной агоніей искупилъ ошибки, совершенныя по волѣ Императрицы, ошибки,—которыми она съумѣла воспользоваться съ хитростью, безпримѣрной въ исторіи.[2]).

При другихъ обстоятельствахъ, Понятовскій съ достоинствомъ занималъ бы престолъ. Его царствованіе составило эпоху въ научныхъ лѣтописяхъ. Онъ воскресилъ въ Польшѣ вкусъ къ искусствамъ и литературѣ, задавленнымъ владычествомъ саксонскихъ курфюрстовъ, грубость которыхъ породила во всей странѣ губительную реакцію.

Когда Августъ пьетъ, Польша пьянѣетъ!

Станиславъ Понятовскій, наоборотъ, находилъ удовольствіе въ занятіяхъ благородныхъ и полезныхъ: онъ проводилъ почти все свое свободное время въ кругу уче-

---

[1]) Третій раздѣлъ Польши (1794 г.).

[2]) Станиславъ Августъ умеръ въ Петербургѣ 12 февраля 1798 года.

ныхъ и художниковъ.[1]) Обширное и разностороннее образованіе соединялось въ немъ съ утонченнымъ вкусомъ и умомъ, полнымъ очарованія. Легко владѣя какъ мертвыми языками, такъ и языками тѣхъ странъ, по которымъ онъ путешествовалъ, Понятовскій въ высшей степени обладалъ способностью плѣнять своихъ слушателей, умѣя въ то-же время самымъ искуснымъ образомъ польстить національному самолюбію или личному тщеславію своихъ собесѣдниковъ. Онъ имѣлъ сердце благородное и возвышенное, великодушно прощая своимъ врагамъ и часто не зная границъ своимъ благодѣяніямъ. Но природа, столь щедро одарившая его, какъ человѣка частнаго, отказала ему, какъ государю, въ томъ, безъ чего нельзя царствовать: въ силѣ характера и твердой волѣ.

Послѣ того, какъ король уѣхалъ въ Петербургъ, мы вернулись въ Бѣлостокъ, гдѣ жила моя тетка кастелянша краковская—вдова графа Браницкаго, краковскаго кастеляна и сестра короля Станислава-Августа Понятовскаго.[2]) Ея мужъ игралъ видную роль въ Барской Конфедераціи,[3]) а въ 1764 году числился среди другихъ претендентовъ на польскую корону. Но когда побѣда оказалась

---

[1]) По этому вопросу см. интересную «Correspondance de Stanislas Auguste et de madame Geoffrin», опубликованную Шарлемъ де-Муи въ 1875 году и любопытную статью Пьера де Сегюра, помѣщенную въ «Revue de Paris» отъ 15 декабря 1895: «Путешествіе m-me Жоффрэнъ въ Польшу».

[2]) Изабелла Понятовская, жена графа Яна-Клементія Браницкаго, короннаго гетмана, краковскаго кастеляна, родилась въ 1730 году, умерла въ Бѣлостокѣ въ 1808 году.

[3]). Конфедерація польская была очень старымъ политическимъ институтомъ. Въ случаѣ внутренней войны, нашествія непріятеля, гражданской войны, или нарушенія существующихъ законовъ дворянство каждаго воеводства соединялось для защиты своихъ правъ—даже при помощи вооруженной силы. На одной изъ конфедерацій исключительныя полномочія были отмѣнены. Словомъ, это было нѣчто въ родѣ дозволенныхъ закономъ возстаній.

Барская Конфедерація (1767—1772) была созвана въ Подоліи, въ городѣ Барѣ группой сенаторовъ и нѣсколькими

на сторонѣ его beau frèr'а, онъ удалился въ свои помѣстья и жилъ тамъ по-королевски.

Я застала бѣлостокскій замокъ, когда онъ еще былъ убранъ съ изумительнымъ великолѣпіемъ. Французскіе обойщики, выписанные за громадные деньги, украсили его такой мебелью, зеркалами и паркетами, что ихъ не стыдно было бы помѣстить и въ Версалѣ. Ничто не могло сравниться съ его огромными гостинными и вестибюлями, украшенными мраморными колоннами. Этотъ замокъ видѣлъ въ стѣнахъ своихъ знатнѣйшихъ и высокопоставленнѣйшихъ особъ, посѣщавшихъ Польшу. Императоръ Павелъ, еще будучи великимъ княземъ, вмѣстѣ съ женой провелъ здѣсь нѣсколько дней во время своего знаменитаго путешествія по Европѣ. [1]) Расположеніе садовъ и парковъ, роскошь теплицъ и оранжерей, великолѣпіе и обиліе померанцевыхъ деревьевъ—все это дѣлало пребываніе здѣсь поистинѣ царскимъ. При жизни краковскаго кастеляна двѣ труппы — французская и польская, — а также и балетная, содержались на его средства и помогали коротать долгіе зимніе вечера. Театръ, расписанный итальянскимъ художникомъ, могъ вмѣстить отъ трехсотъ до четырехсотъ зрителей. Онъ былъ построенъ отдѣльно отъ замка въ началѣ оленьяго парка. Я еще застала его въ довольно хорошемъ состояніи.

Вотъ какъ жили когда-то вельможи, принадлежавшіе

сотнями дворянъ, недовольныхъ вступленіемъ на тронъ Станислава-Августа и преобладающимъ вліяніемъ Россіи въ Польшѣ. Эта Конфедерація объявила войну Россіи и своему правительству, поддерживаемому русскими войсками. Франція и Австрія, покровительствуя этому возстанію, послали возставшимъ полякамъ денегъ и нѣсколько выдающихся офицеровъ: Дюмурье, Келлерманъ, де Шуази и др. Паденіе Шуазеля и побѣды, одержанныя русскими надъ Турками, положили конецъ Конфедераціи, результатомъ которой былъ первый раздѣлъ Польши. Во главѣ Конфедераціи стояли Адамъ Красинскій, епископъ Каменецкій, воевода Михаилъ Красинскій, Іосифъ и Казиміръ Пуласкіе, Михаилъ Огинскій и пр.

[1]) Подъ именемъ графа и графини du Nord. Объ этомъ см. «Memoires de la baronne d'Oberkich».

къ противной правительству партіи. Мнѣ же остались лишь однѣ воспоминанія, которыя я заставляла разсказывать себѣ дряхлыхъ слугъ. Вдова графа Браницкаго, простая и скромная въ своихъ вкусахъ, но благородная и великодушная въ своихъ поступкахъ, тратила на дѣла благотворительности такія же огромныя суммы, какія и ея мужъ на всевозможныя празднества и удовольствія. Поддерживая съ достоинствомъ то положеніе, которое принадлежало ей по рожденію и по замужеству, она никогда никому не отказывала въ поддержкѣ и самымъ тщательнымъ образомъ скрывала многочисленныя вспомоществованія, оказываемыя ею бѣднымъ и несчастнымъ.

Рѣдко, кто до такой степени олицетворялъ собою здѣсь, на землѣ возможность подобнаго совершенства. Набожная безъ ханжества, добрая безъ слабости, гордая и въ то же время мягкосердечная, твердая и чувствительная, дѣлающая добро безъ хвастовства, великодушная и безкорыстная—она являла собой примѣръ соединенія всѣхъ добродѣтелей. Пожалуй, ей недоставало проницательности, но зато никто не обладалъ такимъ изящнымъ слогомъ, такимъ благородствомъ выраженій, никто не умѣлъ придать столько блеска своимъ пріемамъ и въ то же время относиться съ такимъ живымъ и дѣятельнымъ участіемъ ко всѣмъ, кто имѣлъ въ ней нужду.

Дѣти мои, когда судьба приведетъ васъ въ Бѣлостокъ, вспомните тогда о ней и обо мнѣ: здѣсь мирно текли далекіе дни моей юности, здѣсь былъ рѣшенъ вопросъ о моемъ бракѣ и здѣсь же въ первый разъ я увидѣла смерть...

Моя мать рѣдко оставляла любимую тетку, и я росла на ея глазахъ. Зиму мы обыкновенно проводили въ Варшавѣ, а на лѣто возвращались въ этотъ чудный замокъ, но съ того дня, какъ король былъ увезенъ въ Петербургъ, его сестра навсегда поселилась въ своемъ помѣстьѣ и уже не покидала болѣе замка,—такъ что зима 1794 года была послѣднею, которую мы проводили въ Варшавѣ.

Я отлично помню переворотъ, который положилъ конецъ нашей политической независимости. Общій голосъ единодушно вручилъ Костюшкѣ командованіе арміей, и онъ со всѣмъ пыломъ сталъ на защиту священнѣйшихъ правъ народа.

18 апрѣля мы были разбужены шумомъ пушечной кононады и ружейной пальбой. Отца не было, и слуги расхватавъ оружіе, разбѣжались, бросивъ насъ на произволъ судьбы. Намъ, женщинамъ, ничего не оставалось, какъ собраться на совѣтъ, и мы порѣшили, что самый лучшій способъ избѣжать опасности—это спрятаться въ погребъ. Мы провели здѣсь цѣлый день въ полномъ невѣдѣніи. Къ тремъ часамъ дня ружейная пальба въ нашемъ кварталѣ прекратилась и мы получили извѣстіе отъ короля, находившагося въ замкѣ: онъ совѣтовалъ намъ оставить городъ и попытаться добраться до замка. Мы не нашли ни кучеровъ, ни лакеевъ, хотя по загроможденнымъ улицамъ могла бы, да и то съ трудомъ, проѣхать лишь одна карета; поэтому мы принуждены были пройти пѣшкомъ все предмѣстье Кракова, гдѣ нѣсколько часовъ тому назадъ кипѣлъ бой. При видѣ поля, усѣяннаго сотнями труповъ, я содрогнулась отъ ужаса. Но это было единственное тяжелое воспоминаніе, которое у меня тогда осталось; пули свистали надъ нашими головами, но меня это нимало не тревожило. Съ этого дня до взятія русскими Праги[1]) мы не покидали замка. А въ Варшавѣ тѣмъ временемъ броженіе росло. Все, что произошло въ этотъ промежутокъ времени, совершенно изгладилось изъ моей памяти. Я лишь смутно помню, какъ мать однажды возила меня въ лагерь Костюшки, и я видѣла тамъ, какъ красивыя дамы въ маленькихъ шапочкахъ на бекрень, возили въ телѣжкахъ землю для постройки укрѣпленій. Я завидовала имъ, и уже тогда мое дѣтское сердце билось, слушая разсказы о нашихъ побѣдахъ. Утромъ и вечеромъ няня заставляла меня молиться, чтобы Богъ благословилъ

---

[1]) 4 ноября 1794 года.

наше оружіе. Я горячо молилась, не вполнѣ сознавая, въ чемъ дѣло и не понимая, почему нужно ненавидѣть хорошенькихъ русскихъ офицеровъ, которые такъ красиво гарцовали на своихъ великолѣпныхъ лошадяхъ. Когда произошло взятіе Праги, я впервые почувствовала въ сердце тѣ горячія чувства любви къ родинѣ, которыя я потомъ передала своимъ дѣтямъ.

7 ноября Варшава была взята, а въ январѣ 1795 года совершился третій и послѣдній раздѣлъ Польши.

II.

Эмигранты и Людовикъ XVIII.

(1798).

Басомпьеры въ Бѣлостокѣ.—Графъ.—Свѣтскій поэтъ.—Madame де-Риньи.—Pied-à-terre.—Славныя воспоминанія.—Прибытіе Людовика XVIII.—Разоблаченіе Басомпьеровъ.—Проектъ брака между герцогомъ Беррійскимъ и Анною Тышкевичъ.—Поклонница Бонапарта.—Графъ Тышкевичъ.—Его благородство и патріотизмъ.—Гнѣвъ Екатерины.

Наша революція слѣдовала въ скорости за французской, но Польша, съ трехъ сторонъ окруженная могущественными врагами, не вынесла тяжести постигшихъ ее несчастій и, несмотря на отчаяннѣйшія усилія и поразительнѣйшіе примѣры самоотверженія, подверглась полному раздробленію. Совсѣмъ другое наблюдалось во Франціи: она твердыми шагами неуклонно приближалась къ славѣ. Только въ одномъ отношеніи обѣ революціи имѣли сходство: и тамъ, и здѣсь появились эмигранты, но во Франціи — дворяне, роялисты, духовенство, а у насъ—патріоты, жертвы и изгнанники. Во Франціи была своя Вандея, а у насъ—повстанскіе отряды.[1]) Но и тутъ мы не были счастливѣе, и намъ суждено было проливать свою кровь въ другомъ полушаріи... [2]).

---

[1]) Польскіе легіоны, организованные съ 1794 года генераломъ Домбровскимъ.—См. о героизмѣ этихъ легіоновъ прекрасный эпизодъ у Сомо-Сіерра, разсказанный Фредерикомъ Массономъ по брошюрѣ Ниголевскаго: «Aventures de guerre» 1782—1809, 1 т, 1895 г.

[2]) Подъ начальствомъ Костюшко поляки принимали участіѣ въ борьбѣ Сѣверо-американскихъ соединенныхъ Штатовъ за независимость. (*Прим. перев.*).

Въ концѣ прошлаго столѣтія Польша была переполнена французскими эмигрантами, которые, охотно пользуясь оказываемымъ имъ гостепріимствомъ, большею частью держали себя съ такимъ высокомѣріемъ, какъ будто этимъ они оказывали кому-то большую милость.

У краковской кастелянши нашли убѣжище цѣлая семья Басомпьеровъ. Сначала явился одинъ изъ нихъ, потомъ двое, и наконецъ, вся семья со всѣми чадами и домочадцами.

Старшій не игралъ въ семьѣ никакой роли, но тѣмъ не менѣе при всякомъ удобномъ случаѣ его величали маркизомъ. По правдѣ сказать, бѣдняга такъ мало походилъ на настоящаго маркиза! Затѣмъ слѣдовалъ графъ. Ему было около пятидесяти лѣтъ, и у него была молоденькая и довольно хорошенькая жена, на которой онъ женился, благодаря всеобщему разгрому; при другихъ обстоятельствахъ me-lle Rigny (по словамъ близкихъ ей лицъ) не могла бы и мечтать о столь блестящей карьерѣ. Графъ — маленькій, тщедушный, съ сильно-напудренными волосами, спереди приподнятыми, а сзади спускавшимися въ видѣ косы—въ знакъ приверженности къ королю — имѣлъ довольно непривлекательный видъ. У него былъ большой, заостренный носъ, угрюмый взглядъ и вдавленный ротъ. Его считали остроумнымъ. Онъ хорошо зналъ историческія событія и довольно недурно писалъ стихи.

Всякій разъ, когда у насъ затѣвался домашній спектакль или мы собирались праздновать день рожденія кого-либо изъ насъ, мы обращались къ нему съ просьбой написать соотвѣтствующіе стихи. Онъ сначала долго заставлялъ просить себя, а затѣмъ, наконецъ, сдавался, и вручалъ намъ «своихъ дѣтищъ», умоляя насъ только не калѣчить ихъ. Затѣмъ начинались репетиціи,—и тутъ-то намъ отъ него доставалось! Нужно было выдѣлить нѣкоторыя наиболѣе удачныя выраженія, скользнуть по рифмѣ, сдѣлать удареніе на цезурѣ. Авторъ стиховъ рѣдко бывалъ доволенъ нами и надоѣдалъ намъ ужасно!

Мать графини еще сохранила остатки красоты и казалась особой очень положительной, и по всему было замѣтно, что ея дочь сдѣлала столь блестящую партію исключительно благодаря какимъ-то принесеннымъ ею жертвамъ. Племянникъ—юноша двадцати трехъ лѣтъ, имѣвшій очень моложавый видъ и очаровательная крошка, которую звали Амелія, дополняли семью. Сначала они довольствовались скромнымъ помѣщеніемъ и обѣдами вмѣстѣ съ нами, но спустя нѣкоторое время они заявили, что занимаемыхъ комнатъ имъ недостаточно и что они недовольны также и столомъ... «да и вообще, заявили они, имъ приходится терпѣть недостатокъ во многомъ, самомъ необходимомъ». Какъ бы покоряясь необходимости, но лишь подъ большимъ секретомъ, они рѣшились принять довольно солидную пенсію, которую имъ назначила кастелянша. Но этимъ дѣло еще не кончилось.

По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, они заявили, что имъ очень бы хотѣлось пріобрѣсти себѣ здѣсь помѣстье—вѣдь такъ пріятно жить въ собственномъ имѣніи!.. Тотчасъ для нихъ была куплена прелестная маленькая вилла въ двухъ верстахъ отъ замка. Но вѣдь устройство новаго помѣщенія требуетъ массу хлопотъ, а графъ, весь поглощенный политикой, не могъ, да и не хотѣлъ заниматься подобными пустяками, а графиня такъ молода! она даже не знаетъ, какъ и взяться за это дѣло,—и ихъ, какъ иностранцевъ, здѣсь обманутъ, навѣрное обманутъ! Тогда мать молодой графини дала понять кастеляншѣ, въ какое затруднительное положеніе поставила она ихъ этимъ неожиданнымъ подаркомъ.

И все было устроено—тотчасъ же были отданы приказанія привести коттэджъ въ такой видъ, чтобы туда могли въѣхать новые хозяева. Ничего не было упущено, позаботились рѣшительно обо всемъ: покои были заново обставлены простой, но элегантной мебелью, буфеты наполнены серебромъ и посудой, голубятня приведена въ порядокъ, садъ вычищенъ, а дорожки посыпаны пескомъ, не забыты были даже экипажи и конюшня, на тотъ случай,

если гостямъ вздумается навѣстить живущихъ въ замкѣ. Вѣдь дядюшка такъ старъ, а Амели такъ мала, что разстояніе отъ виллы до замка могло утомить ихъ!

Можно было позавидовать той массѣ благодѣяній, которыя сыпались, какъ изъ рога изобилія, на этихъ иностранцевъ; но при этомъ нужно было видѣть, съ какимъ видомъ принимались эти благодѣянія! Вѣчныя сравненія прошлаго съ настоящимъ, постоянное недовольство, намеки, жалобы. Если кто-нибудь изъ пріѣзжихъ начиналъ восхищаться устройствомъ виллы, которая дѣйствительно была прелестна, наши знатные гости тотчасъ испускали тяжелый вздохъ, дѣлали скорбное лицо и роняли: «О, да! это было бы хорошо для другихъ, но для насъ!..» И затѣмъ слѣдовали безконечные разсказы о замкахъ, которые они вынуждены были покинуть, о жизни ослѣпительно прекрасной и роскошной. Отъ этихъ сѣтованій былъ прямой переходъ къ маршалу Бассомпьеру, связанному тѣсной дружбой съ самимъ королемъ, а разъ попавъ на эту почву, они не знали удержу! Глубокіе вздохи смѣнялись рыданіями, сопровождавшимися намеками и оскорбленіями.

Людовикъ XVIII, по дорогѣ въ Митаву, которую императоръ Павелъ предложилъ ему для постояннаго пребыванія, остановился на нѣкоторое время въ Бѣлостокѣ. [1]) Онъ путешествовалъ подъ именемъ графа де Лиль. Ему приготовили въ замкѣ помѣщеніе, гдѣ обыкновенно останавливались государи. Все было устроено сообразно положенію высокаго гостя. Кастелянша краковская встрѣтила его въ пріемномъ залѣ. Онъ былъ очень растроганъ такимъ пріемомъ и проявилъ необычайную любезность. Хотя я была еще очень молода, но онъ произвелъ на меня хорошее впечатлѣніе своимъ добродушіемъ и прямотой. Свита его была

---

[1]) Людовикъ XVIII уѣхалъ изъ Бланкенберга 10 февраля 1798 года, 16—онъ былъ въ Бромбергѣ, а въ первыхъ числахъ марта—въ Литвѣ; въ Митаву онъ прибылъ 13 марта. Объ этомъ путешествіи см. «Les Bourbons et la Russie pendant la Revolution française» Эрнеста Додэ.

немногочисленна: короли съ лишеніемъ трона теряютъ и придворныхъ, но Людовику посчастливилось: съ нимъ былъ его искренній и преданный другъ—графъ Аварэ.

Насъ чрезвычайно интересовалъ пріемъ, который окажетъ король нашимъ знатнымъ аристократамъ. Увы! это было одно изъ тѣхъ разочарованій, отъ которыхъ потомъ трудно оправиться! Король совсѣмъ ихъ даже не зналъ!—ни маркиза, ни графа, ни молодой графини, ни ея матери! Онъ обошелся весьма небрежно съ «опорой трона», онъ никогда даже не видѣлъ ихъ и они ровно ничего не сдѣлали, чтобы поддержать колеблющуюся власть короля. Графъ Аварэ, пораженный важнымъ видомъ нашихъ Бассомпьеровъ, счелъ своимъ долгомъ сообщить о нихъ все, что зналъ. Оказалось, что фамилія этихъ господъ, дѣйствительно, Бассомпьеры, но это бѣдная и выродившаяся отросль знаменитыхъ Бассомпьеровъ, унаслѣдовавшая отъ своихъ знатныхъ предковъ спесь да воспоминанія, къ числу которыхъ относятся и пресловутые великолѣпные замки. И только теперь, благодаря революціи, они разбогатѣли: имъ никогда въ жизни и не снилась подобная роскошная жизнь, которую имъ предоставила щедрая и великодушная кастелянша.

Но всѣ эти разоблаченія ни на іоту не измѣнили отношеній костелянши къ ея страннымъ гостямъ—до конца жизни она продолжала имъ благодѣтельствовать. Однако урокъ оказалъ свое дѣйствіе на молодую графиню: она теперь меньше говорила о Парижѣ, въ которомъ—какъ оказалось—она никогда не бывала, воздерживалась отъ невыгоднаго сравненія своей родины, которую вынуждена была покинуть, и страной, которая ее пріютила. Теперь она носила бѣлье, не жалуясь болѣе на то, что отъ него воняетъ польскимъ мыломъ и сидя за обѣдомъ, не дѣлала недовольныхъ минъ послѣ того, какъ король, большой любитель хорошо покушать, выразилъ свой восторгъ по поводу изысканнаго стола кастелянши. Я не знаю, изъ желанія ли сдѣлать намъ пріятное, или изъ чувства благодарности за чисто-царственный пріемъ короля, но графъ

Аварэ, покидая Бѣлостокъ, предложилъ моей матери выдать меня за герцога Беррійскаго.[1]) Не зная, что отвѣтить, она сказала, что я слишкомъ молода и что она посовѣтуется съ мужемъ, который, между прочимъ, даже и слышать объ этомъ не хотѣлъ. По его словамъ, принцы въ изгнаніи всегда производятъ впечатлѣніе авантюристовъ, что нѣтъ никакой надежды на то, что Бурбоны вернутся во Францію и что, желая сейчасъ этого брака изъ соображеній чисто-матеріальнаго характера, потомъ во Франціи его могли найти несоотвѣтствующимъ политическому моменту и объявить незаконнымъ, а самое главное—имѣя единственную дочь, онъ предпочитаетъ выдать ее за поляка.

Этотъ отказъ—разумѣется, въ весьма смягченной формѣ—былъ переданъ графу, но онъ не столько обидѣлъ его, сколько удивилъ. Я узнала объ этомъ странномъ предложеніи долго спустя, и часто потомъ, наблюдая за теченіемъ историческихъ событій, раздумывала о томъ странномъ положеніи, въ какомъ я могла оказаться, если бы состоялся этотъ бракъ. Это было какъ разъ въ то время, когда шумъ тріумфовъ Бонапарта впервые прокатился по Европѣ.

Сіяніе и блескъ славы окружили своимъ сверкающимъ ореоломъ чело счастливаго завоевателя, успѣхъ и удачи увѣнчивали каждое его предпріятіе,—казалось, на землѣ снова появился Александръ или Цезарь. Я жила среди людей, которые съ презрѣніемъ относились къ великому человѣку, но мое удивленіе, часто сдерживаемое

---

[1]) Герцогъ Беррійскій не участвовалъ въ этомъ путешествіи. «Что касается герцога Беррійскаго, то Ваше Величество изволили одобрить его намѣреніе, прежде чѣмъ отправиться въ свои владѣнія, поѣхать обнять своего отца, съ которымъ онъ находится въ разлукѣ уже четыре года. Онъ пріѣдетъ въ Шотландію, какъ разъ въ то время, когда я прибуду въ Митаву и весною мы встрѣтимся». Отвѣтъ Людовика XVIII Павлу I 27 января 1798 года. См. Эрнестъ Додэ, вышеупом. сочин., стр. 119.

изъ боязни вызвать неудовольствіе старшихъ, благодаря этому только усиливалось. Какъ бы я могла согласовать подобныя чувства съ той участью, которая мнѣ была предложена? Какъ могла бы я прыгать отъ радости, слыша о побѣдахъ Наполеона, будучи въ то же время женой Бурбона?

Такъ какъ я пишу эти записки главнымъ образомъ для своихъ дѣтей, то, упомянувъ о своемъ отцѣ, я считаю долгомъ познакомить ихъ съ благороднымъ характеромъ ихъ дѣда.[1])

Во время послѣдняго раздѣла онъ примкнулъ къ небольшему числу лицъ, которыя отказались подписать несправедливый, унизительный актъ такъ называемой Торговицкой Конфедераціи, продиктованный Россіей.[2]) Благодаря этому смѣлому поступку, все его имущество было секвестровано, но онъ съ твердостью, молча, подчинился этому суровому приговору,—результату его твердой воли и патріотизма.

Спустя нѣсколько лѣтъ Великое герцогство Литовское послало делегацію въ Петербургъ къ императрицѣ съ цѣлью выхлопотать сохраненіе древняго Литовскаго Статута. Депутація, состоявшая изъ знатнѣйшихъ польскихъ вельможъ, была принята Екатериной съ той очаровательной любезностью, при помощи которой она такъ искусно плѣняла сердца. Ея дворъ безспорно былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ въ Европѣ. Балы и праздники слѣ-

---

[1]) Графъ Людовикъ Тышкевичъ, — маршалъ и гетманъ Литовскій.

[2]) Эта Конфедерація была собрана въ 1792 году (послѣ объявленія Польшей войны Россіи) и направлена противъ собственнаго правительства и реформъ, проведенныхъ Конституціей 3 мая 1791 года. Эти реформы посягали на привиллегіи дворянства и вводили наслѣдственность престола, равенство всѣхъ передъ закономъ, свободу религіи и т. д. Во главѣ этой Конфедераціи стояли Станиславъ-Феликсъ Потоцкій, братья Коссаковскіе, Александръ Сапѣга, Северинъ Ржевускій. Конфедерація, благодаря поддержкѣ Россіи, одержала верхъ надъ послѣдними усиліями націоналистовъ и парализовала ихъ.

довали безпрерывно одинъ за другимъ. Польскіе депутаты были приглашены государыней разъ навсегда участвовать въ этихъ блестящихъ пріемахъ и считали своимъ долгомъ не пропускать ни одного изъ нихъ. Только мой отецъ являлся ко двору лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требовало возложенное на него порученіе.

Императрица, удивленная и обиженная подобнымъ поведеніемъ отца, не могла удержаться, чтобы не выразить ему своего неудовольствія и рѣзко замѣтила, что онъ одинъ не проявляетъ любопытства и не стремится увидѣть всѣ чудеса придворныхъ празднествъ. Ничуть не смутившись и, какъ бы принимая брошенный ему упрекъ за выраженіе особаго благоволенія, отецъ съ глубокимъ поклономъ отвѣчалъ, что то положеніе, въ которомъ находится его страна, не позволяетъ ему, какъ поляку, скрывать свои скорбныя чувства и что, по его мнѣнію, не слѣдуетъ омрачать блестящихъ празднествъ видомъ безутѣшной печали. Хитрая Екатерина, сразу понявъ, что за человѣкъ, осмѣлившійся отвѣтить ей подобнымъ образомъ, воскликнула, что «ничѣмъ на свѣтѣ она такъ не восхищается, какъ независимыми и возвышенными чувствами!»

И прибавила:

— Какъ женщина, я сочувствую тѣмъ несчастіямъ, предотвратить которыя мнѣ, какъ государынѣ, мѣшаетъ суровая политика.

И прежде чѣмъ удалиться, она отколола отъ пояса маленькіе часы, украшенные изумрудами и подала ихъ моему отцу, прося его принять этотъ подарокъ, какъ доказательство своего необыкновеннаго уваженія и восхищенія благороднымъ поведеніемъ графа. Вслѣдъ за этой милостью послѣдовало снятіе секвестра съ имѣній отца.

III.

Астрологъ.

(1802).

M-lle Дюшенъ лектриса краковской кастелянши.—Жизнь въ замкѣ.—Шатобріанъ и Руссо.—Карлъ XII.—Волчинъ.—Шведъ-астрологъ, предсказавшій корону Станиславу—Августу.—Доброе старое время.

Въ замкѣ жила еще одна особа, замѣчательная по своему уму, образованію и изумительной памяти. Это была m-elle Дюшенъ, лектриса краковской кастелянши. Парижанка по происхожденію, она раньше жила у m-me де-Тессе[1]) и вмѣстѣ съ тономъ и манерами аристократическаго дома вынесла оттуда массу интереснѣйшихъ разсказовъ. Она принадлежала къ числу тѣхъ исключительныхъ людей, которые все читаютъ, все знаютъ, все видятъ и никогда ничего не забываютъ. Ее такъ и звали—ходячей энциклопедіей. Такъ какъ она была очень дружна съ моей гувернанткой, то я часто встрѣчалась съ ней, и ей я обязана большею частью того, что я знаю. Что же касается m-me де Бассомпьеръ, воспитаніе которой было очень запущено, то она обязана Дюшенъ еще большимъ. чѣмъ я. M-lle Дюшенъ была предана всѣмъ сердцемъ се-

---

[1]) Другъ маркизы де-Креки и Неккера. Госпожѣ де-Тессе приписываютъ слѣдующія слова: «Если бы я была королемъ, я приказала бы m-me де-Сталь все время говорить со мной».

мейству Бассомпьеровъ; ихъ привычки, языкъ и даже недостатки напоминали ей ея родину.

Воспитываясь среди этихъ француженокъ, я совершенно инстинктивно усвоила себѣ духъ языка и всецѣло отдалась ихъ литературѣ.

Я страстно любила ихъ бесѣды—то веселыя и остроумныя, то серьезныя и поучительныя, но всегда живыя и интересныя, даже когда разговоръ касался важныхъ вопросовъ, среди которыхъ политика занимала не послѣднее мѣсто. Это были французы стараго времени, которые обо всемъ умѣли говорить шутя и старались дѣлать жизнь, насколько возможно, легкой и пріятной.

Въ замкѣ мы вели жизнь совершенно независимую другъ отъ друга. Мы встрѣчались только по утрамъ. Каждый занимался, чѣмъ хотѣлъ: одни работали, другіе—развлекались.

Снисходительность кастелянши простиралась до того, что никто, даже и близкіе, не обязаны были слушать мессы, которая служилась въ замкѣ каждое утро. Въ три часа раздавался колоколъ къ обѣду и тогда всѣ собирались. По вечерамъ отъ 7 до 9 часовъ—если это было только не лѣтомъ — проводили время за чтеніемъ въ гостиной, и здѣсь всѣмъ можно было присутствовать, но при условіи сохранять тишину. Лектриса была занята только впродолженіи этихъ двухъ часовъ, которые посвящались чтенію журналовъ и литературныхъ новинокъ. Если новаго ничего не было, то перечитывали классиковъ. Тутъ-то я познакомилась съ Шатобріаномъ, въ произведеніяхъ котораго соединялся новый духъ съ классическими традиціями.

Въ это время только что вышелъ въ свѣтъ «Геній христіанства».[1])

На мой взглядъ, къ сожалѣнію, совершенно немыслимо согласовать двѣ вещи—мораль и воображеніе. Я предупреждаю объ этомъ матерей, которыя вздумали бы дать сво-

---

[1]) Въ 1802 году.

имъ дочерямъ эту религіозную поэзію. Авторъ вставилъ сюда между прочимъ отрывокъ изъ «Новой Элоизы», [1]) въ которомъ разсказывается, какъ Юлія жалуется на сердечную пустоту, послѣ того, какъ были изжиты всѣ ея душевныя силы.

Я никогда не забуду того впечатлѣнія, которое на меня произвела звучная проза Руссо. Я похитила эту книгу, чтобы перечитать еще разъ этотъ отрывокъ, который въ одно и то же время и опечалилъ меня и заставилъ задуматься. Теперь я понимаю, что Шатобріанъ имѣлъ совсѣмъ другое въ виду: онъ хотѣлъ, чтобы эта неясная потребность любви была обращена на Бога, но повторяю, для пятнадцатилѣтнихъ дѣвочекъ этотъ отрывокъ опасенъ, такъ какъ можетъ произвести на нихъ впечатлѣніе, совсѣмъ обратное тому, на которое разсчитывалъ авторъ.

По окончаніи чтенія двери открывались и начинались разговоры. Старики разсказывали, молодежь внимательно слушала. Краковская кастелянша,—старшая дочь Понятовскаго, друга и сподвижника короля Карла XII, — [2]) часто разсказывала интересныя воспоминанія объ этомъ шведскомъ королѣ, воспоминанія, слышанныя ею отъ своего отца. Врядъ ли, кого другого судьба одарила такой необычайной способностью на геройскіе поступки, какъ короля Карла XII. Соединяя въ себѣ желѣзное тѣло и пылкую душу, онъ ни передъ чѣмъ не останавливался, ни чему не удивлялся. Онъ не вѣрилъ въ препятствія и считалъ человѣческія потребности дѣтской блажью, а въ физической слабости видѣлъ лишь признакъ трусости. Однажды во время похода не хватило съѣстныхъ припасовъ. Король, ѣхавшій всегда впереди арміи, спрыгнулъ вдругъ съ лошади, вырвалъ пучокъ травы и принялся его жевать.

— Я пытался завоевать міръ,—сказалъ онъ своему

---

[1]) См. «Gênie du christianisme», III, гл. IV.

[2]) «Понятовскій, неизмѣнный приверженецъ короля шведскаго». Вольтеръ, «Charles XII», кн. V.

сподвижнику, съ удивленіемъ смотрѣвшему на него. —Если бы я добился, чтобы мои солдаты могли довольствоваться такой пищей, то я, если и не превзошелъ бы, то по крайней мѣрѣ былъ бы подобенъ Александру или Цезарю.

Единственно, чего онъ боялся больше всего на свѣтѣ—это могущества красоты. Красивая женщина могла превратить его въ труса и заставить обратиться въ бѣгство.

— Сколько героевъ,—говорилъ онъ—не устояло передъ очарованіемъ красиваго личика! Александръ Великій, котораго я ставлю выше всѣхъ, сжегъ цѣлый городъ въ угоду какой-то сумасбродной куртизанкѣ. Я хотѣлъ бы, чтобы судьба уберегла меня отъ такого искушенія и чтобы исторія не бросила мнѣ упрека въ подобной слабости.

Однажды ему доложили, что его желаетъ видѣть молодая дѣвушка, которая умоляетъ его оказать покровительство ея слѣпому восьмидесятилѣтнему отцу, обиженному его солдатами.

Первымъ движеніемъ короля, чрезвычайно строго относившагося ко всему, что касалось военной дисциплины, было вскочить и бѣжать къ дѣвушкѣ, чтобы лично выслушать ея жалобу. Но вдругъ онъ остановился и спросилъ:

— А она красива?

И когда ему отвѣтили, что она очень молода и необыкновенно красива, онъ приказалъ ей передать, чтобы она закрыла лицо вуалью, въ противномъ случаѣ онъ не будетъ ее слушать.

Какъ я теперь сожалѣю, что мнѣ тогда уже не пришла въ голову мысль записывать все, что мнѣ пришлось услышать! Теперь, когда я все вспоминаю, мнѣ представляются лишь отдѣльные факты, а тогда это была исторія цѣлой жизни, повѣсть о событіяхъ необычайно интересныхъ, разсказанная чрезвычайно точно и живо. Разсказчица, которая заставила насъ своими разсказами, такъ

сказать, соприкоснуться съ давно-минувшими временами, сама была очевидицей всѣхъ этихъ событій и ея разсказы дышали такой наивной простотой, правдивостью и благороднымъ прямодушіемъ, что не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія въ достовѣрности и точности излагаемыхъ событій.

Въ тѣ времена о которыхъ идетъ рѣчь, т. е. во времена Карла XII, еще существовали астрологи.

И вотъ разсказъ объ одномъ шведскамъ астрологѣ я слушала, сидя у ногъ матери, дрожа отъ страха и затаивъ дыханіе. Было ли то ребячество или суевѣріе—это не важно, но я теперь откровенно сознаюсь, не краснѣя, въ томъ, что въ этомъ ощущеніи страха было какое-то своеобразное наслажденіе. Быть можетъ, на чувствительнаго читателя этотъ разсказъ произведетъ нѣкоторое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что, повторяю, въ немъ нѣтъ ничего вымышленнаго.

По смерти Карла XII, [1]) Понятовскій, искренно преданный королю, вернулся въ Польшу, гдѣ въ скорости женился на княжнѣ Констанціи Чарторыйской [2]) и поселился въ своемъ помѣстьи—Волчинъ. [3]) Занимая самую почетную должность въ краѣ—кастеляна краковскаго, которую послѣ него наслѣдовалъ его зять, [4]) онъ жилъ, уважаемый сосѣдями и обожаемый своей семьей, отдыхая отъ бурной жизни и благородныхъ трудовъ, которымъ посвятилъ лучшіе годы своей жизни.

У него было уже четверо дѣтей. Какъ разъ въ тотъ моментъ, [5]) когда произошелъ странный случай, о которомъ

---

[1]) Въ 1718 году.

[2]) Свадьба состоялась 14 сентября 1720 г. Констанція Чарторыйская была сестрой князя Адама-Казиміра Чарторыйскаго, о которомъ идетъ рѣчь въ V главѣ.

[3]) О Волчинѣ см. «Memoires du prince Adam Czartoryski», I, стр. 4—5.

[4]) Мужъ краковской кастелянши — гетманъ Браницкій.

[5]) Въ 1732 г. дѣти: Казиміръ (1721 — 1800), дѣдъ со стороны матери Анны Тышкевичъ; Францъ (1723 — 1758),

я хочу разсказать, ожидалось рожденіе пятаго ребенка. Разумѣется, въ замкѣ царило весьма понятное волненіе; дѣтей удалили—и они беззаботно играли на дворѣ въ снѣжки, а отецъ, охваченный тревогой, совершенно машинально вперилъ взоръ въ клубы дыма, который онъ выпускалъ изъ своего восточнаго чубука.

Вдругъ внезапный шумъ вывелъ его изъ задумчивости. Въ комнату вбѣжали дѣти, введя съ собой какого-то иностранца, который, какъ оказалось, выразилъ желаніе видѣть хозяина дома.

Необыкновенная привѣтливость вмѣстѣ съ изысканной вѣжливостью были отличительными качествами кастеляна краковскаго, и эти качества унаслѣдовали отъ него всѣ его дѣти, а особенно король Станиславъ. При видѣ иностранца безпокойство уступило мѣсто любопытству. Странное одѣяніе и вполнѣ приличныя манеры незнакомца невольно возбудили вниманіе кастеляна.

Онъ пригласилъ его въ гостиную и предложилъ ему закусить. Когда слуги удалились, незнакомецъ разсказалъ слѣдующее. Шведъ по рожденію и астрологъ по профессіи, онъ путешествуетъ въ интересахъ своей науки, а теперь направляется къ великому раввину въ Козеницъ,—маленькое мѣстечко недалеко отъ Волчина.

Не вѣря въ кабалистику, Понятовскій не могъ удержаться отъ улыбки.

— Я вижу, что вы съ недовѣріемъ относитесь съ священнѣйшему и прекраснѣйшему изъ способностей человѣка читать по звѣздамъ, замѣтилъ астрологъ.—И вотъ, чтобы разсѣять ваше недовѣріе и въ благодарность за милостивый пріемъ, который я нашелъ подъ вашей кровлей, я предскажу судьбу всѣхъ вашихъ дѣтей.

Тотчасъ же его окружили бѣлокурыя и темноволосыя головки и къ нему протянулись дѣтскія ручки. Распро-

---

каноникъ краковскій, Луиза (1728—1797), вышедшая замужъ за графа Замойскаго, воеводу краковскаго; Изабелла (1730—1808) кастелянша краковская, о которой шла рѣчь выше.

сивъ подробно о днѣ и часѣ рожденія каждаго ребенка, астрологъ предсказалъ дѣвочкамъ блестящія партіи, а мальчикамъ—военную славу, почести и богатства.

Вдругъ тишину прорѣзалъ крикъ новорожденнаго, котораго акушерка внесла къ отцу.

Всѣ окружили его.

Астрологъ бросилъ быстрый взглядъ на ребенка и въ порывѣ необычайнаго экстаза съ силой воскликнулъ:

— Привѣтъ тебѣ, король Польши![1]) Я привѣтствую тебя сейчасъ, но отъ тебя еще скрыты и твое высокое назначеніе и несчастья, ожидающія тебя!

Какъ ни былъ предубѣжденъ кастелянъ противъ всякихъ предсказаній, тѣмъ не менѣе — какъ признавался онъ потомъ своей дочери—при послѣднихъ словахъ астролога его охватилъ смертельный страхъ.

Король Станиславъ никогда не говорилъ объ этомъ предсказаніи, но его старшіе братья и сестры вспоминали не разъ объ этомъ случаѣ и каждый разсказывалъ его по своему.[2]).

Какъ завидна эта способность простодушно признаваться, не боясь насмѣшекъ, въ томъ, что на свѣтѣ существуютъ необъяснимыя вещи, а тѣмъ болѣе такія, что ихъ нельзя отрицать!

Да здравствуетъ доброе старое время, когда вѣрили всему!

Сначала вѣрили въ Провидѣніе, и это очень упрощало жизнь, затѣмъ въ рай, который даетъ утѣшеніе въ скорбяхъ; твердо вѣрили въ добродѣтель и въ возможность воздержанія отъ дурныхъ наклонностей, вѣдь самые остороумные писатели и прекрасные романисты тогда еще

---

[1]) Впослѣдствіи Станиславъ-Августъ.

[2]) Не нужно удивляться, что Рюльеръ сообщаетъ другую версію. По его словамъ, предсказаніе было сдѣлано «своимъ» человѣкомъ, авантюристомъ-итальянцемъ, — по имени Форника, полуастрологомъ, полуалхимикомъ, жившемъ въ замкѣ въ качествѣ хирурга. «Oeuvres posthumes», 6 т., Парижъ, т. I стр. 238.

не доказывали, что подобное воздержаніе по меньшей мѣрѣ тщетно, такъ какъ страсть оправдываетъ всякое заблужденіе.

Вѣрили также въ чудеса, въ безкорыстную любовь, въ самоотверженную дружбу, и даже въ благодарность...

Кромѣ этихъ вѣрованій въ «серьезные»—если можно такъ выразиться—предметы, существовали еще вѣрованія, за которыя потомъ сами себя упрекали и въ которыхъ приходилось исповѣдываться священнику. Сюда относились вѣрованія въ любовныя чары, въ гаданіе, въ предчувствія, въ предсказанія, въ привидѣнія! Эти вѣрованія порождали поэтовъ, мечтателей, сектантовъ, героевъ и сумасшедшихъ!

А теперь такое обиліе благоразумныхъ головъ и глубокихъ, положительныхъ умовъ, которые не хотятъ ни во что вѣрить, а если и вѣрятъ, то только въ повышенія и пониженія на биржѣ!

А Богъ знаетъ, покоятся ли эти повышенія и пониженія на болѣе надежной основѣ и не приходится ли ей часто обманывать ожиданія!

IV.

Бракъ съ графомъ Александромъ Потоцкимъ.

(1802).

Планы о замужествѣ.—Прибытіе графа Потоцкаго въ Бѣлостокъ.—Графъ Станиславъ Потоцкій.—Графъ Тышкевичъ и генералъ Беннингсенъ.—Смерть Павла I.—Воспитаніе графини.—Ея вкусы.—Графиня Тышкевичъ.—М-me Соболевская.

Я была единственной дочерью и наслѣдницей двухъ большихъ состояній,[1]) носила громкое имя, обладала пріятной наружностью, получила прекрасное образованіе, однимъ словомъ, представляла изъ себя то, что принято называть прекрасной партіей. Четырнадцати лѣтъ я должна была выйти замужъ за князя Станислава Понятовскаго, брата моей матери,[2]) но ему было уже за пятьдесятъ. Это былъ длинный, сухой и суровый человѣкъ; я и слышать о немъ не хотѣла, несмотря на всѣ драгоцѣнности и прочія прелести свадебной корзины.

Подъ вліяніемъ прочитанныхъ великихъ поэтовъ мой умъ и сердце были переполнены какой-то дѣтской восторженностью. Я мечтала о герояхъ Расина или рыцаряхъ въ родѣ Танкреда, о глубокой страсти, о внезапной

---

[1]) Понятовскихъ и Тышкевичей.

[2]) Родился въ 1754 г., умеръ во Флоренціи въ 1833 году. Корченіовскій опубликовалъ въ «Revue d'histoire diplomatique», 9-e année, nº 4, «les Souvenirs du prince Stanislas Poniatowski».

симпатіи, о великихъ и благородныхъ подвигахъ... И я ждала! Но когда я увидѣла, что время проходитъ, а не являются ни Британикъ, ни Гонзальво Кордуанскій и даже врядъ ли явится Грандиссонъ, я рѣшила сойти съ облаковъ на землю, съ грустью думая, что вѣроятнѣе всего мнѣ придется, какъ и всѣмъ, выйти замужъ изъ приличія и по разсчету.

Самыя разнообразныя партіи были предложены моимъ родителямъ, но однѣ не нравились имъ, такъ какъ не были достаточно блестящи, а другія казались мнѣ невозможными по своей непривлекательности. Наконецъ, мнѣ сдѣлалъ предложеніе графъ Александръ Потоцкій, и такъ какъ онъ считался одной изъ лучшихъ партій въ Польшѣ, то его предложеніе было принято безъ колебаній. Наши родители все устроили при помощи писемъ, такъ что по прибытіи въ Бѣлостокъ, Потоцкій уже зналъ, что не встрѣтитъ отказа.

Былъ апрѣльскій вечеръ, когда карета графа въѣхала У меня былъ насморкъ, поэтому мнѣ не позволили выйти въ парадный дворъ замка. Я какъ сейчасъ вижу все это. изъ комнаты. Звуки почтоваго рожка привлекли мое вниманіе. Я подбѣжала къ окну и увидѣла молодого человѣка, который, съ ловкостью выскочивъ изъ дорожной коляски, быстро поднимался по ступенькамъ подъѣзда. Я тотчасъ же поняла, что это былъ мой ожидаемый женихъ. Ощущеніе, которое я тогда испытала, было очень похоже на страхъ!.. О, что бы я дала, чтобы отложить на завтра наше первое свиданіе! Но меня не спросили,—и спустя нѣсколько минутъ ко мнѣ вошла мать подъ руку съ графомъ Потоцкимъ.

Онъ только что вернулся изъ далекаго путешествія— это была очень благодарная тема для перваго знакомства. Онъ началъ разсказывать намъ много интереснаго о Лондонѣ, о Парижѣ... Онъ видѣлъ великаго Наполеона!.. но о немъ онъ говорилъ совсѣмъ безъ увлеченія и восторга и, казалось, совсѣмъ не былъ ослѣпленъ его славой.

Подали чай. Мы молча разсматривали другъ друга; графъ видѣлъ меня еще дѣвочкой, когда бывалъ у моей матери, и я помнила, какъ онъ съ высокомѣріемъ франта не обращалъ никакого вниманія на дѣвочекъ. А теперь мы встрѣтились въ томъ счастливомъ возрастѣ, когда время, закончивъ свое созданіе, казалось, остановилось, чтобы полюбоваться имъ. Мы украдкой смотрѣли другъ на друга—съ удивленіемъ и удовольствіемъ: судя по всему, жребій, выпавшій на нашу долю, былъ счастливѣе, чѣмъ мы могли ожидать...

Прошло три недѣли и намъ казалось, что мы отлично узнали другъ друга и вполнѣ подходимъ одинъ къ другому, хотя наши характеры и вкусы въ сущности не имѣли ничего общаго.

Графъ Станиславъ Потоцкій,[1]) мой будущій свекоръ, пріѣхалъ къ намъ на свадьбу. Это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей эпохи, столь обильной выдающимися по уму и сердцу людьми. Вмѣстѣ со своимъ братомъ Игнатіемъ онъ чрезвычайно много потрудился надъ Конституціей 3-го мая и оба они должны были искупить свой благородный порывъ за свободу и независимость родины суровымъ одиночнымъ заключеніемъ — одинъ—въ Россіи, другой—въ Австріи, въ Шпильбергѣ. Природа необычайно щедро одарила обоихъ братьевъ. При необычайно привлекательной наружности, они обладали высокимъ умомъ, обширнымъ образованіемъ и изумительной памятью. Будучи вполнѣ свѣткими людьми, они тѣмъ не менѣе все знали и все успѣвали.

Кромѣ того, графъ Станиславъ обладалъ такими со-

---

[1]) «Естественно, Станиславъ, братъ знаменитаго Игнатія Потоцкаго, былъ назначенъ президентомъ Совѣта, благодаря своему имени и своимъ предкамъ. Это былъ человѣкъ образованный, одушевленный прекрасными намѣреніями; единственно, что можно было поставить ему въ упрекъ, это недостатокъ необходимой энергіи, дабы придать соотвѣтствующій авторитетъ званію президента, а вмѣстѣ съ тѣмъ и интересамъ общественнымъ». «Souvenirs d'un diplomate.—La Pologne en 1811—1813.» Баронъ Биньонъ, I т., Парижъ, 1864 г., стр. 40.

лидными познаніями въ искусствѣ, которыя вообще рѣдко встрѣчаются у диллетантовъ. Неоднократныя посѣщенія Италіи способствовали развитію у него благородной любви къ прекрасному, любви—составлявшей, если можно такъ выразиться, его шестое чувство.

Всегда любезный и великодушный, онъ никогда и никому не отказывалъ въ совѣтахъ, но его любезность и необычайная вѣжливость составляли рѣзкій контрастъ съ живостью и необычайной раздражительностью его характера. При малѣйшемъ противорѣчіи онъ выходилъ изъ себя и начиналъ сердиться, какъ ребенокъ, но также легко и успокаивался. Особенно интересно было наблюдать за нимъ во время игры въ карты. Тогда этотъ государственный человѣкъ, извѣстный при всѣхъ европейскихъ дворахъ, вельможа съ тонкимъ вкусомъ и изящными манерами доходилъ до такой степени раздраженія, что бросалъ карты въ лицо своему партнеру, причемъ, игралъ всегда по маленькой и никогда не позволялъ платить проигрыша.

— Если бы я игралъ даже въ удары палками,—кричалъ онъ, забавно сердясь,—то и тогда я бы хотѣлъ быть въ выигрышѣ.

Я остановилась на этихъ подробностяхъ, такъ какъ мнѣ доставляетъ большое удовольствіе поговорить о моемъ свекрѣ, котораго я очень любила и которымъ гордилась. Я ему очень обязана въ своихъ познаніяхъ по архитектурѣ; ему самому доставляло большое удовольствіе развивать мою любовь къ искусствамъ, заложенную во мнѣ еще матерью и доставлявшую мнѣ столько наслажденія въ жизни.

Но вернемся къ свадьбѣ. Она произошла въ Вильнѣ, гдѣ въ это время находился мой отецъ, но въ виду припадка подагры у него, обрядъ вѣнчанія былъ совершенъ на дому. Спустя нѣсколько дней послѣ свадьбы мой свекоръ, скучая вынужденнымъ бездѣльемъ и торопясь къ своимъ обычнымъ занятіямъ, уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ насъ ожидала моя свекровь, и увезъ насъ съ собой.

Я простилась съ отцомъ, полная тяжелаго предчувствія, что я его болѣе не увижу. Упорство, съ какимъ онъ отказывался отъ леченія минеральными водами, стоило ему жизни. Онъ сдѣлался мрачнымъ и угнетеннымъ, изъ деревни выѣзжалъ лишь въ томъ случаѣ, если того требовало его здоровье или дѣла въ городѣ, гдѣ соприкосновеніе съ русскими властями было для него въ высшей степени непріятно. Во избѣжаніе этого, онъ, ссылаясь на свои болѣзни, никуда не выходилъ и даже избѣгалъ дѣлать обычные визиты. Генералъ Беннингсенъ, занимавшій тогда постъ губернатора въ Вильно, относился къ нему съ большимъ уваженіемъ и нерѣдко навѣщалъ его. Однажды генералъ до того увлекся, что сталъ разсказывать подробности знаменитаго заговора, благодаря которому императоръ Александръ занялъ престолъ. Онъ говорилъ даже о томъ участіи, которое онъ самъ принималъ въ этомъ убійствѣ. Насколько мнѣ помнится, онъ съ восхищеніемъ говорилъ о чести, выпавшей на долю того, кто первый поднялъ руку на несчастнаго государя, защищавшаго свою жизнь съ мужествомъ, котораго отъ него совсѣмъ не ожидали. На лицѣ Беннингсена не замѣтно было ни малѣйшаго смущенія, когда онъ разсказывалъ ужасную сцену,—сцену долгой борьбы одного человѣка съ пятью убійцами,—повидимому, онъ считалъ себя новымъ Брутомъ. Безумныя, часто доходившія до жестокости, выходки Павла создали почву для всеобщаго недовольства имъ, и когда увидѣли, что ждать отреченія отъ престола отъ него невозможно, то было рѣшено среди придворныхъ лишить его жизни; при всемъ томъ, нельзя было слушать безъ содраганія человѣка, который хвастался тѣмъ, что принималъ активное участіе въ этомъ ужасномъ убійствѣ...

Мы покинули Вильно всѣ вмѣстѣ. Моя мать пожелала остаться въ Бѣлостокѣ, дабы не отвлекать меня отъ исполненія обязанностей, налагаемыхъ на меня моимъ новымъ положеніемъ. Я была очень опечалена разлукой съ матерью. До сихъ поръ мы ни разу не разставались.

Она была всецѣло занята моимъ воспитаніемъ, присутствовала при моихъ урокахъ, а по нѣкоторымъ предметамъ сама занималась со мной. Если дѣло не касалось искусствъ и поэзіи, то я была довольно лѣнива; что же касается рисованія, то я могла проводить за нимъ цѣлые дни. Въ тринадцать лѣтъ я уже прочла Иліаду и буквально бредила ею. Мою мать безпокоило то, что другую, но менѣе разсудительную, привело бы въ восхищеніе. Но она была серьезна и сдержанна, обладала умомъ точнымъ и твердымъ, любила знанія и охотно предавалась размышленіямъ.

Трудно представить, какой рѣзкій контрастъ существовалъ между нашими характерами.

Мой собственный опытъ говорилъ мнѣ, что воспитаніе можетъ въ сущности только смягчить врожденныя качества, но не измѣнить ихъ. Моя мать совершенно удалила изъ моего воспитанія шумную веселость, любовь къ свѣтской жизни, нарядамъ и украшеніямъ. Я скрывала отъ нея всякія пустяки, но не умѣла ни притворяться, ни скрывать своихъ чувствъ, и лишь благодаря прямотѣ своего характера не разъ попадалась въ своихъ продѣлкахъ. Я росла совершенно одна. Въ свободное отъ занятій время я могла разговаривать со старшими, но тѣмъ не менѣе живость моего характера была неукротима. Передо мной были только хорошіе примѣры, я читала книги только серьезныя, при мнѣ говорилось всегда о вещахъ, вполнѣ благопристойныхъ, но при всемъ томъ я всегда угадывала то, что отъ меня старались скрыть. Очень можетъ быть, не будь за мной такого тщательнаго наблюденія, всѣ заботы обо мнѣ могли бы принести мало пользы, но навѣрно знаю, что я лучше всего знала то, чему меня меньше всего учили.

Я нѣжно любила свою мать. Я чувствовала, что я ей многимъ обязана; за ея высокую добродѣтель и благородный характеръ я питала къ ней чувство глубокаго уваженія, но это чувство было какъ бы сковано чѣмъ-то похожимъ на страхъ, и въ нашихъ отношеніяхъ про-

скальзывала какая-то натянутость. Она видимо ждала отъ меня откровенности и довѣрія. Порой я сама чувствовала потребность излить ей свою душу, но стоило только мнѣ пожелать или выразить мнѣніе, несогласное съ ея взглядами,—и тотчасъ же она принимала суровый видъ, и признаніе, уже готовое вырваться изъ глубины сердца, замирало у меня на устахъ.

Тѣмъ не менѣе, я чувствовала потребность въ любви, если и не болѣе нѣжной, то по крайней мѣрѣ болѣе довѣрчивой. Между молодыми особами, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться, была m-me Соболевская. Она чрезвычайно мнѣ нравилась необычайной прелестью своего личика и мягкостью манеръ. Она была нѣсколькими годами старше меня. И при томъ въ ней было столько скромности и кротости, что она неудержимо привлекала къ себѣ всѣ сердца. Только ей самой казалось это страннымъ.

Но когда строгая сдержанность покидала ее, она дѣлалась очаровательна, и тогда я не знала женщины болѣе любезной и милой. Во всѣхъ ея поступкахъ свѣтилась душа возвышенная и чистая. Разставаясь съ ней, я чувствовала, что сама сдѣлалась лучше. Сначала я ее любила чисто инстинктивно, затѣмъ, когда я научилась размышлять, я стала ее любить потому, что это было прекрасное существо и я всегда буду ее любить, потому что эта любовь стала привычкой и потребностью моей жизни. Никогда у меня не было отъ нея тайной мысли, или поступка, она знала меня такой, какой я была на самомъ дѣлѣ. Я несла ей свои печали, надежды, радости и огорченія и всегда находила снисходительную любовь, испытанную дружбу и отношеніе самое милое и сердечное. Моя мать съ удовольствіемъ смотрѣла на возникшую между нами близость. Это былъ единственный человѣкъ, котораго она мнѣ позволяла любить.

V.

Ланцутъ и Пулавы.

(1803).

Сентиментальная прогулка при лунѣ.—Женская хитрость.—Свадебные визиты.—Княгиня маршалкова.—Епископъ Лаонскій —Пулавы.—Князь Адамъ Казиміръ Чарторыйскій.—Благородство его характера.—Пулавскій паркъ.—Храмъ Сивиллы.—Готическій домъ.—Воспоминанія о Фридрихѣ Великомъ.—Императоръ Іосиръ II.—Князь Кауницъ.

Мы прибыли въ Варшаву въ самую лучшую пору года, но въ скорости перебрались въ Виланово,[1]) чудное помѣстье, знаменитое по воспоминаніямъ о Янѣ Собѣскомъ, который когда-то здѣсь жилъ.

Помѣстившись въ прелестныхъ комнатахъ, отведенныхъ мнѣ свекровью,[2]) я почувствовала себя на вершинѣ счастья. Моя мать принципіально воспитывала меня въ правилахъ строгой экономіи и вдругъ теперь я сразу стала богатой и независимой.

Не чувствуя къ моему мужу страстной любви, я начинала испытывать къ нему нѣжную привязанность.

---

[1]) Въ окрестностяхъ Варшавы. Сынъ графини, графъ Августъ Потоцкій, получилъ Виланово въ наслѣдство. Со смертью его Виланово перешло къ графу Ксаверію Браницкому, женатому на графинѣ Аннѣ Потоцкой.

[2]) Графиня Потоцкая, жена графа Станислава Потоцкаго, рожденная Любомірская, дочь княгини Любомірской, о которой рѣчь будетъ дальше. Она умерла въ Краковѣ въ 1831 г.

Здѣсь я снова встрѣтилась съ m-me Соболевской, родители моего мужа были внимательны и любезны со мной, ничто, казалось, не омрачало моего счастья — но это только такъ казалось на первый взглядъ. А на самомъ дѣлѣ лунному свѣту суждено было лишить меня на нѣкоторое время того блаженства, которымъ я наслаждалась. Какъ я уже раньше говорила, моя романическая натура не довольствовалась тихой и спокойной жизнью. Мнѣ вдругъ пришла въ голову мысль заставить моего мужа страстно въ меня влюбиться.

Однажды вечеромъ, когда мы гуляли по берегу Вислы, подъ тѣми вѣковыми деревьями, въ тѣни которыхъ происходили любовныя встрѣчи Яна Собѣсскаго съ красавицей Маріей, я завела разговоръ о чувствахъ—я утверждала, что все счастье на землѣ зависитъ отъ взаимной любви—страстной и вѣчной!.. Мой мужъ терпѣливо слушалъ меня нѣкоторое время, потомъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ, что уже поздно и пора домой и что комары ужасно кусаются.

Я отвѣтила самымъ равнодушнымъ тономъ на это замѣчаніе, но оно такъ меня обидѣло, что, вернувшись домой, я залилась слезами: мнѣ казалось, что я самая несчастная женщина на свѣтѣ, которую любятъ такъ мало и такъ вульгарно: вѣдь не могла же я согласиться, что любовь въ комнатѣ и любовь на свѣжемъ воздухѣ, при лунѣ—одно и тоже.

Съ этой минуты я думала только о томъ, какъ бы возбудить страсть въ сердцѣ мужа, отъ которой, по моему мнѣнію, зависѣло все мое будущее счастье. По зрѣломъ размышленіи я пришла къ заключенію, что лучше всего возбудить въ мужѣ ревность, но не желая вмѣшивать въ эту маленькую интимную поэму третьихъ лицъ, я рѣшила написать сама себѣ страстное любовное посланіе. Чтобы придать ему болѣе естественности и правдоподобія я, на ряду съ робкими и въ тоже время страстными при-

---

[1]) Жена Яна Собѣсскаго.

знаніями въ любви, наполнила его остроумными замѣчаніями объ окружающихъ меня лицахъ. Я такъ ловко измѣнила свой почеркъ, что мой мужъ (онъ нашелъ письмо въ кадкѣ съ апельсиновымъ деревомъ) ничего не замѣтилъ и показалъ его, смѣясь, своей матери. Я была въ восторгѣ, что мнѣ такъ ловко удалось всѣхъ заинтриговать, и уже торжествовала побѣду, совершенно не предполагая, какой оборотъ приметъ вся эта исторія. Хотя шутки, содержавшіяся въ письмѣ, были совершенно невиннаго свойства, тѣмъ не менѣе свекровь моя обидѣлась. Нѣсколько разъ перечитавъ письмо, она сравнила почерки и въ концѣ концовъ, конечно, открыла, что авторомъ этой мистификаціи была я.

Рѣшено было испытать, до какой степени я буду упираться въ своей лжи, которая, казалась еще болѣе преступной потому, что цѣль ея была неизвѣстна. Ко мнѣ для переговоровъ отправили свекра.

Я встревожилась и уже раскаивалась въ своей продѣлкѣ. Вдругъ я вижу—ко мнѣ входитъ мой свекоръ и по его лицу я замѣчаю, что онъ пришелъ съ цѣлью устроить мнѣ допросъ. Тутъ я потеряла голову отъ страха, но все-таки не призналась въ своей глупой шалости, а продолжала запираться, хотя, надо сознаться, весьма неискусно.

Мой свекоръ проявилъ во всей этой исторіи необыкновенную деликатность. Видя, что я упорно стою на своемъ, онъ удалился, а за допросъ принялся мой мужъ. Я умирала отъ стыда, но защищалась съ отчаяніемъ. Кончилось тѣмъ, что я залилась слезами и, бросившись передъ нимъ на колѣни, во всемъ ему призналась. Онъ простилъ меня, потому что понялъ побужденіе, руководившее мною и принялъ мою шутку за простую дѣтскую шалость. Совсѣмъ иначе посмотрѣла на это моя свекровь. Она вынесла изъ этой исторіи очень невыгодное впечатлѣніе о моемъ характерѣ, приписывая это глупое и смѣшное письмо моей наклонности къ интригѣ. Первый разъ въ жизни позволила я себѣ подобную шутку. Отъ огорченія я заболѣла,

и такъ какъ я была въ интересномъ положенiи, то всѣ стали за мной ухаживать, чтобы меня успокоить.

Тѣмъ не менѣе я отлично понимала, что всѣ эти нѣжныя попеченiя вызваны исключительно моимъ положенiемъ и что никогда свекровь не вернетъ мнѣ своего прежняго довѣрiя и любви: при всѣхъ своихъ достоинствахъ, она не обладала настолько тонкимъ умомъ, чтобы понять всѣ оттѣнки чувствъ, наполнявшихъ мою душу.

Подъ влiянiемъ охватившей меня надежды стать матерью исчезла всякая неловкость, и такъ какъ—что самое главное—всѣ ожидали наслѣдника, то я сдѣлалась предметомъ самыхъ внимательныхъ попеченiй и нѣжныхъ заботъ.

Первая половина моей беременности протекала очень тяжело, что заставило моего мужа отложить необходимые визиты съ цѣлью познакомить меня со всѣми родственниками.

Когда я оправилась настолько, что могла переносить тряску кареты, мы отправились въ замокъ Ланцутъ,[1]) гдѣ имѣла свое пребыванiе княгиня Любомiрская—бабка моего мужа. Ее звали княгиня-маршалкова. Трудно было встрѣтить особу, въ которой бы рядомъ съ высокими достоинствами уживалось столько значительныхъ недостатковъ. Она не любила ни своихъ дѣтей, ни свою родину и, постоянно скучая, переѣзжала съ мѣста на мѣсто.[2]) Чуждая всему, кромѣ старинныхъ традицiй французскаго дво-

---

[1]) О Ланцутѣ см. M-me де-Сталь: «Dix années d'éxil» гл. VIII.

[2]) О Елизаветѣ Чарторыйской, княгинѣ Любомiрской, кузинѣ короля Станислава-Августа, см. «Correspondance de Stanislas-Auguste et de madame Geoffrin». Здѣсь княгиня выведена подъ именемъ Аспазiи. «Несмотря на все прошлое, я все еще нѣжно люблю Аспазiю. Но чѣмъ болѣе я ее люблю, тѣмъ болѣе меня удручаетъ ея чрезмѣрная тоска, которая преслѣдуетъ ее до такой степени, что она дѣйствительно чувствуетъ себя очень несчастной и постоянно стремится мѣнять мѣсто, не находя нигдѣ удовлетворенiя». Письмо короля, 11 марта 1767 года.

ра, она гораздо лучше была знакома съ вѣкомъ Людовика XIV, чѣмъ съ событіями, сопровождавшими гибель ея родины.

Будучи свидѣтельницей ужасовъ, запятнавшихъ французскую революцію 1789 года, интимный другъ принцессы де-Ламбалль, она ненавидѣла всѣ новыя идеи. Наполеона она иначе не называла, какъ ничтожествомъ, который, благодаря случайнымъ обстоятельствамъ, вознесся на огромную высоту, гдѣ онъ, по ея мнѣнію, не могъ долго удержаться. Она вообще избѣгала говорить о немъ, но если ей и приходилось произнести это столь презираемое ею имя, то она не иначе называла его, какъ le petit Buonaparte. Вѣрная Бурбонамъ, она носила трауръ по герцогѣ Ангіенскомъ и осыпала благодѣяніями французовъ-эмигрантовъ, подобранныхъ ею на большихъ дорогахъ.

Пріѣхавъ въ Ланцуть, мы встрѣтили жившаго тамъ монсиньора епископа Лаонскаго.[1]) Ему воздавались всѣ почести, приличныя его сану.

Вслѣдствіе перемѣны династіи во Франціи и въ виду своего преклоннаго возраста, княгиня болѣе не ѣздила въ Парижъ, а почти каждую зиму посѣщала Вѣну.

Во время ея отсутствія ничто не измѣнялось въ Ланцутѣ. Попрежнему управляющій каждое утро являлся къ монсиньору за приказаніями, и онъ распоряжался здѣсь, какъ въ собственномъ замкѣ, съ той только разницей, что здѣсь ему было гораздо лучше, потому что трудно было еще гдѣ-нибудь найти такую обстановку жизни, полную роскоши и изящества. Богатая, какъ принцесса изъ «Тысячи одной ночи», маршалкова окружила себя англійскимъ комфортомъ и французскимъ вкусомъ.

Но надо поставить ей въ заслугу: она самымъ достойнымъ образомъ расходовала случайно попавшія ей въ руки

---

[1]) Людовикъ-Гекторъ-Гоноре-Максимъ де-Сабранъ, посвященъ въ 1778 г.

громадныя состоянія. Ея щедрость была тѣмъ замѣчательнѣе, что отличалась удивительнымъ благоразуміемъ и была направлена главнымъ образомъ на своихъ же собственныхъ многочисленныхъ вассаловъ. Въ каждой ея деревнѣ были школа, врачъ, больница и акушерка. Управляющіе обязаны были строго наблюдать за этими благотворительными учрежденіями, потому что княгиня, желая чтобы у нея все было солидно и роскошно, никогда не забывала своихъ бѣдныхъ.

Но странная и необъяснимая вещь! Княгиня, имя которой благословлялось всѣми бѣдняками, въ то же время была сурова и несправедлива къ своимъ дѣтямъ, которыхъ тѣмъ не менѣе обожала.

Съ первыхъ же минутъ нашей встрѣчи я замѣтила, что она очень сухо обращается со своимъ внукомъ—моимъ мужемъ и свою антипатію простираетъ и на меня. Но я не отчаивалась, а пустивъ въ ходъ всѣ свои ухищренія и маленькіе таланты,[1]) добилась того, что княгиня, наконецъ, простила мнѣ, что я была женой Александра.

Пробывъ въ Ланцутѣ около двухъ недѣль, мы отправились въ Пулавы,[2]) великолѣпное помѣстье князя Чарторыйскаго, брата княгини маршалковой и нашего двоюроднаго дѣда.[3]).

---

[1]) Я мастерила довольно искусно чепчики à la Людовикъ XV и такимъ образомъ могла оказать нѣкоторыя услуги княгинѣ, которая придерживалась модъ своей юности. (Прим. графини).

[2]) Делилль былъ въ Польшѣ. «Я думалъ, что попаду въ страну Сарматовъ, одѣтыхъ въ медвѣжьи шкуры, съ дубиной въ рукахъ и ведущихъ жизнь бродячихъ номадовъ—и я нашелъ Аѳины на берегахъ Вислы». Пулавы фигурируютъ въ Jardins: «Развѣ я могъ забыть вашу плѣнительную роскошь о, счастливыя Пулавы! Въ васъ сочеталось изящество съ богатствомъ, вы одни получили отъ боговъ тѣ чары, которыя небеса даруютъ многимъ! Какую восхитительную картину представляютъ ваши поля! Какой величественной рамкой окружаютъ васъ эти горы»!

[3]) Князь Адамъ-Казиміръ Чарторыйскій, генеральный староста Подоліи, 1734—1823, отецъ князя Адама.

Его иначе не называли, какъ княземъ-генераломъ. У насъ, у поляковъ, было въ обычаѣ называться полнымъ титуломъ, подобно тому, какъ во Франціи у аристократовъ принято называться по имени своего главнаго помѣстья.

Замокъ князя Чарторыйскаго представлялъ собой необычайный контрастъ съ тѣмъ жилищемъ, которое мы только что покинули. Въ немъ ничего не было элегантнаго. По всему было видно, что обитатели замка имѣли единственную цѣль, а именно—продолжить или скорѣе поддержать старыя традиціи и ничего не измѣнять въ старинныхъ обычаяхъ,—включительно до сердечнаго радушія и милаго гостепріимства. Съ первой же минуты пребыванія въ замкѣ, всякій чувствовалъ тамъ себя, какъ дома.

Подъ легкомысленной внѣшностью князь скрывалъ солидныя знанія. Превосходный оріенталистъ, онъ, кромѣ того, владѣлъ нѣсколькими языками и въ совершенствѣ былъ знакомъ со всеобщей литературой. Его блестящее остроуміе и неподдѣльная веселость и живость характера примиряли всякаго съ его ученостью. Онъ обладалъ умомъ тонкимъ, искрящимся, блестящимъ и живымъ. Въ этомъ отношеніи съ нимъ могъ конкурировать только принцъ де Линь, но при всемъ томъ нашъ князь-генералъ обладалъ благородной душой и возвышенными чувствами. Если бы онъ въ юности не увлекался пустой свѣтской жизнью съ ея мелочами, то немногіе могли бы сравниться съ нимъ своимъ умомъ и характеромъ, а его политическое вліяніе не прошло бы такъ безслѣдно.

Когда я съ нимъ встрѣтилась въ первый разъ, его преклонный возрастъ совсѣмъ не наложилъ печати на прелесть и живость его ума. Это былъ маленькій, сухощавый старичекъ — напудренный, всегда опрятный и хорошо одѣтый. Неизвѣстно, по какому случаю Іосифъ II далъ ему титулъ австрійскаго фельдмаршала, хотя онъ никогда не былъ на войнѣ; тѣмъ не менѣе подъ этимъ чужестраннымъ мундиромъ билось благородное сердце, полное патріотизма и преданности родинѣ. Его необыкновенная

доброта проявлялась во всѣхъ его поступкахъ, и вся страна обожала его. Онъ воспитывалъ на свой счетъ дѣтей многихъ бѣдныхъ дворянъ, интересовался ихъ способностями, слѣдилъ за успѣхами, отправлялъ путешествовать и пр. Не малое число образованныхъ людей было обязано своимъ развитіемъ, такъ называемой Пулавской школѣ.[1]) Щедрость князя весьма расширила значеніе этой школы тѣмъ, что создала ея развѣтвленія во Франціи и Англіи, но съ другой стороны та же щедрость настолько разстроила крупное состояніе князя, что его сыновьямъ пришлось потомъ платить немало долговъ.

Вотъ тутъ-то можно было наблюдать истинную аристократію, которую—и я утверждаю это—можно было встрѣтить только въ Польшѣ. Когда князь-генералъ оказывалъ поддержку какому-нибудь бѣдному, но благородному семейству, онъ тайкомъ отправлялся благодарить его за оказанное ему довѣріе. Единственно, въ чемъ онъ былъ очень экономенъ—это въ столѣ. Свой скромный, незатѣйливый обѣдъ князь съѣдалъ по предписанію доктора у себя въ комнатѣ; насъ же за столъ садилось пятьдесятъ человѣкъ и онъ первый посмѣивался надъ нашимъ болѣе чѣмъ скромнымъ обѣдомъ. Но надо замѣтить, что остатками отъ этого обѣда кормилось, по крайней мѣрѣ, еще до ста человѣкъ. Покончивъ свой незатѣйливый обѣдъ, князь ходилъ вокругъ нашего стола и развлекалъ гостей своими веселыми шутками. Встрѣчая случайно управляющаго, онъ хлопалъ его по плечу и смѣясь спрашивалъ, придерживается ли онъ по прежнему своей старой системы.

— Знаете,—обращался онъ къ намъ:—этотъ плутъ далъ зарокъ всегда подавать черезчуръ молодое вино и слишкомъ старое мясо.

---

[1]) Эти традиціи сохранились въ семьѣ. Графиня Дзялинская, рожденная княгиня Чарторыйская, содержитъ еще и теперь пансіонъ для молодыхъ польскихъ дѣвушекъ въ отелѣ Ламберъ, гдѣ она имѣетъ пребываніе.

Всѣ смѣялись, и никому въ голову не приходило жаловаться на это, за исключеніемъ нѣсколькихъ старыхъ сибаритовъ, которые возмущались подобнымъ небрежнымъ отношеніемъ къ тому, что, по ихъ мнѣнію, составляло наиважнѣйшую жизненную потребность.

Княгиня[1]) была женщина не безъ достоинствъ . . .

. . . .

Въ то время, о которомъ я говорю, она большею частью занималась благотворительностью: съ разсвѣта ее осаждали бѣдные и больные изъ сосѣднихъ деревень. Занявшись съ каждымъ изъ нихъ, все остальное время она проводила въ наблюденіяхъ за работами въ своемъ великолѣпномъ саду.

Въ Пулавскомъ паркѣ было много очень интересныхъ построекъ. Самая замѣчательная изъ нихъ была посвящена историческимъ и національнымъ воспоминаніямъ; это была копія съ храма Сивиллы въ Тиволи.

Искусный архитекторъ, которому была поручена эта работа, ѣздилъ въ Италію съ цѣлью воспроизвести зданіе съ полнѣйшей точностью—и выполнилъ свою задачу блистательно: копія не уступала оригиналу въ гармоніи отдѣльныхъ частей, въ отдѣлкѣ деталей, въ законченности общей конструкціи; единственно, чего не удалось перенести сюда—это итальянскаго неба; пришлось замѣнить его въ нашей пасмурной атмосферѣ цѣльнымъ стекляннымъ куполомъ.

Здѣсь были собраны регаліи нашихъ королей, драгоцѣнныя украшенія королевъ, оружіе нашихъ великихъ полководцевъ, а также трофеи, взятые у враговъ. Какъ прекрасна и благородна эта коллекція, составлявшаяся изъ предметовъ приношеній знаменитыхъ фамилій, по-

---

[1]) Княгиня Изабелла Чарторыйская 1746—1835; она была дочерью графа Флемингъ, родъ котораго происходилъ изъ Голландіи.

полнявшихъ ее историческими предметами, благодаря которымъ ихъ имена сдѣлались безсмертными въ исторіи![1])

На фронтонѣ храма была сдѣлана надпись, какъ бы напоминавшая о нашемъ величіи, печальной участи и надеждахъ: «Прошлое—настоящему». Да пощадитъ время это священное наслѣдство, дабы наши потомки могли приходить сюда точить свое оружіе на ступеняхъ этого славнаго храма.

Вторая постройка, носившая названіе Готическаго Дома, была совершенно въ другомъ стилѣ и представляла собой удачное соединеніе стилей фламандскаго и мавританскаго. Глядя на это зданіе, можно было подумать, что оно возобновлялось не разъ и при томъ въ разныя эпохи, тѣмъ не менѣе, построено оно было съ огромнымъ вкусомъ. Княгиня собрала въ этомъ зданіи коллекцію исторических предметовъ всѣхъ временъ и народовъ.

Рядомъ съ локономъ Агнессы Сорель, сохранявшимся въ великолѣпной рамкѣ изъ горнаго хрусталя, осыпанной драгоцѣнными камнями, находилась грубой работы чаша, служившая при коронованіи русскихъ государей и взятая поляками въ Москвѣ. Подъ дивнымъ собственноручнымъ портретомъ Рафаэля[2]) помѣщалось деревянное кресло спира, во многихъ мѣстахъ изъѣденное червоточиной, но благоговѣйно задѣланное бронзой и бархатомъ. Тутъ же находился столъ, принадлежавшій Вольтеру и золотой ключикъ къ нему, богато украшенный рѣзьбой. Открывъ ящикъ стола, находимъ тамъ цѣлую кучу сокровищъ. Прежде всего коллекцію писемъ знаменитыхъ людей, рисующихъ вѣкъ Людовика XIV, между прочимъ письмо Тюренна, написанное имъ собственноручно за нѣсколько

---

[1]) Всѣ эти сокровища были спасены во время разграбленія Пулавъ и находятся теперь въ Парижѣ, въ отелѣ Ламберъ. Затѣмъ эти коллекціи были перевезены въ Краковъ и составляютъ теперь большую часть музея князей Чарторыйскихъ.

[2]) Удостовѣрено, что этотъ знаменитый портретъ изображалъ герцога Урбино, племянника папы Юлія II.

дней до смерти. Тутъ же лежала маленькая книжечка въ старинномъ переплетѣ съ фортификаціонными планами Вобана, посвященная имъ герцогу Бургундскому. Далѣе письма-автографы всѣхъ французскихъ королей, начиная отъ Франциска I и кончая Наполеономъ, молитвенникъ Лавальеръ и цѣлая масса всевозможныхъ интересныхъ предметовъ. Къ сожалѣнію, мнѣ пришлось съ ними познакомиться лишь мелькомъ.

Стѣны зданія покрыты древними надписями, взятыми главнымъ образомъ изъ исторіи Польши. Княгиня сама составила каталогъ всѣхъ своихъ сокровищъ и теперь вся эта драгоцѣнная коллекція увѣковѣчена навсегда. Это была огромная работа, и трудно представить себѣ, сколько времени посвятила княгиня на изученіе исторіи тѣхъ странъ, реликвіи которыхъ она собирала. Особенно обогатился Готическій Домъ княгини во время великой французской революціи; это было время, когда историческіе предметы прошлаго вѣка можно было пріобрѣтать за безцѣнокъ. Княгиня Замойская,[1]) находившаяся какъ разъ въ Парижѣ въ это время всеобщаго неистовства, пріобрѣла тамъ вещи, которымъ теперь нѣтъ цѣны.

Трудно передать словами, съ какимъ интересомъ и удовольствіемъ слушали мы княгиню, которая, проведя всю жизнь въ собираніи столь рѣдкихъ и цѣнныхъ вещей, сама показывала ихъ намъ, разсказывая при этомъ интереснѣйшія воспоминанія.

Вечеромъ, нагулявшись по великолѣпному парку, всѣ собирались у княгини, и я особенно любила слушать ея разсказы.

Она много путешествовала и, будучи уже въ преклонныхъ годахъ, такъ живо и ярко разсказывала о многихъ знаменитыхъ людяхъ, будто она только вчера съ ними разсталась.

Будучи представлена ко двору Фридриха Великаго,

---

[1]) Графиня Софія Замойская, 1779—1837.

однажды она проскользнула въ его кабинетъ, когда онъ только что вышелъ оттуда.

— Я застала его, что называется, врасплохъ,—разсказывала она.

На бюро, заваленномъ бумагами и картами, стояла тарелка съ вишнями, на которыхъ лежала бумажка съ надписью, сдѣланной рукой самаго Фридриха: «Я оставилъ восемнадцать штукъ». Тутъ же, на диванѣ валялся старый гусарскій мундиръ, ожидавшій починки. Рядомъ съ письмомъ Вольтера валялся счетъ отъ поставщика колоніальныхъ товаровъ. На пюпитрѣ, какъ бы напоминая о гармоніи, были случайно брошены ноты, а тутъ же рядомъ стояло курульное кресло, похожее на тѣ, что когда-то находились въ Капитоліи, только съ той разницей, что то было сдѣлано изъ настоящаго краснаго дерева, а это—изъ простого дерева и стояло непокрытое, ничуть не скрывая того отвратительнаго употребленія, для котораго оно предназначалось. Нечего сказать, любопытный королевскій кабинетъ!

Конечно, Наполеонъ лучше пользовался своимъ правомъ побѣды, чѣмъ Фридрихъ—правомъ рожденія.[1]) Иностранцамъ, посѣщавшимъ берлинскій дворъ, нужно было обладать большимъ тактомъ и ловкостью, чтобы не попасть въ затруднительное положеніе, такъ какъ король и королева имѣли особо каждый свой дворъ. У короля обыкновенно собирались военные и ученые, а у королевы, съ которой онъ никогда не встрѣчался,—модныя женщины и сливки общества. Дворъ короля съ пренебреженіемъ относился ко двору королевы: достаточно было члену одного общества посѣтить другое, и это могло послужить причиной исключенія изъ своего общества.

---

[1]) «Въ старинномъ замкѣ въ Потсдамѣ чтятъ табачныя пятна, порванныя и испачканныя кресла и все, что носитъ на себѣ слѣды нечистоплотности этого короля—ренегата. Эти мѣста увѣковѣчили одновременно и непристойности циника, и безстыдство атеиста, и тиранію деспота, и славу солдата». Шатобріанъ, «Memoires d'outre—tombe», I, 182.

Когда король говорилъ о своей женѣ, что случалось очень рѣдко, онъ называлъ ее не иначе, какъ старой дурой, а она—въ свою очередь—награждала его именемъ стараго плута, или стараго скряги.

Фридрихъ обладалъ блестящимъ умомъ, но былъ нелюбезенъ и рѣзокъ.

Княгиня Чарторыйская очень любила разсказывать объ императорѣ Іосифѣ II, котораго она имѣла случай узнать ближе. Несчастная Марія Антуанета, удостоивъ ее своей дружбой, поручила ей при удобномъ случаѣ передать тайно письмо брату, такъ какъ за каждымъ ея шагомъ тщательно слѣдили. Княгиня съ готовностью взялась исполнить это щекотливое порученіе. Однажды, говоря о всѣхъ возможныхъ и вѣроятныхъ случайностяхъ революціи, которая уже надвигалась, императоръ Іосифъ, какъ бы охваченный предчувствіемъ, воскликнулъ:

— Такъ все будетъ идти до тѣхъ поръ, пока не явится геніальный человѣкъ, который завладѣетъ властью и возстановитъ порядокъ. Что же касается моей сестры, то мнѣ кажется, что ея положеніе, къ несчастью, безнадежно и я очень боюсь, прибавилъ онъ, что она станетъ жертвой своей неосторожности и слабохарактерности своего мужа.

Іосифъ II былъ однимъ изъ остроумнѣйшихъ людей своего времени. Онъ любилъ общество и охотно вступалъ въ разговоръ. Въ его интимномъ кружкѣ было нѣсколько любезныхъ дамъ, среди которыхъ княгиня Чарторыйская заняла видное мѣсто. Намъ же достались ея воспоминанія.

Однажды, въ концѣ обѣда, она разсказала намъ слѣдующій интересный анекдотъ о князѣ Кауницѣ,[1]) съ которымъ она была лично знакома. Князь, между прочимъ, отличался необычайной наглостью. Имѣя прекрасные зубы, онъ чистилъ ихъ тутъ же за обѣденнымъ

[1]) Венцеславъ-Антоній, князь Кауницъ, 1711—1794. Онъ былъ отправленъ во Францію въ качествѣ посла при французскомъ дворѣ въ 1750 году.

столомъ, не стѣсняясь присутствіемъ остальныхъ гостей. Какъ только убирали со стола, его лакей ставилъ передъ нимъ зеркало, чашку и щетки, и князь начиналъ свой утренній туалетъ, какъ будто онъ былъ одинъ въ своей уборной, между тѣмъ, какъ остальные гости ожидали, когда онъ кончитъ, чтобы подняться изъ-за стола. Не будучи въ состояніи сдержать своего удивленія, я спросила княгиню, неужели и она ожидала конца этой церемоніи.

— Увы! да,—отвѣчала она:—сначала я такъ растерялась, что только на лѣстницѣ пришла въ себя, но затѣмъ на слѣдующихъ обѣдахъ я вставала передъ дессертомъ, жалуясь на жару.

За этимъ же обѣдомъ присутствовалъ одинъ благородный венеціанецъ, по имени Грандениго. Князь, бывшій въ прекрасномъ расположеніи духа, забавлялся тѣмъ, что во всеуслышаніе называлъ его grand nigaud*), при громкомъ смѣхѣ присутствующихъ. Бѣдный иностранецъ, не зная французскаго языка, съ удивленіемъ спросилъ своего сосѣда о причинѣ столь неудержимаго хохота.

— Просто его свѣтлость любитъ, чтобы за столомъ было весело.

Но венеціанецъ, не удовлетворенный этимъ отвѣтомъ, задумался и не обращалъ вниманія на предлагаемыя ему лакеемъ кушанья. Князь, замѣтивъ, что это нарушаетъ теченіе обѣда, громко сказалъ, обращаясь къ дворецкому:

— Что ты не дашь ему хорошаго тумака?

Слушая эти разсказы, казалось, что все это происходило нѣсколько вѣковъ назадъ. Конечно, князь Меттернихъ, занимающій теперь мѣсто князя Кауница, не позволилъ бы себѣ подобныхъ странныхъ выходокъ; видя его всегда необыкновенно вѣжливымъ и учтивымъ, даже странно допустить подобную мысль. Не скажу того же о его женѣ.

---

*) Grand nigaud—большой дуракъ, простофиля.

VI.

Мистификація.

(1803).

Возвращеніе въ городъ.—Иллюминатъ.—Ловушка.—Вечеръ во французскомъ театрѣ въ Варшавѣ.—Таинственный отъѣздъ.—Пещера предсказателя.—Совѣщаніе.—Черный занавѣсъ поднимается.—Видѣніе.—Ужинъ.—Объясненіе загадки.—Князь Радзивиллъ. — Тревога свекрови. — Рожденіе наслѣдника. — Натолинъ.

Зимой мы вернулись въ Варшаву и заняли домъ родителей моего мужа. Въ скоромъ времени въ Варшаву пріѣхала и моя мать, чтобы присутствовать при моихъ родахъ, и поселилась въ своемъ домѣ.

Я уже говорила, что любила все чудесное, и мое воображеніе находило большое удовольствіе во всемъ необыкновенномъ. Зная, что мой свекоръ былъ масономъ и что онъ посѣщалъ знаменитую тогда въ Варшавѣ ложу Великаго Востока, я возымѣла страстное желаніе проникнуть въ тайны масоновъ, которымъ я придавала огромное значеніе. Я сгорала отъ любопытства и въ то же время дрожала отъ страха, когда разсказывали, что дорога туда идетъ среди мрака и пламени, что тамъ есть окна, черезъ которыя заставляютъ броситься въ пропасть, велятъ ходить по гвоздямъ и т. д.

Тщетно пыталась я вывѣдать эти тайны у своего свекра: онъ только смѣялся надо мной и попрежнему оставался непроницаемъ, что меня очень огорчало. Вдругъ я стала замѣчать, что онъ, прежде такой разговорчивый и общи-

тельный, сдѣлался озабоченъ, тревоженъ и разсѣянъ, часто опаздывалъ къ обѣду, а иногда даже и совсѣмъ не являлся. Повидимому, моя свекровь знала причину этихъ отлучекъ, потому что она совсѣмъ не тревожилась, но молчала. Я стала разспрашивать мужа. Отъ него тоже не укрылась озабоченность отца, но онъ увѣрилъ меня, что совсѣмъ не знаетъ причины ея.

Такъ прошло нѣкоторое время, и любопытство мое все возрастало. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, моя свекровь подъ секретомъ сообщаетъ мнѣ, что по случаю пріѣзда одного знаменитаго иллюмината происходятъ тайныя собранія, которыми съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увлекается мой свекоръ и что она начинаетъ бояться, какъ бы эти собранія не были открыты. Она велѣла мнѣ строго хранить эту тайну и взяла съ меня обѣщаніе ничего не говорить мужу, дабы не возбуждать въ немъ безпокойства. Я не буду здѣсь разбирать, хорошо ли она поступила или дурно, заставивъ меня имѣть тайны отъ мужа. Вопросъ щекотливый, но я признаюсь, что мнѣ стоило много труда не сказать ему ничего о томъ, что меня исключительно тогда занимало.

Обладая очень слабымъ здоровьемъ, мой свекоръ долженъ былъ вести очень регулярную жизнь, поэтому ежедневно, приблизительно въ одно и то же время, онъ долженъ былъ совершать прогулку въ закрытой каретѣ. Я часто его сопровождала, потому что въ моемъ положеніи необходимо было движеніе, а время года не позволяло мнѣ совершать моей обычной прогулки пѣшкомъ. Однажды утромъ, когда мы уѣхали дальше обыкновеннаго, мой свекоръ показался мнѣ болѣе, чѣмъ всегда, молчаливымъ и задумчивымъ. Я не вытерпѣла и спросила его, куда онъ хочетъ меня повезти.

Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ словъ, онъ замѣтилъ, какъ бы въ невольномъ порывѣ одушевленія:

— Если бы вы не были такъ молоды, и если бы я былъ увѣренъ, что вы сохраните все въ тайнѣ, я бы открылъ вамъ необычайныя вещи.

Чего же еще надо было? Я просила, умоляла, я даже клялась! и, наконецъ, онъ мнѣ сказалъ, что иллюминатъ, знакомый съ тайными науками, скрывается въ одномъ изъ городскихъ предмѣстій.

— Во время путешествій по разнымъ странамъ я видѣлъ ихъ не мало, но ничего подобнаго мнѣ не приходилось встрѣчать до сихъ поръ, прибавилъ онъ.

Онъ мнѣ сообщилъ затѣмъ, что нѣсколько человѣкъ —все образованные люди (я ихъ знала)—каждый вечеръ сходятся тайно слушать и смотрѣть такія необыкновенныя вещи, которыя, если ихъ мнѣ разсказать, покажутся мнѣ совершенно невѣроятными.

Я слушала съ такимъ жаднымъ вниманіемъ, что совсѣмъ не замѣтила, какъ мы пріѣхали домой.

Съ этого дня у меня появился новый предметъ для думъ и мечтаній.

На другой день тайна немного прояснилась. Я узнала, что при помощи денежнаго пожертвованія,[1]) я могла бы надѣяться, если и не познакомиться со всѣми чудесами, доступными лишь однимъ посвященнымъ, то хотя получить разрѣшеніе переступить порогъ святилища. Это было даже больше того, о чемъ я смѣла только мечтать: мои скромныя желанія ограничивались лишь тѣмъ, чтобы имѣть возможность слушать разсказы о чудесахъ. Обрадованная я побѣжала за деньгами, которыя у меня были скоплены, и послѣ этого получила полуобѣщаніе, потому что сначала нужно было повліять на иллюмината при помощи моего пожертвованія, которое онъ могъ передать отъ себя и уже тогда незамѣтнымъ образомъ получить отъ него согласіе на мое испытаніе.

На эти предварительные переговоры ушло еще нѣсколько дней, которые показались мнѣ вѣчностью. Наконецъ, однажды мой свекоръ является и объявляетъ мнѣ, что меня разрѣшено привести, но лишь за его от-

---

[1]) Деньги предназначались въ пользу бѣдныхъ,—иллюминаты воображали себя филантропами. (Прим. графини).

вѣтственностью, что мое пожертвованіе принято, и теперь я услышу и увижу то, что слышали и видѣли немногіе. При этомъ извѣстіи мною овладѣлъ такой неистовый порывъ радости, что свекоръ мой даже испугался. И еще теперь, когда я вспоминаю всѣ пережитыя мною за это время волненія, я удивляюсь, какъ это не повредило моему здоровью.

Было условлено, что въ день, назначенный для испытанія, мы отправимся во французскій театръ[1]) и здѣсь, въ назначенный часъ, мой свекоръ сдѣлаетъ мнѣ незамѣтно знакъ. Жалуясь на жару, я отправлюсь домой, а онъ предложитъ меня проводить. При этомъ онъ посовѣтовалъ мнѣ захватить съ собой вуаль, въ виду того, что всякая знатная дама, при какомъ-либо тайномъ посѣщеніи, не должна рисковать быть узнанной.

Все произошло такъ, какъ было условлено.

Въ ту минуту, когда мы садились въ карету, я замѣтила, что фонари не были зажжены, а слуги были безъ ливрей.

— Это непремѣнное условіе,—сказалъ мнѣ свекоръ:— я думаю, что это васъ не испугаетъ.

И я утверждаю, что ничто не могло бы поколебать тогда моего мужества, такъ какъ я была въ очень возбужденномъ состояніи.

Карета катилась страшно быстро. Такимъ образомъ мы проѣхали довольно значительное разстояніе.

Такъ какъ было очень холодно, то окна кареты были опущены, и я не знала, по какимъ улицамъ мы ѣдемъ.

Свекоръ мой сказалъ кучеру, чтобы онъ ѣхалъ туда, куда онъ ѣздитъ каждый вечеръ.

Вдругъ я почувствовала, что мостовая кончилась и мы ѣдемъ по мягкой дорогѣ.

— Значитъ, это за-городомъ?—спросила я.

— Ну, да, конечно, вѣдь этотъ человѣкъ вынужденъ скрываться. Если его найдутъ, то немедленно арестуютъ.

---

[1]) Въ Варшавѣ.

Помните же, прибавилъ онъ, малѣйшая неосторожность съ вашей стороны—и насъ ждетъ неминуемая гибель.

— О,—вскричала я:—какъ безсмысленно поступаютъ власти, преслѣдуя такъ науку!

Вскорѣ карета снова застучала по мостовой и мы въѣхали во дворъ. Лакей молча открылъ дверцу кареты, и мой свекоръ поспѣшно вылѣзъ изъ экипажа, попросивъ меня подождать, пока не придутъ съ огнемъ, такъ какъ полная темнота и тишина царили кругомъ. Я чувствовала себя уже не такой храброй, хотя сильное любопытство поддерживало еще мое мужество. Мой свекоръ вернулся въ сопровожденіи какого-то маленькаго человѣчка въ черномъ сюртукѣ и съ потайнымъ фонаремъ въ рукахъ. Я съ трудомъ поднялась по узкой и крутой лѣстницѣ.

— Вотъ какъ живутъ люди, одаренные тайными силами,—подумала я.

Вступивъ въ маленькую, темную и холодную переднюю, нашъ проводникъ—слуга иллюмината—молча поклонился и вышелъ, оставивъ насъ въ полнѣйшей темнотѣ.

— Теперь я долженъ дать условленный сигналъ!—Съ этими словами мой свекоръ какъ-то особенно ударилъ трижды въ ладоши, и черезъ минуту мы услышали загробный голосъ, который произнесъ только три слова: войдите, братъ мой!

Я задрожала, какъ листъ и вцѣпилась въ руку свекра.

Мы вошли въ большую, темную комнату, слабо освѣщенную лампой подъ абажуромъ, которая стояла на столѣ, покрытомъ чернымъ сукномъ. За этимъ столомъ, имѣвшемъ видъ бюро, сидѣлъ и внимательно читалъ старикъ, въ какой-то странной одеждѣ, скорѣе напоминавшей жителя востока, чѣмъ европейца. Погруженный въ чтеніе, онъ даже не взглянулъ на насъ. У него на носу были надѣты огромные очки, сѣдые волосы падали на плечи и весь его сгорбленный и страдальческій видъ говорилъ безъ словъ о продолжительныхъ занятіяхъ. Дере-

вянная чернильница, черепъ и груда огромныхъ фоліантовъ, лежавшихъ на столѣ, дополняли обстановку.

Въ комнатѣ не было никакой мебели, стѣны были голы, только въ концѣ комнаты я замѣтила большую занавѣсь изъ чернаго сукна, закрывавшую перегородку и повидимому что-то скрывавшую. Тутъ же на стѣнѣ висѣло огромное выпуклое зеркало въ широкой рамѣ изъ чернаго дерева.

— Вотъ, вѣроятно, въ этомъ зеркалѣ,—подумала я,—можно видѣть будущее, а за занавѣсью скрываются таинственныя видѣнія: въ моихъ глазахъ все принимало сверхестественный видъ.

Мы безшумно вошли въ комнату.

— Учитель!—произнесъ мой свекоръ, и старикъ поднялъ голову.—Вотъ молодая женщина, о которой я вамъ говорилъ. Ея сердце, какъ вы знаете, полно любви къ ближнему, а умъ жаждетъ свѣта, но такъ какъ она еще не знаетъ ни латинскаго, ни греческаго языка, то соблаговолите говорить съ ней по-французски.

Иллюминатъ обратился ко мнѣ.

— Чего вы желаете, сестра моя?—спросилъ онъ торжественнымъ тономъ.

Говоря правду, въ эту минуту я желала бы быть у себя въ ярко-освѣщенной гостинной, среди того милаго общества, которое меня сейчасъ ожидало, но я ни за что не хотѣла показать своего смущенія и бросила умоляющій взглядъ на свекра, чтобы онъ мнѣ помогъ и за меня сказалъ, чего мнѣ нужно было желать.

—Она знаетъ, учитель,—сказалъ онъ,—что вы управляете природой по своему желанію, что ваша глубокая наука даетъ вамъ возможность все знать и что духи находятся въ вашемъ полномъ распоряженіи, поэтому она хотѣла бы увидѣть одно изъ вашихъ таинственныхъ видѣній.

Старикъ наклонилъ голову и, казалось, погрузился въ свои размышленія. Снова воцарилась глубокая тишина. Сидя возлѣ стола, на которомъ лежали огромные фо-

ліанты, я машинально протянула руку, желая раскрыть одну изъ книгъ.

— Не трогайте!—вскричалъ старикъ.—Иначе вы увидите тамъ вещи, которыя заставятъ васъ похолодѣть отъ ужаса, для непосвященныхъ небезопасно знакомиться съ содержаніемъ моихъ книгъ!

Звукъ голоса, которымъ была сказана эта длинная фраза, поразилъ мой слухъ и, наклонившись къ свекру, я тихо произнесла:

— Но, вѣдь, это безусловно голосъ Р....

— Въ первый разъ я также, какъ и вы, былъ пораженъ подобнымъ сходствомъ,—замѣтилъ онъ такимъ естественнымъ тономъ, что всѣ мои подозрѣнія тотчасъ же исчезли.

— Что говоритъ сестра?—спросилъ старикъ.

—Она восторгается вашимъ торжественнымъ и величественнымъ голосомъ, отвѣтилъ мой свекоръ.

Иллюминатъ поклонился съ видимымъ смиреніемъ и приэтомъ имѣлъ такой видъ, будто подобное, внушаемое имъ, восхищеніе поневолѣ вынуждаетъ его исполнить неосторожно данное имъ обѣщаніе.

— Такъ какъ братъ этого требуетъ и онъ отвѣчаетъ за васъ, сестра моя, то говорите смѣло: что хотѣли бы вы видѣть—звѣрей Апокалипсиса, умершихъ или отсутствующихъ?

При одной мысли объ умершихъ и о звѣряхъ я почувствовала дрожь во всемъ тѣлѣ и отвѣтила, что желаю видѣть отсутствующихъ.

— Предупреждаю васъ, что моя власть не простирается за моря и имѣетъ силу не далѣе какъ на разстояніи двѣнадцати тысячъ шестисотъ сорока лье; принимая это во вниманіе, назовите тѣхъ, кого бы вы желали видѣть.

Всѣ мои помыслы были сосредоточены на одной единственной точкѣ земного шара и поэтому я сдѣлала ему любезность на двѣнадцать тысячъ шестьсотъ тридцать лье, выразивъ желаніе увидѣть мою мать, мужа и моего друга—госпожу Соболевскую.

— Хорошо, но такъ какъ вы еще не посвящены, то не можете присутствовать здѣсь во время приготовленій. Выйдите на нѣсколько минутъ въ сосѣднюю комнату.

Дѣлать нечего: волей, неволей пришлось снова вернуться въ маленькую, темную и холодную переднюю, въ которой мы уже ожидали. Это было послѣднее испытаніе, хотя и не самое легкое. Послѣ всѣхъ пережитыхъ волненій оставаться здѣсь одной было свыше моихъ силъ. Опираясь на дверь, я стала упрекать себя за преступное—такъ мнѣ казалось—любопытство и, горячо прося своего ангела-хранителя о помощи, дала ему обѣщаніе не пускаться никогда болѣе въ подобныя приключенія.

Спустя нѣсколько минутъ, свекоръ открылъ дверь и ввелъ меня въ комнату.

— Сестра! ваше желаніе будетъ исполнено, но я васъ предупреждаю, что, если вы сдѣлаете одинъ шагъ, произнесете одно слово, то очарованіе разрушится и все исчезнетъ. Теперь, смотрите внимательно, вы увидите сейчасъ дорогихъ вамъ людей и тамъ, гдѣ они находятся въ настоящее время.

Произнеся эти слова съ необыкновенной торжественностью, старикъ хлопнулъ трижды въ ладоши. Черная занавѣсь поднялась какъ бы сама собой, и я увидѣла черезъ облака легкаго пара ту ложу, изъ которой я только-что уѣхала, а въ ней вызванныхъ мною трехъ человѣкъ. Судя по ихъ виду, они внимательно слушали, какъ будто пьеса, изъ которой я видѣла только первый актъ, еще не кончилась. Сходство чертъ лица, платья, движеній—было такъ поразительно, что я не могла удержаться отъ восклицанія. Занавѣсъ упала, и до меня донесся взрывъ смѣха.

— Ну, на этотъ разъ вы показали себя такой смѣлой, что теперь васъ можно посвятить во всѣ таинства этого дома. Пойдемте!

И увлекая меня къ таинственной занавѣси, онъ отдернулъ ее,—и передъ моими глазами открылся—совсѣмъ не въ облакахъ пара, а совершенно ясно,—великолѣпно

сервированный и ярко освѣщенный столъ, вокругъ котораго сидѣли всѣ наши друзья и весело ужинали. Я онѣмѣла отъ удивленія.

Тогда всѣ поднялись изъ-за стола и, окруживъ меня, стали спрашивать, какъ мнѣ понравились здѣшнія чудеса.

— Чудеса?—отъ удивленія я не могла произнести ни слова и отличить ложь отъ истины.

— Но гдѣ же мы?—спросила я, наконецъ.

— Въ домѣ М..., который сейчасъ находится въ отсутствіи. Прежде чѣмъ пріѣхать сюда, вы долго колесили по городу и за городомъ.

— А этотъ таинственный входъ?

— Это черная лѣстница для прислуги, по которой вы никогда не поднимались.

— А иллюминатъ?

— Г-нъ Р...; вы были правы, когда узнали его по голосу.

— А облака пара?

— Это былъ натянутъ прозрачный газъ.

— А ложа?

— Не болѣе, какъ нарисованная декорація.

— А что же значатъ огромные фоліанты, которыхъ нельзя было трогать?

— «Путешествіе въ Неаполь и Сицилію».

— А что-же значитъ это пиршество?

—А это мы устроили на ваши сто дукатовъ, пожертвованные иллюминату.

— Какъ же въ такомъ случаѣ объяснить разсѣянность и озабоченность моего свекра?

— Это была просто заранѣе приготовленная мистификація.

Но самымъ любопытнымъ во всей этой исторіи было то, что они съ точностью установили, насколько у меня хватитъ смѣлости и совершенно правильно предугадывали, что я не стану тревожить покоя мертвецовъ, а предпочту вызвать именно тѣхъ лицъ, о которыхъ они сами думали.

Моя мать и мой мужъ не были посвящены въ приготовленія къ этой мистификаціи, и только по выходѣ изъ театра моя свекровь предупредила ихъ о готовящейся шуткѣ и о мѣстѣ, гдѣ она должна разыграться. Они боялись— и не безъ основанія—что мужъ и мать, тревожась за меня, выдадутъ ихъ тайну и тѣмъ испортятъ все удовольствіе шутки, которая должна была и мнѣ принести пользу. Я только потомъ поняла, какъ легко было ввести меня въ заблужденіе, воспользовавшись моимъ легковѣріемъ; если бы я уѣхала въ тотъ моментъ, когда закрылась занавѣсь и если бы я ѣхала домой тѣмъ же путемъ, было бы очень трудно заставить меня повѣрить, что все это была не болѣе, какъ мистификація, и я оставалась бы въ полной увѣренности, что иллюминаты находятся въ тѣсномъ общеніи съ духами и все чудесное для нихъ возможно.

Я ничуть не обидѣлась, что меня такъ провели, наоборотъ, я больше всѣхъ смѣялась этой шуткѣ, но мнѣ этотъ злосчастный вечеръ принесъ много непріятныхъ минутъ, такъ какъ въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, двухъ недѣль, по десять разъ въ день, мнѣ приходилось разсказывать всю исторію во всѣхъ подробностяхъ тѣмъ, кто не присутствовалъ тогда при этой шуткѣ. Я чуть не умерла отъ скуки и меня такъ и подмывало отвѣтить на всѣ разспросы такъ, какъ отвѣтилъ одинъ изъ друзей князя Радзивилла,[1]) который, будучи спрошенъ этимъ знаменитымъ шутникомъ, не можетъ ли онъ подтвердить присутствіе князя при какой-то знаменитой битвѣ,[2]) отвѣтилъ:—«Я не ручаюсь за это, такъ какъ его свѣтлость былъ убитъ въ самомъ началѣ боя».

---

[1]) Карлъ Радзивиллъ, 1734—1790, глава Барской Конфедераціи. Онъ жилъ долго въ Парижѣ и на свои средства построилъ *Пассажъ Радзивиллъ*, ведущій къ Пале-Рояль. Кромѣ того, онъ извѣстенъ своими необыкновенными причудами.

[2]) Во время этой битвы князь, видя, что военные снаряды на исходѣ, началъ подбирать руками падавшія вокругъ него ядра и снова заряжалъ ими пушки, чтобы онѣ еще горячими вернулись къ непріятелю. (Прим. графини).

Тотъ же Радзивиллъ, находясь въ Парижѣ въ началѣ царствованія Людовика XV, нашумѣлъ тамъ своей расточительностью. Онъ никогда не покупалъ меньше половины или четверти магазина, такъ какъ, по его мнѣнію, выборъ занимаетъ слишкомъ много времени; гораздо проще и легче все, что потомъ окажется ненужно, выбросить за окно. Благодарные парижане назвали его именемъ одинъ изъ пассажей, существующій и донынѣ. Остатокъ зимы прошелъ тихо, не принеся съ собой ничего замѣчательнаго; но что же касается меня, то моя новая жизнь, съ которой я еще не успѣла свыкнуться, состояла изъ массы мелкихъ событій, которыя оставались въ памяти въ зависимости отъ производимаго ими на меня впечатлѣнія.

Живя въ домѣ родителей моего мужа, мы вели независимый отъ нихъ образъ жизни. Мнѣ казалось вполнѣ допустимымъ приглашать къ себѣ друзей и время отъ времени устраивать маленькія собранія изъ лицъ наиболѣе мнѣ симпатичныхъ. Для нашихъ собраній мы назначали тѣ дни, когда моя свекровь была не одна и мы думали, что она ничего не будетъ имѣть противъ нашихъ маленькихъ собраній, на которыхъ не было гостей старше тридцати лѣтъ. Но, увы, оказалось, что мы ошибались. Она обидѣлась и нашла, что избѣгать ея общества на этихъ собраніяхъ было съ нашей стороны нелюбезно, между тѣмъ, какъ нами руководило только желаніе не чувствовать себя стѣсненными и развлекаться сообразно нашему возрасту. Если бы она откровенно объяснилась со мной, мы охотно пожертвовали бы ради ея нашимъ шумнымъ весельемъ, но она злилась молча, и съ тѣхъ поръ между нами возникли натянутыя отношенія, которыя потомъ уже и не прекращались.

17 марта, послѣ двадцативосьмичасовыхъ ужасныхъ страданій, у меня родился, такъ страстно ожидаемый, сынъ,[1]) появленіе котораго осуществило всѣ мои завѣтныя

[1]) Августъ, графъ Потоцкій.

желанія. Я потомъ имѣла еще двухъ дѣтей,[1]) но никогда я не испытывала такого восторга, какъ услыхавъ первый крикъ моего первенца. Моя радость обратилась въ какое-то безуміе, которое на нѣсколько минутъ заставило меня забыть о моей слабости. Я даже пыталась встать, чтобы посмотрѣть на моего сына, но обезсиленная перенесенными страданіями, снова упала на подушки. Благодаря своей молодости и здоровью, я быстро поправилась и уже на девятый день, лежа на кушеткѣ, принимала поздравленія.

Казалось, съ рожденіемъ наслѣдника, должно было бы упрочиться и мое счастье. Но, увы! Вмѣстѣ съ здоровьемъ снова вернулись и прежнія мелкія непріятности, и мы рѣшили тогда, что какъ ни хорошо намъ у родителей мужа, самое лучшее жить своимъ домомъ. Тогда-то мы и переѣхали въ Натолинъ, и я начала заниматься этимъ чуднымъ имѣніемъ.

Я съ жаромъ принялась за хозяйство. Сама чертила всѣ планы, входила во всѣ мелочи. Не зная Италіи и Греціи, я бредила ими. Мой свекоръ руководилъ мною и гордился, сдѣлавъ изъ меня художницу. Съ этихъ поръ я оставила всѣ свои причуды, а сосредоточила свое самолюбіе и заботы на Натолинѣ, на этомъ образцовомъ имѣніи, достойномъ, по моему мнѣнію, безсмертія.

Когда у насъ не хватало денегъ, я продавала брилліанты, и покупала мраморъ и бронзу. Мой мужъ, повидимому, раздѣлялъ мои вкусы, и, несмотря на свою холодную, чуждую всякаго энтузіазма, натуру, съ гордостью любовался моей художественной дѣятельностью.

О, счастливое время, когда отъ избытка воображенія я проводила безсонныя ночи! Какъ часто грезила я съ открытыми глазами! Съ какимъ нетерпѣніемъ ждала я наступленія утра, чтобы набросать на бумагу мысли, зародившіяся въ ночной тиши!

---

[1]) Наталія (1807), княгиня Сангушко и Маврикій, графъ Потоцкій (1812).

VII.

Императоръ Александръ въ Вилановѣ.

(1905).

Нежданный гость.—Князь Адамъ Чарторыйскій.—Обѣдъ.—Манера Александра вести разговоръ.—Книга гостей, посѣщавшихъ Вилановъ.

Однажды вечеромъ, когда мы спокойно пили чай у камина, мужу подали письмо, содержаніе котораго, казалось, его очень удивило. Я стала спрашивать, желая узнать, въ чемъ дѣло и тогда онъ предложилъ мнѣ угадать, какой гость пріѣдетъ къ намъ на другой день. Я долго ломала голову, но не могла догадаться.

Какъ могла я представить себѣ, что я должна приготовиться къ встрѣчѣ императора Александра со свитой! Сколько я ни видѣла государей, я съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе убѣждалась, что они не подозрѣваютъ, сколько хлопотъ и затрудненій доставляютъ они своими посѣщеніями. Съ самой колыбели имъ твердятъ о томъ счастьѣ, которое они доставляютъ своими визитами и поэтому они даже и не догадываются, какъ стѣсняетъ иногда ихъ присутствіе.

Но наши люди сдѣлали чудеса. Вопреки нашимъ ожиданіямъ, имъ удалось устроить все къ пріему неожиданнаго гостя, и къ двумъ часамъ слѣдующаго дня все было готово. Не малую роль въ этомъ сыграла близость Варшавы.

Я пригласила дядю, князя Понятовскаго,[1]) и его сестру, графиню Тышкевичъ,[2]) чтобы помочь мнѣ, какъ новичку, достойнымъ образомъ принять высокаго гостя, такъ какъ мнѣ пришлось дебютировать прямо съ пріема такого могущественнаго государя.

Императоръ прибылъ въ четыре часа. Онъ былъ молодъ и красивъ, но хотя онъ былъ прекрасно сложенъ, его осанка показалась мнѣ скорѣе элегантной, чѣмъ благородной и важной. Его манеры были лишены той непринужденности, которая присуща человѣку, находящемуся въ исключительномъ положеніи и привыкшему повелѣвать. Повидимому, онъ чувствовалъ себя стѣсненнымъ; въ его чрезмѣрной учтивости сквозило что-то банальное и вообще все, вплоть до его необычайной прямизны, вслѣдствіе чрезмѣрно-узкаго мундира, придавало ему видъ скорѣе прелестнаго молодого офицера, чѣмъ юнаго монарха.

Князь Адамъ Чарторыйскій, сынъ князя-генерала, сопровождалъ Александра.

Говорили, что императоръ, подъ вліяніемъ своего друга, не знавшаго другой страсти, кромѣ любви къ родинѣ, проникся рѣшеніемъ возстановить независимость Польши. Во всякомъ случаѣ, извѣстно то, что пруссаки, владѣвшіе тогда Варшавой, не позволили императору проѣхать черезъ этотъ городъ, боясь взрыва народнаго энтузіазма въ тотъ моментъ, когда,—какъ они открыто заявляли,—онъ готовъ былъ провозгласить себя королемъ Польши. Вотъ почему мы имѣли честь принимать у себя императора.

Прусскій генералъ Калькрейтъ, комендантъ Варшавы, получилъ приказаніе отправиться навстрѣчу Александру и проводить его до границы.

---

[1]) Князь Іосифъ, герой наполеоновскихъ войнъ.

[2]) Марія-Терезія, жена графа Винцента Тышкевичъ, о которой шла рѣчь во время пребыванія графини въ Парижѣ. См. III ч, гл. III.

Никого не обманула эта, казалось бы, почетная предосторожность, а лишь заставила всѣхъ посмѣяться.

Не знаю, какимъ образомъ, но мужу удалось узнать желаніе его величества относительно лицъ, которыя должны были сидѣть за однимъ съ нимъ столомъ: только князь Чарторыйскій и генералъ Калькрейтъ удостоились этой чести, а остальная свита обѣдала въ отдѣльной залѣ.

Князь Понятовскій уклонился отъ приглашенія и тетка пріѣхала одна, такъ что за столомъ насъ было всего шесть человѣкъ.

Кувертъ государя былъ поставленъ отдѣльно во главѣ стола. Онъ, оказалось, былъ этимъ недоволенъ и придвинулъ свое кресло къ моему стулу. Онъ ѣлъ мало, а говорилъ много. Его разговоръ былъ простъ и сдержанъ; нельзя было предположить въ немъ блестящихъ талантовъ, но, слѣдовало признать, что мысли, высказываемыя имъ, были возвышенны, а манера выражаться—чрезвычайно осторожна. Почти не поднимался вопросъ о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя способствовали его пріѣзду сюда, а тѣ немногія слова, которыя онъ произнесъ по этому поводу, отличались сдержаннымъ благоразуміемъ. Что же касается генераловъ его свиты, то они не отличались такой же скромностью. Они просили насъ дать имъ порученія въ Парижъ, воображая, что ихъ побѣды и тріумфы непремѣнно приведутъ ихъ туда. А между тѣмъ, спустя мѣсяцъ послѣ отъѣзда нашего царственнаго гостя, мы узнали, что онъ былъ разбитъ подъ Аустерлицемъ и тотчасъ же возвратился въ Петербургъ.

Но вернусь къ обѣду, который продолжался очень долго. Александръ былъ тугъ на ухо, и, какъ всѣ молодые люди съ слабымъ слухомъ, старался говорить очень тихо, а такъ какъ никто не осмѣливался переспрашивать его, то отвѣчали ему, что попало, не разбирая.

Когда всѣ затѣмъ перешли въ гостинную, онъ пробылъ здѣсь еще добрыхъ два часа, все время оставаясь на ногахъ. Говорили, что мундиръ его такъ узокъ, что во

всякомъ другомъ положеніи онъ чувствуетъ себя неловко. Около полуночи онъ, наконецъ, удалился, выбравъ изъ приготовленныхъ для него двухъ комнатъ,—самую простую.

На другой день нужно было встать очень рано, чтобы присутствовать при завтракѣ его величества и проститься съ нимъ; это было, конечно, не легко для моего здоровья. Прежде чѣмъ сѣсть въ карету, императоръ чрезвычайно любезно спросилъ меня, чѣмъ онъ можетъ доказать намъ свою признательность.

Видя его въ прекрасномъ настроеніи, я почувствовала сильное желаніе попросить у него Польшу, но, бросивъ взглядъ на мужа, догадавшагося о моемъ намѣреніи, я сдержала свой патріотическій порывъ и, не выходя изъ рамокъ обычая и этикета, самое главное условіе котораго запрещаетъ просить у государей того, въ чемъ они могутъ отказать, я, откинувъ всякія импровизаціи, удовлетворилась тѣмъ, что попросила Александра написать свое имя въ книгѣ, гдѣ расписывались всѣ посѣщавшіе Вилановъ. Онъ оказалъ мнѣ эту любезность и расписался на первой страницѣ. Кто бы могъ подумать тогда, что вскорѣ рядомъ съ именемъ Русскаго Императора появится подпись Наполеона?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Французы въ Варшавѣ.

Авангардъ.

(1806—1807).

Конецъ войны съ Пруссiей.—Вступленiе французскаго полка въ Варшаву.—Господинъ де-Ф... Мюратъ.—Балъ у князя Понятовскаго.—Султанъ Мюрата.

Первое наше лѣто въ деревнѣ прошло необычайно быстро, такъ какъ мы всецѣло были погружены въ безчисленные работы и проекты. Въ Варшаву мы вернулись лишь къ концу октября.

Въ то время иностранныя газеты не составляли, какъ теперь, настоятельной жизненной потребности и немногiе имѣли возможность ихъ получать, но зато тѣ счастливцы, которые получали ихъ, осаждались любопытными, жаждущими узнать новости относительно прусскаго королевства.

Счастливая звѣзда Наполеона ни въ комъ ни на минуту не возбуждала сомнѣнiя, и всѣ были увѣрены въ побѣдоносномъ исходѣ прусской кампанiи, но никто не ожидалъ отъ Наполеона той стремительности, съ которой онъ разгромилъ еще такъ недавно кичившуюся своей дисциплиной и побѣдами прусскую армiю. Съ этого момента самые благоразумные люди стали вѣрить въ уничтоженiе Пруссiи и возстановленiе Польши.

Общественное мнѣніе Польши такъ мало стѣснялось въ выраженіи своихъ чувствъ и надеждъ, что у пруссаковъ, ненавистныхъ владѣтелей страны не по праву завоеванія, а исключительно благодаря раздѣлу (1795 г.), не могло быть двухъ мнѣній относительно пробуждавшихся въ обществѣ симпатій. И всетаки, имъ надо отдать справедливость, они никого не притѣсняли, и прусскія власти ограничивались лишь тѣмъ, что задерживали, насколько возможно, доступъ извѣстій въ страну. Утаивая газеты и сжигая письма, они тщательно пытались скрыть отъ насъ тріумфальное шествіе французской арміи, но уже никакими силами нельзя было заглушить громъ побѣды при Іенѣ и вступленіе Наполеона въ Берлинъ.

Съ этого момента всѣ умы воспламенились и уже никто не скрывалъ болѣе своей радости. Пылкая молодежь наполнила рестораны, распѣвала патріотическія пѣсни и при громкихъ кликахъ пила за здоровье своихъ освободителей и братьевъ.

Между тѣмъ генералъ Калькрейтъ, комендантъ Варшавы, получивъ тайное извѣщеніе, что императоръ Наполеонъ выступилъ изъ Берлина и идетъ на Познань, поспѣшно отправилъ курьера за инструкціями, такъ какъ вслѣдствіе наступившаго замѣшательства, о генералѣ совсѣмъ забыли. Уже будучи совсѣмъ готовымъ къ выступленію изъ города, онъ сумѣлъ сохранить въ глубокой тайнѣ движеніе великой арміи, такъ что мы узнали почти въ одинъ и тотъ же день о выступленіи изъ Берлина и о вступленіи французовъ въ Познань.

Это послужило сигналомъ для прусскихъ властей. Сопровождаемые насмѣшками уличныхъ мальчишекъ, они поспѣшили покинуть Варшаву, и присоединились къ русскимъ войскамъ, расположеннымъ лагеремъ на другомъ берегу Вислы. А король прусскій написалъ письмо князю Понятовскому,[1]) назначая его губернаторомъ Вар-

---

[1]) Князь Іосифъ.

шавы и начальникомъ несуществующей національной гвардіи. Онъ просилъ его при этомъ позаботиться о безопасности жителей, увѣряя, что не считаетъ никого болѣе достойнымъ такого важнаго дѣла; а между тѣмъ пруссаки не оставили ни единаго ружья, и князь ограничился тѣмъ, что вооружилъ около сотни людей копьями и дрекольями и занялъ ими караулы.

Но это продолжалось лишь нѣсколько дней.

21 ноября, утромъ, раздался сигналъ, возвѣщавшій о прибытіи перваго французскаго полка. Какъ описать тотъ энтузіазмъ, съ которымъ онъ былъ встрѣченъ! Чтобы понять одушевлявшія насъ чувства, надо, подобно намъ, все потерять и снова обрѣсти желанную надежду. Эта горсть храбрецовъ предстала предъ нами, какъ гарантія той независимости, которую мы ожидали отъ великаго человѣка, подчинившаго себѣ весь міръ.

Общій энтузіазмъ достигъ высшей степени, а вечеромъ городъ былъ сказочно иллюминованъ. Въ тотъ день властямъ не пришлось заботиться о помѣщеніи для вновь прибывшихъ героевъ—изъ-за нихъ спорили, ихъ разрывали на части. Жители, незнакомые съ французскимъ языкомъ, пустили въ ходъ языкъ, общій для всѣхъ народовъ,—а именно—всевозможные аллегорическіе знаки, пожатія рукъ, радостныя восклицанія,—все было пущено въ ходъ, дабы дать понять дорогимъ гостямъ, что къ ихъ услугамъ предоставляется отъ чистаго сердца все, что имѣется въ домѣ,—в к л ю ч и т е л ь н о д о в и н н а г о п о г р е б а.

На улицахъ и площадяхъ были накрыты столы, провозглашались тосты за будущую независимость, за храбрую армію, за великаго Наполеона, съ французами цѣловались, братались, поили ихъ,—и кончилось тѣмъ, что солдаты спьяна совершили неблаговидные поступки, сразу охладившіе общій энтузіазмъ.

На слѣдующій день,[1]) принцъ Мюратъ, тогда великій

---

[1]) По словамъ m-me де-Ремюза, это происходило 28 ноября.

герцогъ Бергскій, вступилъ со своей свитой въ Варшаву верхомъ, съ необычайной пышностью—сіяя раззолоченными мундирами, разноцвѣтными султанами, золотыми и серебряными нашивками и пр. Для Мюрата былъ приготовленъ домъ Рачинскаго, но ему тамъ не понравилось, такъ какъ дымилъ одинъ каминъ, и онъ перешелъ къ намъ.

Мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть хотя бы одного француза: тѣ, что я видѣла наканунѣ, были не въ счетъ, такъ какъ они ходили толпами. Наступило время ужина.

Мой свекоръ, графъ Потоцкій, послалъ спросить, не пожелаютъ ли адъютанты его свѣтлости сойти къ ужину. Къ моему великому разочарованію, они прислали сказать, что благодарятъ, они никогда не ужинаютъ. Но едва мы успѣли сѣсть за столъ, какъ въ сосѣднемъ залѣ раздался звонъ сабли и шпоръ и въ комнату вошелъ молодой офицеръ—гусаръ, съ той поспѣшностью, которая указывала на его близкое знакомство съ хозяиномъ дома.

— А, Шарль!—воскликнулъ мужъ, знавшій его еще въ Парижѣ, и, обнявъ, представилъ намъ вошедшаго.

Это имя было мнѣ отчасти знакомо: о г. де-Ф... говорили, какъ объ извѣстномъ обольстителѣ, сумѣвшемъ внушить сильную любовь одной моей знатной соотечественницѣ.

Благоразумныя женщины мало обращаютъ вниманія на тѣхъ мужчинъ, которые славятся своими успѣхами у женщинъ, или, по крайней мѣрѣ, относятся къ нимъ съ извѣстной осторожностью. Что же касается женщинъ менѣе благоразумныхъ и опирающихся на свои принципы, имъ, наоборотъ, доставляетъ удовольствіе держать себя съ подобными мужчинами вызывающе.

Я чистосердечно сознаюсь, что принадлежу къ числу послѣднихъ, и мнѣ было непріятно, что меня застали врасплохъ и не достаточно тщательно одѣтой. Я опустила голову, рѣшивъ не смотрѣть на вошедшаго, но звукъ его голоса заставилъ меня измѣнить принятое рѣшеніе,

и я невольно подняла глаза, чтобы посмотрѣть на человѣка, обладавшаго столь гармоничнымъ голосомъ.

Это, кажется, единственный человѣкъ, котораго мнѣ пришлось слушать прежде, чѣмъ я посмотрѣла на него.

Шарлю было двадцать одинъ или двадцать два года. Его лицо не отличалось безукоризненной правильностью чертъ, но оно было прелестно. Его взоръ, полный какой-то затаенной скорби, былъ меланхоличенъ. Его манеры были элегантны, безъ фатовства, разговоръ—остроуменъ, сужденія—независимы; никто, казалось, не могъ лучше олицетворить собою идею о романтическомъ героѣ и храбромъ рыцарѣ. Поэтому его мать, маркиза Суза,[1]) вывела его подъ различными именами въ своихъ прелестныхъ романахъ.

Онъ провелъ съ нами часть вечера и мы засыпали его вопросами объ этомъ удивительномъ походѣ, окончившемся въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Его отвѣты были необыкновенно тактичны, безъ малѣйшаго хвастовства. Какъ настоящій французъ, онъ вполнѣ обладалъ искусствомъ вести разговоръ, переходя незамѣтно съ предмета на предметъ. Къ концу вечера я тоже увлеклась разговоромъ. Замѣтивъ, что онъ слушаетъ меня съ удовольствіемъ, я была очень польщена этимъ.

Черезъ два дня послѣ своего пріѣзда принцъ Мюратъ предупредилъ меня о своемъ визитѣ и вечеромъ явился въ сопровожденіи многочисленной свиты. Это былъ великій человѣкъ или, вѣрнѣе, человѣкъ высокаго роста,[2]) съ лицомъ хотя и красивымъ, но непріятнымъ, лишеннымъ благородства и выразительности. Своимъ величественнымъ видомъ онъ напоминалъ актера, играющаго роль королей. Искусственность его манеръ бросалась въ глаза и видно было, что въ обыденной жизни

---

[1]) О г-жѣ де-Суза см. Сентъ-Бевъ «Portraits de femmes», и книгу барона де-Марикуръ.

[2]) Игра словъ: grand-homme ou plutôt un homme grand.

(Примѣч. перев.).

онъ держитъ себя иначе. Выражался онъ недурно, такъ какъ очень тщательно слѣдилъ за собой, но его гасконскій акцентъ и нѣкоторыя солдатскія выраженія какъ-то не вязались съ его титуломъ «принца». Онъ очень любилъ описывать свои военные успѣхи и впродолженіе, по крайней мѣрѣ, часа разсказывалъ намъ о войнѣ.

Взятіе Любека было его любимой темой. Онъ вступилъ въ этотъ городъ во главѣ своей кавалеріи. Хотя это былъ и прекрасный военный подвигъ, но все-же непріятно было слушать разсказъ о томъ, какъ кровь ручьями текла по улицамъ и лошади становились на дыбы передъ грудами труповъ. Столь краснорѣчивое описаніе войны не могло дѣйствовать успокоительно на насъ, женщинъ, такъ какъ тѣ, кто были намъ дороги, должны были скоро взяться за оружіе.

Мюратъ уже успѣлъ пріобрѣсти королевскій обычай: онъ не разговаривалъ, а говорилъ, будучи вполнѣ увѣренъ, что его слушаютъ, если и не съ удовольствіемъ, то, по крайней мѣрѣ, съ почтительнымъ вниманіемъ.

Наконецъ, онъ всталъ, съ важностью раскланялся и объявилъ, что онъ вернется къ себѣ въ кабинетъ для изученія карты Польши и позицій русской арміи.

Нѣсколько дней спустя, въ королевскомъ замкѣ [1]) состоялся большой балъ. Мюратъ, горя желаніемъ скорѣе всѣмъ показаться, сказалъ какъ-то князю Понятовскому, что онъ много слышалъ о красотѣ полекъ и теперь самъ хотѣлъ бы убѣдиться въ этомъ: въ виду этого мой дядя и далъ великолѣпный балъ. Я была нездорова и не могла принять участіе въ этомъ балѣ, но мнѣ тотчасъ же сообщили, что принцъ явился въ полной парадной формѣ. Я видѣла потомъ его въ этомъ немного театральномъ костюмѣ, вполнѣ соотвѣтствовавшемъ его «королевской крови». Во всемъ его костюмѣ самымъ замѣчательнымъ былъ его султанъ,—трехцвѣтный султанъ, развѣвавшійся всегда въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ битвы. Поляки,

---

[1]) Резиденція королей польскихъ.

восхищенные подобной храбростью, съ радостью замѣнили бы этотъ славный султанъ польской короной.

Мы такъ и не узнали, дѣйствительно ли Наполеонъ подалъ своему зятю подобную надежду, но несомнѣнно, у Мюрата зародилось это намѣреніе и онъ любилъ сравнивать себя съ Яномъ Собѣсскимъ. Это былъ одинъ изъ его любимѣйшихъ разговоровъ, и онъ постоянно разспрашивалъ подробности возвышенія этого короля-солдата.[1])

---

[1]) Въ бюллетенѣ, сообщавшемъ о вступленіи французовъ въ Варшаву, читаемъ: «Будетъ ли возстановленъ польскій престолъ? Одинъ Господь, держащій въ своихъ рукахъ судьбы исторіи, разрѣшитъ эту великую политическую проблему». Вопросъ былъ поставленъ—и никогда не былъ разрѣшенъ, и тутъ не было вины со стороны кандидатовъ на престолъ.

«Съ этого времени», говоритъ m-me де-Ремюза, «родственники Бонапарта стали изъявлять притязанія на польскій тронъ. Братъ императора Жеромъ имѣлъ надежду завладѣть имъ. Мюратъ, проявившій въ эту кампанію вполнѣ свою необычайную храбрость, уже предвидѣлъ тѣ возможныя случайности, благодаря которымъ эта великая страна была ввѣрена его господству». «Memoires», III, стр. 101—102.

II.

Вступленіе Наполеона.

Тріумвиратъ.—Приготовленія.—Тайный пріѣздъ императора.— Оффиціальный пріемъ.

Какъ только стало извѣстно, что императоръ прибылъ въ Познань, было рѣшено послать ему навстрѣчу депутацію. Но сдѣлать это было не такъ-то легко. Всѣ выдающіеся люди страны оставались въ своихъ помѣстьяхъ, выжидая тамъ исхода событій и, кромѣ того, тѣ, чьи имѣнія находились подъ властью русскаго императора, держались въ сторонѣ. Передъ ними былъ опытъ прошлаго и они отлично знали, что малѣйшій неосторожный поступокъ повлечетъ за собой конфискацію имущества.

Наконецъ, вышли изъ затруднительнаго положенія, пославъ навстрѣчу побѣдителю трехъ незначительныхъ лицъ. Наполеонъ своимъ орлинымъ окомъ сразу оцѣнилъ эту депутацію и обратился къ ней съ рѣчью—пустой и банальной, въ которой не было ничего, что бы могло поддержать надежды, возбужденныя его прибытіемъ.

Принцъ Мюратъ все же далъ понять властямъ, что императоръ вступитъ въ городъ съ нѣкоторой торжественностью, хотя бы для того, чтобы послать блестящую статью въ «Мониторъ». Тотчасъ же принялись воздвигать тріумфальныя арки и колонны, готовить иллюминацію и сочинять поэтическія надписи. Но всѣ эти при-

готовленія оказались напрасными: Наполеону вздумалось обмануть всеобщія ожиданія, и онъ прибылъ въ четыре часа утра на скверной лошаденкѣ, которую ему дали на послѣдней почтовой станціи.

Легко представить себѣ переполохъ, поднявшійся въ замкѣ, гдѣ все было погружено въ глубокій сонъ. Императоръ самъ разбудилъ караульнаго въ будкѣ, который и далъ условленный сигналъ. Переполохъ увеличился еще тѣмъ, что передѣлки, предпринятыя въ замкѣ, который былъ много лѣтъ необитаемъ, не были еще закончены.

Къ счастью, аппартаменты послѣдняго короля оставались нетронутыми и какъ-бы ожидали новаго хозяина. Эта часть замка, построенная при Станиславѣ Августѣ, носила на себѣ печать такого художественнаго совершенства, что, казалось, избѣгла не только вліянія времени, но и моды.

Императора сопровождалъ лишь его мамелюкъ Рустанъ: экипажи застряли въ грязи, такъ какъ шоссейныхъ дорогъ тогда еще не было, а проселочными въ это время года проѣхать было невозможно.

Тотчасъ же по прибытіи, императоръ объявилъ, что вечеромъ онъ приметъ властей и всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ право представиться ему.

Я до сихъ поръ испытываю нѣкоторое волненіе при воспоминаніи о томъ нетерпѣніи, съ какимъ мы ожидали возвращенія лицъ, отправившихся въ замокъ. Мой свекоръ находился во главѣ оффиціальной депутаціи. Онъ вернулся домой въ десять часовъ—болѣе удивленный, чѣмъ восхищенный.

Наполеонъ говорилъ съ той быстротой и многословіемъ, которыя означали въ немъ нервное возбужденіе. Но при всемъ многословіи, рѣчь его была малоутѣшительна, и я даже думаю, что, по нѣкоторомъ размышленіи, онъ охотно взялъ бы назадъ нѣсколько вырвавшихся у него фразъ.

Распространившись о своихъ подвигахъ въ Пруссіи

и подробно остановившись на мотивахъ этой войны, онъ указалъ на неимовѣрныя трудности, которыя нужно было преодолѣть такой огромной арміи, чтобы имѣть возможность двигаться впередъ и доставать себѣ жизненные припасы.

— Но, въ концѣ концовъ—это неважно!—прибавилъ онъ, засунувъ руки въ карманы:—французы у меня вотъ гдѣ! Вліяя на ихъ воображеніе, я дѣлаю съ ними все, что мнѣ вздумается!..

Безмолвное удивленіе появилось на лицахъ всѣхъ, слушавшихъ его.

Послѣ небольшой паузы, онъ прибавилъ:

— Да, да, это такъ, какъ я вамъ говорю!..

И понюхавъ табаку, чтобы перевести дыханіе, онъ началъ говорить очень живо, укоряя польскихъ магнатовъ, которые, по его мнѣнію, не проявили достаточно энергіи и патріотизма.

— Самоотверженіе, жертвы, кровь—неизбѣжны!—воскликнулъ онъ.—Безъ этого вы никогда ничего не достигните!

Но въ этомъ потокѣ словъ у него не вырвалось ни одного, которое можно было бы принять за обѣщаніе. Даже самые благоразумные вернулись съ этой аудіенціи недовольные, но съ твердымъ рѣшеніемъ сдѣлать все, что подскажутъ имъ честь и любовь къ родинѣ.

Немедля ни минуты, всѣ занялись военной организаціей, наборомъ солдатъ и пр. Жертвовали всѣ, по мѣрѣ возможности, а то немногое, что оставляли себѣ, французы не стѣснялись брать силой.

Хотя Наполеонъ и упомянулъ о недостаткѣ усердія у польскихъ вельможъ, все же я утверждаю, что ни въ одной странѣ не принесено было съ такой готовностью столько неимовѣрныхъ жертвъ, какъ у насъ.

Рѣдкій день не приносилъ извѣстія о какомъ-нибудь добровольномъ приношеніи. Когда оказался недостатокъ въ деньгахъ, мы послали всю нашу серебряную посуду на монетный дворъ.

При расквартированіи войскъ штабъ-офицеры были освобождены хозяевами отъ платы за постой.

Одинъ богатый вельможа, устроивъ блестящій пріемъ одному изъ знаменитыхъ французскихъ маршаловъ, былъ не мало удивленъ, узнавъ, что его серебро исчезло вмѣстѣ съ фургонами героя. Шутка показалась ему черезчуръ смѣлой и онъ довелъ о ней до свѣдѣнія императора, который, возмутившись подобнымъ образомъ дѣйствій въ дружественной странѣ, приказалъ тотчасъ же возвратить серебро и объяснилъ это разсѣянностью прислуги маршала, совсѣмъ не привыкшей къ подобнымъ пріемамъ.

III.

Начало военныхъ дѣйствій.

Салонъ графини.—Принцъ Боргезе.—Больной ребенокъ.—Преданность m-eur де-Ф...—Проектъ Савари.—Пултускъ.—Пріемъ въ замкѣ.—Туалетъ графини.—Представленіе императору.

У меня бывало много французовъ, и мой мужъ присутствовалъ всегда при этомъ, помогая мнѣ любезно принимать гостей. Мы иногда играли въ карты, но чаще всего разговаривали. Принцъ Боргезе, зять императора, былъ однимъ изъ постоянныхъ нашихъ гостей, но его никто не стѣснялся. Когда разговоръ дѣлался нѣсколько серьезнѣе, онъ уходилъ на средину зала, ставилъ стулья попарно и, напѣвая, начиналъ танцовать контредансъ съ этими нѣмыми дамами.

У насъ постоянно бывали: храбрый генералъ Эксельманъ, остроумный Луи де-Перигоръ, умершій черезъ годъ во время переѣзда изъ Петербурга въ Берлинъ, къ великому сожалѣнію всѣхъ его знавшихъ; интересный Альфредъ де-Ноэль, красавецъ Лагранжъ и много другихъ, отчасти мною забытыхъ, а отчасти неинтересныхъ.

Въ это время заболѣлъ мой сынъ.[1]) Такъ какъ обычный порядокъ въ домѣ былъ нарушенъ гостями, то мы были съ нимъ раздѣлены: онъ помѣщался въ одномъ изъ флигелей, примыкавшихъ къ главному зданію и предо-

---

[1]) Графъ Августъ Потоцкій.

ставленномъ адъютантамъ Мюрата, и для того, чтобы его видѣть, я должна была проходить черезъ дворъ.

Дѣло было въ декабрѣ мѣсяцѣ и было очень скользко. Поэтому, въ виду моей беременности, мнѣ было строго запрещено выходить. Не имѣя возможности быть постоянно при ребенкѣ, я представляла себѣ всевозможные ужасы, и, чувствуя себя не въ силахъ принимать участіе въ общемъ веселіи, я въ этотъ вечеръ ушла къ себѣ раньше обыкновеннаго.

На другой день съ разсвѣтомъ я послала узнать у няни, какъ чувствуетъ себя мой сынъ. Каково же было мое удивленіе, когда, вмѣсто словеснаго отвѣта, мнѣ передали полный бюллетень о состояніи его здоровья! Я узнала, сколько разъ онъ принималъ лѣкарство, сколько времени спалъ, какая у него температура!.. Мое материнское сердце, не зная, угадало автора этого бюллетеня.

Въ тотъ же день, встрѣтивъ г. де Ф... я въ смущеніи стала его благодарить.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнулъ онъ:—какъ иногда придаютъ значеніе пустякамъ! Этой ночью я былъ дежурный, а въ комнатѣ вашего сына стоитъ удобная кушетка, на которой я и расположился, а чтобы не заснуть, я обратилъ вниманіе на то, что происходило около меня. Вашъ сынъ теперь внѣ опасности,—прибавилъ онъ,—и въ его голосѣ я услышала ноты, проникшія до глубины моего сердца.

Я не могла говорить... Онъ взялъ мою руку, но не смѣя поднести ее къ губамъ, лишь пожалъ ее—и быстро вышелъ изъ комнаты.

Съ этой минуты между нами возникла нѣкоторая близость,—что-то похожее на давнишнюю и священную дружбу съ оттѣнкомъ любви—таинственной и робкой.

Вѣрная своему долгу, я даже не допускала возможности чувства, котораго надо остерегаться, и удовлетворилась тѣмъ, что просто откинула всякую мысль объ опасности.

Мнѣ казалось вполнѣ допустимой д р у ж б а съ чело-

вѣкомъ, соединявшемъ въ себѣ всѣ качества, которыя мнѣ было бы желательно видѣть въ своемъ братѣ.

Я подавляла въ себѣ волненіе, которое испытывала, когда встрѣчала нѣжный и меланхолическій взглядъ Шарля, когда онъ, какъ никто, пѣлъ прелестные романсы. Наконецъ, я забывала—и въ этомъ была моя главная вина—что у молодой женщины не можетъ быть другого близкаго человѣка и друга, кромѣ мужа, но въ такомъ случаѣ, почему же мой мужъ не заставлялъ меня объ этомъ вспоминать?..

Зима 1807 года была необыкновенно сурова. Страна, уже обѣднѣвшая послѣ прохожденія русской арміи, была не въ состояніи снабдить продовольствіемъ сто тысячъ французовъ, сосредоточенныхъ въ одномъ мѣстѣ! Войска сильно страдали и начинали роптать, такъ какъ нуждались во всемъ.[1])

Савари, бывшій тогда адъютантомъ императора, предложилъ, какъ онъ выразился—мѣру сильнодѣйствующую, а именно—подвергнуть городъ голоду, закрывъ заставы и конфискуя ежедневно привозимые съѣстные припасы, въ пользу французскихъ войскъ.

Наполеонъ, наскучивъ ропотомъ своихъ ворчу-

---

[1]) См. 5 тетр. капитана Куанье. — Вотъ очень любопытный анекдотъ, разсказанный по этому поводу Раппомъ: «Наполеонъ былъ принятъ съ энтузіазмомъ. Поляки думали, что уже близокъ часъ возрожденія родины и, что они достигли полнаго осуществленія своихъ желаній. Трудно описать радость поляковъ и почетъ, съ которымъ они насъ приняли. Наши солдаты были не такъ довольны. Для нихъ весь польскій языкъ сводился къ четыремъ словамъ: Хлѣба? нема. Воды? заразъ,—и приносили. Въ этихъ словахъ для нихъ заключалась вся Польша.—Однажды Наполеонъ проѣзжалъ черезъ пѣхотную колону въ окрестностяхъ Назелка, гдѣ войско терпѣло большія лишенія вслѣдствіе невыносимой грязи, мѣшавшей подвозу провіанта.—Папа, хлѣба! крикнулъ ему одинъ изъ солдатъ.—Нема! отвѣтилъ императоръ. Вся колонна разразилась хохотомъ и уже болѣе никто ничего не требовалъ. («Memoires», стр. 106—108).

новъ,[1]) согласился на это предложеніе, и были даны соотвѣтствующія приказанія. Такимъ образомъ, мы были почти осуждены на голодную смерть. Другъ тайно предупредилъ насъ объ этомъ, но такъ какъ подобная неосторожность могла погубить его, то намъ нужно было самимъ позаботиться о томъ, чтобы оградить себя отъ гибели, не компрометируя г. де-Ф...

Мы собрали совѣтъ, и мужъ рѣшилъ, что мы сами отправимся за съѣстными припасами, подъ предлогомъ неожиданной поѣздки. Къ счастью, эти предосторожности оказались излишними. Принцъ Невшательскій[2]) и Талейранъ имѣли мужество представить императору, что подобными дѣйствіями онъ рискуетъ вызвать бунтъ. Тогда рѣшено было силой прорвать австрійскій кордонъ, что доставило и намъ и французской арміи съѣстные припасы въ изобиліи.

Между тѣмъ, всѣ удивлялись тому кажущемуся спокойствію, которое царило въ замкѣ, а дамы возмущались, видя, какъ мало торопливости проявляетъ Наполеонъ въ желаніи познакомиться съ ними. Императоръ между тѣмъ разрабатывалъ планъ нападенія на врага и вдругъ, не боясь суровой зимы, отправился на другую сторону Вислы, гдѣ, въ маленькомъ городкѣ Пултускѣ, стояли укрѣпившись русскіе. Здѣсь дрались впродолженіе нѣсколькихъ дней безъ особыхъ результатовъ. Зима сильно затрудняла военныя дѣйствія; безпрерывные дожди такъ размыли дороги, что пушки вязли въ грязи и не мало солдатъ погибло въ зажорахъ. Ничего подобнаго не бывало до сихъ поръ, и тотъ, чей геній повелѣвалъ до сихъ поръ стихіями, былъ принужденъ отступить, и хотя непріятель и былъ оттѣсненъ съ урономъ. все же онъ еще долго могъ сопротивляться. Всѣ боялись—и не безъ основанія—ожидая, какъ приметъ На-

---

[1]) Во время этой кампаніи Наполеонъ назвалъ своихъ солдатъ «ворчунами».—«Названіе, оставшееся за нами и теперь и составляющее нашу гордость». Капитанъ Куанье, 5 тетр.

[2]) Бертье.

полеонъ эту первую неудачу, и власти города съ трепетомъ ожидали его въ замкѣ.

Но къ ихъ величайшему удивленію, онъ былъ совершенно спокоенъ.

— Ну, ваша грязь[1]) спасла русскихъ,—сказалъ онъ,—надо ждать морозовъ.

Затѣмъ онъ началъ говорить объ администраціи края, настаивая на необходимости внести возможно больше порядка и предусмотрительности въ систему доставленія съѣстныхъ припасовъ для арміи и указывая пункты, гдѣ слѣдовало устроить продовольственные склады,—приэтомъ онъ входилъ въ самыя мелкія подробности и обнаружилъ необычайную ясность взгляда и великолѣпное знакомство какъ съ краемъ, такъ и съ людьми и условіями мѣстной жизни.

На этотъ разъ, въ противоположность первому визиту, всѣ, бывшіе въ замкѣ, вернулись оттуда въ восторгѣ отъ великаго человѣка и его всеобъемлющаго генія, одинаково умѣвшаго и завоевывать государства и управлять ими.[2])

Мой свекоръ очень торопился сообщить намъ, чѣмъ окончился этотъ пріемъ. Только что онъ началъ разсказывать, какъ мы услышали страшный шумъ во дворѣ—это возвратился изъ короткаго похода принцъ Мюратъ со своимъ штабомъ.

Всѣ, къ счастью, оказались цѣлы и невредимы, хотя по обыкновенію, принцъ гарцовалъ подъ пулями русскихъ аванпостовъ.

Спустя нѣсколько дней, было объявлено, что, нако-

---

[1]) Названіе «Пултуская грязь» сохранилось въ воспоминаніи нашихъ солдатъ». Фезензакъ, «Souvenirs militaires», стр. 130.

[2]) «Судя по свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ массы полученныхъ мною тогда депешъ... я долженъ былъ видѣть, какъ образецъ административнаго искусства, способъ снабженія продовольствіемъ арміи, во всемъ терпѣвшей нужду». Буріеннъ, «Memoires», VII, стр. 141.

нецъ, состоится пріемъ дамъ. Наконецъ-то мы увидимъ великаго человѣка! Нужно было обдумать туалеты—того требовало національное самолюбіе.

Я была очень довольна своимъ костюмомъ. Моя беременность была еще мало замѣтна и я вполнѣ ее скрыла платьемъ изъ черпаго бархата, вышитаго à la Mathilde золотомъ и жемчугами. Открытый воротъ à la Van Dyck, легкая наколка изъ локоновъ и всѣ мои брилліанты чудесно дополняли этотъ благородный и строгій нарядъ, который, говоря правду, составлялъ рѣзкій контрастъ съ моимъ свѣжимъ и веселымъ лицомъ. Этотъ фантастическій костюмъ тогда еще не былъ освященъ модой, и я, кажется, одна изъ первыхъ ввела его, тѣмъ болѣе, что мои туалеты всегда носили скорѣе художественый, чѣмъ модный отпечатокъ.

Мы прибыли въ замокъ къ девяти часамъ вечера, и должны были пройти черезъ цѣлую армію раззолоченныхъ и блестящихъ мундировъ, стоявшихъ шпалерами, чтобы видѣть всѣхъ пріѣхавшихъ дамъ.

Я слѣдовала за своей свекровью, наблюдая, произвелъ ли эффектъ мой туалетъ среди этихъ опытныхъ, и въ то же время требовательныхъ, цѣнителей, и признаюсь, я была въ восхищеніи, когда услышала одобрительный шепотъ и слѣдующую фразу:

— Ахъ, какъ это оригинально! Точно красивый портретъ въ старинной рамѣ! Ничего подобнаго не увидишь даже въ Парижѣ!

Насъ ввели въ великолѣпный залъ съ историческими картинами, перенесенными впослѣдствіи въ Москву по приказанію императора Николая I.

Залъ былъ освѣщенъ a giorno. Много дамъ уже стояли рядами, и такъ какъ приглашенія были сдѣланы не по строгому выбору, то количество собравшихся было довольно значительно.

Мы ждали довольно долго и, признаюсь, къ нашему любопытству примѣшивался и нѣкоторый страхъ. Вдругъ общее движеніе нарушило тишину, двери съ шумомъ

распахнулись и Талейранъ, выступивъ впередъ, произнесъ громко и отчетливо то магическое слово, которое заставляло тогда трепетать весь міръ:

— Императоръ!

И тотчасъ же показался Наполеонъ. Онъ остановился на минуту, какъ бы давая возможность разсмотрѣть себя.

Существуетъ столько портретовъ этого удивительнаго человѣка, столько разъ писали его исторію, всѣ легенды, повторяемыя много разъ потомками его стариковъ-солдатъ, долго еще будутъ слушаться съ захватывающимъ интересомъ,—а послѣдующія поколѣнія будутъ его знать почти также хорошо, какъ и мы. Но трудно понять, какое сильное и глубокое впечатлѣніе производилъ онъ съ перваго же раза.

Мной овладѣло какое-то оцѣпенѣніе, нѣмое изумленіе, какъ бы отъ присутствія какого-то необыкновеннаго чуда. Мнѣ казалось, что вокругъ него сіялъ ореолъ. Недопустимо, думала я, когда нѣсколько пришла въ себя, чтобы такое, полное могущества, существо могло умереть, такой всеобъемлющій геній—исчезнуть безъ слѣда!.. И мысленно я даровала ему двойное безсмертіе. Возможно,—я ничуть не хочу защищаться,—что въ томъ впечатлѣніи, которое онъ произвелъ на меня, не малую роль играли моя молодость и живость воображенія, но какъ бы то ни было, я разсказываю совершенно откровенно только то, что я тогда испытала.

Моя свекровь стояла возлѣ двери, въ которую вошелъ императоръ. Онъ обратился къ ней первой и сказалъ ей нѣсколько лестныхъ словъ о ея мужѣ.[1]) Затѣмъ наступила моя очередь. Я теперь не могу даже припомнить, что онъ мнѣ сказалъ—такъ я была смущена. Вѣроятно, это была одна изъ тѣхъ банальныхъ фразъ, съ которыми обыкновенно обращаются ко всѣмъ молодымъ женщинамъ. Я навѣрное отвѣтила что-то невпопадъ, потому что онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня, чѣмъ еще болѣе

---

[1]) Графъ Станиславъ Потоцкій, президентъ Совѣта.

смутилъ меня и заставилъ меня забыть все, кромѣ граціозной и нѣжной улыбки, освѣтившей его лицо, когда онъ съ немногими словами обратился ко мнѣ. Вмѣстѣ съ этой улыбкой, появлявшейся у него всякій разъ, когда онъ говорилъ съ женщиной, съ его лица исчезала та суровость, которая сквозила въ его взглядѣ.[1])

Затѣмъ очень быстро онъ обошелъ всю залу. Многія изъ дамъ попытались выразить ему свои надежды, зародившіяся вслѣдствіе его пребыванія здѣсь, но онъ отвѣчалъ односложно на эти патріотическіе порывы, по меньшей мѣрѣ, неумѣстные на такомъ пріемѣ. Меньше чѣмъ черезъ полчаса пріемъ былъ оконченъ. Вернувшись къ двери, черезъ которую онъ вошелъ, онъ обратился къ Талейрану и довольно громко сказалъ:

— Сколько хорошенькихъ женщинъ!

Повернувшись еще разъ, онъ послалъ намъ граціозный привѣтъ рукой и затѣмъ удалился въ свои покои.

---

[1]) «Въ его взглядѣ было что-то изумительное: это былъ взглядъ пристальный и глубокій, но далеко не вдохновенный и поэтическій. Этотъ взглядъ проникался безконечной нѣжностью, когда онъ говорилъ съ женщиной»... Стендаль, «Vie de Napoleon», стр. 276—277.

IV.

Любовныя забавы.

Балъ у Талейрана.—Стаканъ лимонада.—Императорскій контредансъ.—M-me Валевская.—Головка Греза.—Ключъ отъ малыхъ покоевъ принца Мюрата.

Императоръ заявилъ, что, не имѣя возможности сражаться съ непріятелемъ, онъ хочетъ, чтобы всѣ веселились, тѣмъ болѣе, что моментъ для этого былъ самый благопріятный, такъ какъ наступила масляница. Но для веселья имѣлось одно препятствіе. Дѣло въ томъ, что лучшіе дома мы предоставили нашимъ освободителямъ, а сами хозяева, подобно намъ, ютились въ нѣсколькихъ маленькихъ комнаткахъ, гдѣ мы, хотя и расположились съ грѣхомъ пополамъ, но объ устройствѣ большихъ баловъ нечего было и думать.

Одинъ только князь Понятовскій могъ устроить у себя въ замкѣ большой балъ, но его стѣсняло присутствіе тамъ императора.

Послѣ долгихъ переговоровъ было рѣшено, что первый балъ дастъ Талейранъ, оберъ-камергеръ и министръ иностранныхъ дѣлъ.

Наполеонъ вмѣстѣ со всѣми принцами долженъ былъ присутствовать на этомъ балу. Насъ увѣряли, что приглашено только пятьдесятъ дамъ, но суровый этикетъ не могъ устоять противъ тысячи мелкихъ интригъ, неизбѣжныхъ въ подобныхъ случаяхъ, — и, дѣйствительно,

это былъ одинъ изъ такихъ праздниковъ, на который во что бы то ни стало необходимо было попасть; на карту было поставлено тщеславіе и любопытство всѣхъ безъ исключенія. Меня больше всего занимала личность самого хозяина, который слылъ за самаго любезнаго и остроумнаго человѣка своего времени,—говоря правду, онъ мало прилагалъ усилій, чтобы производить такое впечатлѣніе.

Его друзья утверждали, что нѣтъ человѣка болѣе ловкаго и блестящаго, но судя по тому впечатлѣнію, которое онъ произвелъ на меня, я бы сказала, что это человѣкъ пресыщенный и разочарованный, жадный до успѣховъ, дорожащій милостью своего господина, котораго онъ въ то же время ненавидитъ, безхарактерный и безпринципный,—однимъ словомъ,—нездоровый и душой, и лицомъ.

Я не могу выразить своего удивленія, когда онъ съ трудомъ выступилъ на середину зала, съ салфеткой подъ мышкой и поднесъ на золоченомъ подносѣ стаканъ лимонаду тому самому монарху, котораго про себя онъ считалъ выскочкой.

Говорятъ, въ юности Талейранъ имѣлъ большой успѣхъ у женщинъ, и впослѣдствіи я видѣла его въ кругу его стараго сераля.[1]) Это было, дѣйствительно, очень комично: всѣ эти дамы, у которыхъ онъ поочередно исполнялъ роль любовника, тирана и друга, старались повліять на его угрюмость и развлечь его,—но всѣ ихъ усилія пропадали даромъ: съ одной онъ зѣвалъ, другимъ говорилъ дерзости, считая всѣхъ ихъ за дуръ и язвительно намекая на ихъ годы.

Однако, вернусь къ балу. Это было одно изъ интереснѣйшихъ зрѣлищъ, на которомъ я когда-либо присутствовала. Императоръ танцовалъ кадриль съ графиней Валевской, что послужило потомъ поводомъ къ ихъ связи.

---

[1]) См. ч. III, гл. VI.

— Какъ, по-вашему, я танцую?—спросилъ онъ меня, улыбаясь,—вы, вѣроятно, смѣялись надо мной.

— Говоря правду, государь,—отвѣчала я,—для великаго человѣка вы танцуете превосходно.[1])

Передъ тѣмъ Наполеонъ сидѣлъ между своей будущей фавориткой и мною, и послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, спросилъ меня, кто такая его другая сосѣдка, и, когда я назвала ее, онъ обратился къ ней съ такимъ видомъ, какъ будто онъ ее давно зналъ.

Мы потомъ узнали, что Талейранъ простеръ свою услужливость до того, что устроилъ первое свиданіе Наполеона съ графиней Валевской и устранилъ всѣ встрѣтившіяся затрудненія.[2]) Когда Наполеонъ выразилъ желаніе прибавить къ числу своихъ побѣдъ и польку, ему была выбрана какъ разъ такая, какая для этого и требовалась, а именно—прелестная и глупая. Нѣкоторые утверждали, что они замѣтили, какъ послѣ кадрили императоръ пожалъ руку своей дамѣ, что равнялось, по ихъ словамъ, назначенію свиданія.

И, дѣйствительно, это свиданіе состоялось на слѣдующій вечеръ.

Разсказывали, что за красавицей былъ посланъ важный сановникъ, что ея братъ-повѣса совершенно неожиданно получилъ незаслуженное повышеніе, и что она отказалась отъ брилліантоваго убора. И много гово-

---

[1]) «Въ продолженіи этой зимы (1806) Наполеонъ посѣщалъ всѣ собранія, причемъ старался быть веселымъ и даже немного танцовалъ, хотя довольно неуклюже», Ремюза, «Memoires», II, стр. 98.

[2]) По словамъ m-me де-Ремюза, («Memoires», I, 121), предварительные переговоры велъ Мюратъ. «Какъ только Мюратъ вступилъ въ Польшу (что было до пріѣзда сюда Наполеона), онъ получилъ приказъ отыскать для императора, который вотъ, вотъ долженъ былъ прибыть, женщину молодую и красивую, отдавая предпочтеніе болѣе знатной. Онъ необыкновенно ловко исполнилъ это порученіе и склонилъ къ этой любовной интригѣ молодую и благородную польку, имѣвшую стараго мужа».

рили такого, чего на самомъ дѣлѣ не знали и просто выдумывали. Увѣряли даже, будто мамелюкъ Рустанъ прислуживалъ ей вмѣсто горничной, но мало-ли чего не говорятъ въ подобныхъ случаяхъ? Во всякомъ случаѣ, мы были всѣ очень огорчены, что женщина нашего общества проявила столько легкомыслія и защищалась также слабо, какъ крѣпость Ульмъ.

Но то время, накладывая на все свой отпечатокъ, придало и этой, такъ легко начавшейся связи, оттѣнокъ постоянства и безкорыстія, которыя совершенно сгладили непріятное впечатлѣніе отъ ихъ первой встрѣчи и поставили графиню Валевскую въ ряду интересныхъ людей той эпохи.[1])

Она была такъ восхитительна, что напоминала собой головку Грёза. Ея глаза, ротъ и зубы были прелестны. Ея улыбка была такъ плѣнительна, взглядъ такъ кротокъ, а вся она была такъ обворожительна, что никто и не замѣчалъ неправильности чертъ ея лица. Выйдя замужъ шестнадцати лѣтъ за восьмидесятилѣтняго старика, котораго никто никогда не видѣлъ, она занимала въ свѣтѣ положеніе молодой вдовы. Ея молодость давала поводъ къ многочисленнымъ пересудамъ, и если Наполеонъ былъ ея послѣднимъ любовникомъ, то, по общему убѣжденію, онъ не былъ первымъ.

Какъ только императоръ выбралъ себѣ фаворитку, принцы также поспѣшили послѣдовать его примѣру.

Однажды утромъ мнѣ доложили о приходѣ m-eur Жанвье, частнаго секретаря принца Мюрата. Онъ вошелъ,

---

[1]) «Императоръ, какъ и офицеры, отдавалъ должное красотѣ полекъ. Онъ не могъ устоять передъ чарами одной изъ нихъ, любилъ ее нѣжно, и въ свою очередь также былъ любимъ ею. Ей воздавали почтеніе вслѣдствіе ея побѣды, осуществившей ея желанія и гордость сердца. Когда на императора обрушились удары судьбы, ея любовь и нѣжность не испугались опасности и только она одна осталась ему вѣрной подругой». Герцогъ де-Ровиго «Memoires», II, стр. 17. Герцогъ намекаетъ здѣсь на поѣздку графини Валевской на островъ Эльбу.

держа въ рукахъ ключъ, и былъ очень смущенъ, не зная, какъ объяснить цѣль своего визита. И не глядя на меня, онъ молча вертѣлъ ключъ въ рукахъ, въ то время, какъ я тщетно ломала себѣ голову, стараясь догадаться о цѣли его прихода.

Чтобы была понятна вся послѣдующая исторія, я должна сказать нѣсколько словъ о расположеніи комнатъ въ замкѣ. Между этажами, занимаемыми съ одной стороны моей свекровью, а съ другой—принцемъ Мюратомъ, были еще маленькія антресоли.[1]) Моя свекровь пользовалась ими лишь во время большихъ холодовъ, такъ какъ они представляли изъ себя теплое помѣщеніе, служившее для сообщенія между двумя этажами при помощи потайной лѣстницы.

Этотъ прелестный уголокъ, убранный въ стилѣ Людовика XV, считался какъ бы частью тѣхъ главныхъ покоевъ, гдѣ помѣщался принцъ Мюратъ и ключъ отъ нихъ былъ переданъ прислугѣ принца при водвореніи его въ новомъ помѣщеніи. Мы совсѣмъ и забыли объ этомъ. И вотъ теперь m-eur Жанвье было приказано передать мнѣ этотъ ключъ.

Какъ человѣкъ неглупый, онъ чувствовалъ всю щекотливость даннаго ему порученія и былъ еще болѣе смущенъ, когда замѣтилъ мое недоумѣніе и упорное нежеланіе взять совершенно ненужный мнѣ ключъ, такъ какъ, живя въ одномъ этажѣ съ моей свекровью, я могла пользоваться маленькой внутренней лѣстницей.

Видя, какъ я далека отъ истинной цѣли его визита, онъ, наконецъ, осмѣлился и сказалъ, что его свѣтлость думаетъ, что, можетъ быть, мнѣ будетъ пріятно зайти и выпить чашку чаю въ этихъ прелестныхъ покояхъ.

---

[1]) Во французскомъ текстѣ сказано: «les mezzanines». Отъ итальянскаго m e c c o. Мезонинъ—то же самое, что и антресоли. Въ то время очень многія польскія постройки заимствовали свою архитектуру изъ Италіи, такъ какъ польскіе вельможи приглашали изъ Италіи архитекторовъ, скульпторовъ и т. д. *(Примѣч. перев.)*.

Наконецъ, начавъ понимать, въ чемъ дѣло,—я вспыхнула отъ гнѣва. Онъ, вѣроятно, прочелъ это въ моемъ взглядѣ, такъ какъ едва не свалился со стула. Онъ всталъ и, подойдя нетвердыми шагами къ консоли, положилъ на нее злополучный ключъ и, отвѣсивъ глубокій поклонъ, собирался уже выйти изъ комнаты.

Съ трудомъ сдерживаемый гнѣвъ смѣнился чувствомъ глубокаго возмущенія. Улыбнувшись насколько возможно пренебрежительнѣе, я попросила m-eur Жанвье передать принцу, что навѣрное моя свекровь будетъ очень тронута его любезностью, такъ какъ въ силу своего возраста она не любитъ многочисленныхъ собраній и вѣроятно воспользуется любезнымъ приглашеніемъ его свѣтлости.

— Во всякомъ случаѣ,—прибавила я,—ключъ можно оставить—я тотчасъ же передамъ его своей свекрови.

Бѣдный секретарь, какъ окаменѣлый, стоялъ у дверей. Кивнувъ ему съ необыкновеннымъ высокомѣріемъ, я вышла изъ гостиной.

V.

Императорская партія въ вистъ.

Новые балы. — Смотръ войскамъ. — Голландскіе депутаты. — Ставка. — Наслѣдникъ Баварскаго престола. — Приближенные Наполеона. — Comte de Communges. — Такъ называемые принцы крови. — Гасконскій акцентъ Мюрата. — Его бьющія на эффектъ восклицанія.

За баломъ у Талейрана слѣдовали два другіе: у принца Боргезе и у принца Мюрата. На первомъ балу я не была по болѣзни; что же касается второго, то, по мнѣнію моей свекрови, я должна была присутствовать на немъ, дабы до конца выдержать принятую на себя роль и ничѣмъ не нарушить холодно-учтивыхъ отношеній между нами и нашимъ гостемъ.

Дороги продолжали оставаться непроходимыми, и императоръ не покидалъ города, выходя изъ замка только для смотра войскъ на Саксонской площади. Хотя они происходили ежедневно, народъ массами собирался всякій разъ, какъ только тамъ показывался Наполеонъ. Его провожали до замка восторженными криками, ясно говорившими, насколько стали дороги для націи его слава и наши надежды. Казалось, онъ совсѣмъ не тяготился этими оваціями, хотя часто они бывали причиной немалаго безпорядка.

Кромѣ баловъ, при дворѣ разъ въ недѣлю устраивались собранія. Вечеръ начинался прекраснымъ концер-

томъ и кончался партіей виста. Въ замкѣ никогда не танцовали.

Императоръ привезъ съ собой полный оркестръ подъ управленіемъ знаменитаго композитора Пэра. Исполняли исключительно итальянскую музыку, которую Наполеонъ страстно любилъ. Во время игры онъ внимательно слушалъ, апплодировалъ съ видомъ знатока и, казалось, гармонія имѣла могучее вліяніе на его душевный міръ.

Однажды мы видѣли этому примѣръ на одномъ изъ собраній.

Ему доложили, что генералъ Викторъ, посланный съ необычайно важной депешой, былъ захваченъ пруссаками. Получивъ это извѣстіе, императоръ вышелъ изъ себя! Вѣдь это была, если и не измѣна, то во всякомъ случаѣ непростительная неосторожность!

Въ тотъ же день, передъ самымъ собраніемъ, императору должны были представиться въ аудіенціи голландскіе депутаты, чтобы поздравить его съ Іенской побѣдой.

Было около десяти часовъ. Мы давно ожидали императора и уже начинали подозрѣвать, что происходитъ что-то неладное, какъ вдругъ дверь съ шумомъ открылась, и толстые голландцы въ своихъ ярко-красныхъ мундирахъ скорѣе выкатились, чѣмъ вышли оттуда. Императоръ толкалъ ихъ, крича довольно громко:

— Идите же! идите!

Вѣроятно, въ дверяхъ произошло замѣшательство какъ разъ въ тотъ моментъ, когда императоръ подошелъ къ нимъ, такъ какъ онъ имѣлъ привычку ходить очень быстро. Бѣдные депутаты, потерявъ головы, навалились одинъ на другого.

Во всякое другое время эта сцена вызвала бы только смѣхъ, но тогда голосъ и выраженіе лица императора не обѣщали ничего хорошаго и, говоря правду, мы предпочли бы совсѣмъ не присутствовать при этой сценѣ. Но къ счастью, музыка быстро его успокоила, и по окончаніи концерта, прежде чѣмъ сѣсть за вистъ, онъ обошелъ всю залу и со своей обычной граціозной улыбкой сказалъ

нѣсколько любезныхъ словъ дамамъ, которыхъ онъ особенно отличалъ.

Вечеръ, какъ я уже сказала, заканчивался обычно игрой въ карты. Императоръ самъ назначалъ утромъ, кто изъ дамъ должна вечеромъ составлять съ нимъ партію, причемъ онъ выбиралъ обыкновенно одну старую и двухъ молодыхъ. Меня научили кое-какъ играть, и вотъ въ первый же разъ, когда я была удостоена чести быть приглашенной къ императорскому висту, у меня вырвался очень смѣлый отвѣтъ, который, повидимому, былъ принятъ благосклонно, такъ какъ съ тѣхъ поръ я неизмѣнно занимала мѣсто за карточнымъ столомъ императора. Когда сдавали карты, Наполеонъ повернулся ко мнѣ и спросилъ:

— На что мы играемъ?

— Ну, конечно, государь, на какой-нибудь городъ, провинцію или королевство!

Онъ засмѣялся.

— А если я проиграю?—спросилъ онъ, бросивъ на меня проницательный взглядъ.

— О, ваше величество въ такомъ выигрышѣ, что если бы даже я проиграла, то вамъ ничего не стоитъ заплатить и за меня.

Этотъ удачный отвѣтъ доставилъ мнѣ неизмѣнную милость императора: какъ въ Польшѣ, такъ и въ Парижѣ онъ оказывалъ мнѣ исключительное вниманіе и любезность.

Всѣ замѣтили, что графиня Валевская никогда не назначалась играть въ карты съ императоромъ, и подобное соблюденіе приличій было всѣми отмѣчено.

Было очень интересно наблюдать, какъ мелкіе нѣмецкіе принцы, слѣдовавшіе подъ разными предлогами за главнымъ штабомъ, пресмыкались передъ императоромъ, когда онъ игралъ въ карты. Между ними находился и предполагаемый наслѣдникъ баварскаго престола, почтительно цѣловавшій руку Наполеона всякій разъ, когда

ему удавалось ее поймать, и, при всемъ томъ, онъ имѣлъ дерзость быть влюбленнымъ въ графиню Валевскую! Разумѣется, подобное соперничество только забавляло императора. Принцъ, и безъ того имѣвшій убогій видъ, былъ къ тому же косноязыченъ и глухъ.

Наблюдая за всѣми, кто составлялъ свиту императора, я вынесла интересное и на первый взглядъ странное заключеніе: съ наибольшимъ достоинствомъ держались и менѣе всѣхъ раболѣпствовали передъ императоромъ ни знатные, родовитые сановники, примкнувшіе къ нему ради его удачъ, и ни иностранные принцы, выпрашивающіе у него себѣ коронъ, а какъ разъ вновь испеченныя вельможи: маршалы и сановники, выведенные имъ въ люди. Только Савари, казалось, ловилъ его взглядъ, всѣ же остальные держали себя почтительно, но съ достоинствомъ и безъ низкопоклонства.

Кромѣ иностранныхъ пословъ и нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ сановниковъ, также игравшихъ въ карты, никто не садился въ присутствіи императора, даже его зятья. Это, повидимому, нравилось Мюрату, который не терялъ случая порисоваться: онъ все время принималъ красивыя позы, желая этимъ еще болѣе подчеркнуть стройность своей фигуры, но маленькій Боргезе приходилъ въ ярость, но сѣсть все же не осмѣливался.

Послѣ игры въ карты ужинали, причемъ Наполеонъ никогда не занималъ мѣста за столомъ, а ходилъ по залу, разговаривая съ дамами, и забавлялся тѣмъ, что задавалъ имъ массу вопросовъ, которые подчасъ принимали щекотливый характеръ, такъ какъ онъ требовалъ необыкновенно точныхъ отвѣтовъ. Онъ все хотѣлъ знать: что онѣ дѣлали, что читали, о чемъ думали и что больше всего любили.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, облокотившись на спинку моего стула, онъ предлагалъ мнѣ вопросы относительно моего чтенія, и, разсказывая о прочитанныхъ имъ романахъ, замѣтилъ, что изъ всего, что ему попадалось подъ руку, самое сильное впечатлѣніе на него произвелъ

романъ «Comte de Communges».[1]) Онъ читалъ его два раза и каждый разъ былъ растроганъ до слезъ. Я не была знакома съ этой книгой, и, понятно, вернувшись домой, первымъ же дѣломъ отправилась рыться въ библіотекѣ свекра. Къ несчастью, этого романа тамъ не оказалось, и только долго спустя мнѣ удалось достать его, и я также плакала надъ нимъ.

Моя свекровь—единственная изъ всѣхъ варшавянокъ—сохранила свой салонъ, и поэтому ей пришлось давать танцовальные вечера. Масса иностранцевъ, наводнившихъ Варшаву вслѣдъ за дипломатическимъ корпусомъ, жаждала развлеченій. Принцы крови не пропускали ни одного собранія, но, дабы не уронить своего достоинства, танцовали только на придворныхъ балахъ.

Моя беременность не позволяла мнѣ предаваться развлеченіямъ этого рода, и поэтому я была вынуждена занимать самыхъ неинтересныхъ гостей,—такова ужъ почти всегда судьба хозяекъ дома.

Принцъ Мюратъ, ничуть не сконфуженный неудачей своей глупой выходки, воспользовался этимъ и осыпалъ меня пошлыми любезностями. Я ничуть не пыталась скрыть скуки, одолѣвавшей меня во время его изліяній, что, конечно, въ концѣ концовъ, не могло укрыться отъ него, и тогда, принявъ мелодраматическую позу, онъ произнесъ слѣдующую смѣшную фразу, еще болѣе подчеркивающую его гасконскій акцентъ:

— Madame Александръ! Вы не честолюбивы, вы не любите принцевъ! [2])

---

[1]) Рѣчь идетъ очевидно о романѣ г-жи де-Тансенъ.

[2]) M-me де-Ремюза приводитъ въ своихъ «Memoires», одну фразу Мюрата менѣе красивую, чѣмъ вышеприведенная, но также благоухающую гасконскимъ акцентомъ: «Талейранъ терпѣть не могъ Мюрата и его жену, и однажды слышали, какъ Мюратъ, со своимъ южнымъ акцентомъ, сохранившемся у него навсегда, сказалъ: «Moussu de' Talleyrand, il ne veut pas que je sois roué' (roi)». II, стр. 308.

Мои друзья много смѣялись, когда я разсказала имъ эту исторію.

Потомъ, въ Парижѣ, мнѣ разсказывали еще нѣчто подобное о Мюратѣ. Въ тотъ день, когда Мюратъ былъ провозглашенъ королемъ неаполитанскимъ, какая-то красавица, подъ вліяніемъ его величія, назначила ему свиданіе, а, такъ какъ заботы о королевствѣ отнимали у него еще не очень много времени, то онъ пришелъ на свиданіе слишкомъ рано.

Наскучивъ ожидать, онъ схватилъ себя за голову и воскликнулъ:

— Былъ ли когда-либо на свѣтѣ такой несчастный государь?

Когда я думаю, насколько всѣ эти принцы казались смѣшны и ничтожны въ сравненіи съ колоссомъ, который покрывалъ ихъ даже своею тѣнью, я повторяю вѣчную истину: быстрое возвышеніе оправдывается въ глазахъ людей или могучимъ характеромъ или великими дѣяніями.

VI.

Эйлау.

Розовая реликвія. — Марэ, герцогъ Бассано.—Герцогъ Дальбергъ.—Рожденіе Наталіи Потоцкой.—Графиня Валевская въ главной квартирѣ Остероде.—Шали Жозефины.—Отзывъ Наполеона о «Коринн ѣ». — Битва при Эйлау. — Отступленіе французовъ.—Подвигъ принца Боргезе.

О войнѣ больше не говорили. Большинство даже думало, что императоръ рѣшилъ подождать весны, чтобы начать военныя дѣйствія, но быстрый въ своихъ рѣшеніяхъ не менѣе, чѣмъ въ поступкахъ, онъ уѣхалъ внезапно 5-го февраля, и арміи былъ отданъ приказъ къ выступленію.

Прощаніе — вещь весьма опасная, такъ какъ очень трудно не проявить чувства, которое все время тщательно скрывалось. Къ счастью, я была не одна!

Онъ[1]) затѣмъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ просилъ сохранить его портфель, оставленный у насъ въ замкѣ, дабы не подвергать его всевозможнымъ опасностямъ. Въ этомъ портфелѣ сохранялись письма его горячо любимой матери, написанныя съ необыкновенной нѣжностью. Въ концѣ письма онъ умолялъ меня не отказать ему въ его просьбѣ и, во имя нашей святой дружбы, подарить ему ту розовую ленту, которая была на мнѣ наканунѣ,—«эта лента, писалъ онъ, спасетъ меня отъ непріятельскихъ

---

[1]) Господинъ де-Ф...

пуль». Подъ вліяніемъ этихъ словъ исчезли всѣ мои колебанія, и я послала ему розовую ленту. Тотъ, кто отправляется на войну, имѣетъ право предъявлять подобныя требованія!.. Онъ просилъ позволенія писать мнѣ обо всемъ, что касается военныхъ успѣховъ, такъ какъ французы и мы боролись за одно и то же, но кромѣ того, онъ просилъ меня хоть изрѣдка отвѣчать на его письма. Мой мужъ не имѣлъ ничего противъ этой переписки, а, такъ какъ въ этомъ, дѣйствительно, не было ничего, заслуживающаго порицанія, то я дала просимое обѣщаніе,—и онъ уѣхалъ.

Дипломатическій корпусъ съ Талейраномъ во главѣ получилъ приказаніе оставаться въ Варшавѣ.

Я забыла еще упомянуть о Марэ, герцогѣ Бассано, государственномъ секретарѣ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые обыкновенно рѣдко оставляли императора, но на этотъ разъ онъ долженъ былъ остаться въ ожиданіи событій.

Достигнувъ высокаго положенія въ то время, когда вообще карьеры дѣлались съ необычайной быстротой, герцогъ Бассано былъ, вѣроятно, единственный, въ которомъ не осталось ничего, напоминавшаго его скромное происхожденіе, но съ другой стороны,—онъ ничуть не злоупотреблялъ достигнутымъ имъ высокимъ положеніемъ. Его манеры, костюмъ, разговоръ, вообще, все, за исключеніемъ его неимовѣрно-толстыхъ икръ, носили отпечатокъ хорошаго общества. Правда, онъ не отличался обширностью и тонкостью ума, подобно Талейрану, но зато, обладая удивительнымъ тактомъ и рѣдкой проницательностью, онъ былъ вправѣ держать высоко голову среди окружающихъ Наполеона выдающихся людей. Кромѣ того, онъ былъ необыкновенно честнымъ и безупречнымъ человѣкомъ.

У него были дѣловыя отношенія съ моимъ свекромъ, поэтому онъ приходилъ иногда въ гостиную немного поболтать съ нами, называя эти рѣдкія минуты своимъ отдыхомъ. Его доброта шла отъ сердца, и онъ никогда не упускалъ случая оказать кому-либо услугу. Его об-

виняли въ томъ, что онъ легко поддавался лести и оказывалъ довѣріе недостойнымъ людямъ,—возможно, что это и правда, но истинная доброта имѣетъ ту дурную сторону, что ею легко можно злоупотреблять.[1])

Говоря о нашихъ постоянныхъ посѣтителяхъ, я не могу не упомянуть о самомъ остроумномъ изъ нихъ—герцогѣ Дальбергѣ.[2]) Онъ былъ послѣднимъ отпрыскомъ знаменитаго рода, который, казалось, долженъ былъ вотъ-вотъ угаснуть, такъ какъ уже не требовалось его присутствія на коронаціи германскихъ императоровъ, могущество которыхъ было сломлено, и оба эти блестящія воспоминанія прошлыхъ вѣковъ, казалось, должны были исчезнуть одновременно.[3])

Удалившись во Францію, герцогъ женился на m-lle de Brignole, отъ которой онъ имѣлъ единственную дочь, умершую въ раннемъ возрастѣ. Во время своего пребыванія въ Польшѣ, онъ воспылалъ страстью къ одной особѣ, которая, по своей ограниченной натурѣ, была не способна ни понять, ни оцѣнить его. Въ этомъ случаѣ онъ выказалъ себя экзальтированнымъ, какъ германецъ и деликатнымъ, какъ французъ.

Я терпѣливо выслушивала его изліянія, въ которыя онъ вкладывалъ всю прелесть своего ума. Это былъ необыкновенный человѣкъ,—онъ соединялъ въ себѣ и масона и философа восемнадцатаго вѣка; онъ поддерживалъ сношенія со всѣми наиболѣе извѣстными, но въ то же время, и наиболѣе скомпрометировавшими себя лицами въ Европѣ.

---

[1]) О Марэ, о которомъ существовали столь противорѣчивыя мнѣнія, см. длинную замѣтку Поля де-Ремюза въ «Memoires de sa grand'-mère»,—I, стр. 227—230.

[2]) Эммерихъ, герцогъ де-Дальбергъ, 1773—1833.

[3]) Изъ исторіи мы знаемъ, что въ тотъ моментъ, когда происходило коронованіе германскаго императора, герольдъ долженъ былъ воскликнуть громкимъ голосомъ: «Есть ли тутъ Дальбергъ?» и если отвѣтъ получался отрицательный, то коронованіе считалось недѣйствительнымъ. *(Прим. графини)*.

Въ высшей степени неосторожный, онъ говорилъ все, что приходило ему въ голову, не щадя никого, даже Наполеона, котораго называлъ тираномъ и узурпаторомъ. Его задача состояла въ томъ, чтобы наблюдать за интересами Германіи, но онъ занимался этимъ довольно небрежно, особенно съ тѣхъ поръ, какъ любовь поглотила всѣ его помыслы.

Будучи интимнымъ другомъ Талейрана, онъ часто вмѣстѣ съ нимъ предавался сокрушенію по поводу событій дня! И этотъ человѣкъ искренно, ото всего сердца желалъ возстановленія Польши, пламенно мечтая въ то же время объ освобожденіи Германіи,—обѣ эти вещи, какъ видите, согласовать весьма трудно, какъ и вообще всѣ другія его чувства. И доказательствомъ того, что Наполеонъ вовсе не былъ жестокъ, можетъ служить то обстоятельство, что онъ никогда не преслѣдовалъ Дальберга, хотя, конечно, и говорить нечего, что образъ мыслей его былъ отлично извѣстенъ императору.

* * *

18 марта 1807 года, въ три часа утра, я родила прелестную дочку,—и этимъ была достигнута вершина моихъ желаній. Когда я пишу эти записки,[1]) моей дочери исполнилось шесть лѣтъ. Она была прелестна съ самаго дня своего рожденія. Дѣтскія черты ея были правильны, какъ у античной статуи, и я увѣрена, что Елена, при своемъ появленіи на свѣтъ, не было прекраснѣе ея.

Чѣмъ болѣе она развивалась, тѣмъ болѣе черты ея лица пріобрѣтали классическую правильность, что я всецѣло приписывала своей страстной любви къ произведеніямъ искусства. Будучи постоянно окружена чудными, художественными образцами, я съ наслажденіемъ погружалась въ созерцаніе великолѣпныхъ картинъ, находившихся въ замкѣ моего свекра,[2]) поэтому нѣтъ ни-

---

[1]) Первая часть мемуаровъ была написана въ 1813 году.
[2]) Въ Виллановскомъ замкѣ, вблизи Варшавы.

чего удивительнаго въ томъ, что мое увлеченіе искусствомъ отразилось на моей дочери. Ея воспріемницей была моя мать. Я дала ей имя Наталіи, которое мнѣ очень нравилось и какъ нельзя лучше подходило къ ея крошечному, классически-правильному личику.

Я не понимаю, какъ это случилось, что я забыла упомянуть о крещеніи моего сына,[1]) которое было отпраздновано со всей пышностью, сопровождающей крещеніе мальчиковъ, а тѣмъ болѣе первенца. Его воспріемниками были князь Іосифъ Понятовскій и маршалъ Потоцкій, братъ моего свекра, а воспріемницами — прелестная графиня Замойская и графиня Тышкевичъ—сестра князя Понятовскаго. Князь Іосифъ сдѣлалъ моему сыну чудный подарокъ, который мы бережно хранили и который, я надѣюсь, останется навсегда въ нашемъ роду; это была сабля короля Сигизмунда I, употреблявшаяся при коронованіи нашихъ государей.

Съ самой колыбели пышность и блескъ, казалось, не были удѣломъ женщины: Натали крестили въ моей комнатѣ, безъ пышности и торжественности, и если, когда нибудь она почувствуетъ себя обиженной этимъ, то пусть ей будетъ утѣшеніемъ та огромная радость, которую доставило мнѣ ея появленіе на свѣтъ и то удивленіе, которое вызывала въ окружающихъ ея красота.[2])

* * *

Устроивъ свою главную квартиру въ Остероде, императоръ вызвалъ туда герцога де Бассано, а черезъ нѣсколько дней и Талейрана, такъ что въ Варшавѣ остался лишь дипломатическій корпусъ вмѣстѣ съ турецкимъ и пер-

---

[1]) Графъ Августъ Потоцкій, родился въ 1803 году.

[2]) Наталія, княгиня Сангушко, умерла въ 1830 году. Ее прославила въ своихъ произведеніяхъ Дельфина Гай (m-me де Жирардэнъ).

сидскимъ послами. Эти восточные вельможи возбуждали у всѣхъ любопытство своей манерой ѣсть, курить и молиться.

Само собой разумѣется, что извѣстія съ театра войны получались очень часто.

Непріятель удалился, дабы сконцентрировать свои силы, а императоръ, вполнѣ увѣренный въ своей побѣдѣ, ничуть этимъ не тревожился и, повидимому, ждалъ, когда на него нападетъ непріятель.

Погода была попрежнему очень суровая, и Наполеонъ, не зная, какъ провести время, послалъ за графиней Валевской. Братъ красавицы, неожиданно превратившійся изъ лейтенанта въ полковника, поспѣшилъ привезти ее съ соблюденіемъ строгой тайны въ главную квартиру, но развѣ возможно скрыть что-либо тамъ, гдѣ столько праздныхъ людей, которые хотятъ все знать, чтобы потомъ имѣть возможность все разболтать? И почти тотчасъ же стало извѣстно, что ночью пріѣхала карета съ тщательно опущенными шторами, а объ остальномъ уже не трудно было догадаться.

Единственно, что оставалось еще тайной, это мѣстопребываніе прелестной путешественницы.

Вотъ что потомъ разсказывала мнѣ одна изъ пріятельницъ графини Валевской.

Императоръ приказалъ приготовить для нея комнату рядомъ со своимъ кабинетомъ, причемъ графиня большую часть времени проводила въ печальномъ одиночествѣ, за исключеніемъ тѣхъ короткихъ минутъ, которыя императоръ посвящалъ ей. Къ ней никто не допускался. Одинъ только принцъ Невшательскій [1]) видѣлъ ее однажды, когда она убѣгала изъ кабинета Наполеона, гдѣ они завтракали.

Увидѣвъ на подносѣ двѣ чашки, Бертье позволилъ себѣ улыбнуться.

— Что такое?—произнесъ Наполеонъ съ такимъ ви-

---

[1]) Бертье.

домъ, который ясно говорилъ:—не вмѣшивайтесь въ дѣла, которыя васъ не касаются.

И тотчасъ же военный министръ заговорилъ о томъ важномъ дѣлѣ, по поводу котораго онъ пришелъ, давъ себѣ слово впредь осторожнѣе пользоваться своимъ правомъ входить къ императору безъ доклада.

Если случалось, что графиня Валевская не была готова къ завтраку, она кричала Наполеону, чтобы онъ не входилъ къ ней, и тогда онъ, пріоткрывъ немного дверь, и не смѣя заглянуть въ комнату, передавалъ ей на подносѣ чашку шоколада.

Во время пребыванія графини Валевской въ Остероде, персидскій посланникъ послалъ императору подарки отъ шаха.

Между другими прелестными вещами было много шалей для императрицы Жозефины. Невѣрный супругъ настаивалъ, чтобы его возлюбленная выбрала себѣ самыя лучшія изъ нихъ. Но все было напрасно. Она упорно отказывалась; но, наконецъ, замѣтивъ, что онъ обиженъ ея упрямствомъ, графиня взяла самую простую и наименѣе цѣнную голубую шаль, говоря, что она по возвращеніи подаритъ ее своей подругѣ, которая очень любитъ голубой цвѣтъ.

Это безкорыстіе понравилось Наполеону.

— Ваши мужчины—храбры и преданны,—сказалъ онъ со своей прелестной улыбкой, а женщины—очаровательны и безкорыстны. Это прекрасная нація, и рано или поздно я обѣщаю вамъ возстановить Польшу.

Она бросилась передъ нимъ на колѣни и стала горячо его благодарить.

—А!—сказалъ онъ:—этотъ подарокъ, какъ я вижу, вы примите безъ церемоній... Но подождите, надо немного терпѣнія, политическія событія не совершаются такъ быстро, какъ выигрываются сраженія; это не такъ легко и требуетъ больше времени.

Какъ только начались военныя дѣйствія, Наполеонъ тотчасъ же отправилъ графиню Валевскую домой, и она

уѣхала тѣмъ же путемъ, какъ и пріѣхала. Ея братъ съ той же таинственностью отвезъ ее въ имѣніе. Повидимому, императоръ остался твердо увѣренъ, что никто ничего не зналъ о происшедшемъ.

Особа,[1]) разсказывавшая мнѣ эти интересныя подробности, имѣла письмо, написанное императоромъ графинѣ Валевской позже, когда онъ былъ убѣжденъ, что скоро сдѣлается отцомъ. Въ этомъ письмѣ онъ называлъ ее то милой Маріей, то мадамъ и совѣтовалъ ей беречь себя тономъ болѣе повелительнымъ, чѣмъ нѣжнымъ. Видно было, что онъ больше думалъ о ребенкѣ, чѣмъ о матери. Не таковъ былъ тонъ его писемъ, которыя онъ когда-то писалъ Жозефинѣ.

Въ это время только что появился романъ «Коринна»;[2]) онъ надѣлалъ много шума и былъ присланъ изъ Парижа въ главную квартиру. Онъ прибылъ ночью вмѣстѣ съ многими депешами и тотчасъ же былъ переданъ императору. Пробѣжавъ самыя важныя изъ присланныхъ бумагъ, Наполеонъ взглянулъ на романъ и приказалъ разбудить Талейрана, дабы заставить его читать.

— Вы любите эту женщину, — сказалъ онъ,—посмотримъ, есть ли у нея здравый смыслъ[3]).

Съ полчаса онъ слушалъ внимательно, но затѣмъ у него не хватило терпѣнія.

— Тутъ нѣтъ ни капли чувства, а просто какое-то нагроможденіе фразъ... у нея голова не въ порядкѣ!. Она, видите ли, хочетъ насъ увѣрить, что любитъ этого англичанина, потому что онъ держитъ себя съ ней холодно и равнодушно. Идите спать: читать эту книгу—потерянное

---

[1]) Можетъ быть рѣчь идетъ о m-me Абрамовичъ. См. Фредерикъ Масонъ: «Napoleon et les femmes», стр. 202.

[2]) Въ 1807 году.

[3]) Среди писемъ Наполеона было найдено одно письмо изъ Остероде отъ 26 марта 1807 года, въ которомъ довольно много говорится о m-me де Сталь. См. Сентъ-Бевъ «Portraits de femmes», стр. 144. Появленіе романа «Коринна» еще болѣе упрочило и усилило суровость ея перваго изгнанія.

время! И всегда, если авторъ выводитъ себя въ своемъ произведенiи, оно никуда не годится. Покойной ночи!

На другой день онъ отдалъ «Коринну» герцогу де Бассано, который прислалъ ее мнѣ, думая, что этой книги еще нѣтъ въ Варшавѣ. Я сохранила ее, какъ историческую реликвiю.

Спустя нѣсколько дней послѣ моихъ родовъ, курьеръ привезъ извѣстiе о битвѣ при Эйлау. Французы отслужили благодарственный молебенъ, хотя у нихъ было убито тридцать тысячъ человѣкъ. Въ Петербургѣ русскiе тоже торжествовали и возсылали благодарность Провидѣнiю за то, что поле битвы было отдано не сразу, а послѣ долгаго и кровопролитнаго боя: и это сошло за побѣду!..

Я получила письмо,[1]) которое успокоило меня относительно участи тѣхъ, о комъ я сильно тревожилась. Въ этомъ письмѣ было больше вопросовъ о моемъ здоровьѣ, чѣмъ подробностей о сраженiи.

Сообщалось только, что битва была жаркая, что непрiятель проявилъ упорное сопротивленiе, и лишь необыкновенное счастье спасло его отъ массы пуль и ядеръ, сыпавшихся впродолженiи нѣсколькихъ часовъ.

Это необыкновенное счастье онъ приписываетъ розовой лентѣ, которая обладаетъ счастливой способностью сохранять его вообще отъ всевозможныхъ опасностей. Онъ мнѣ даже совѣтовалъ одѣвать мою дочь во все розовое, такъ какъ этотъ цвѣтъ приноситъ счастье, но моя Натали уже была посвящена голубому цвѣту.

Во время короткаго перемирiя, послѣдовавшаго за битвой при Эйлау, въ Варшаву прибыло подъ различными предлогами изъ главной квартиры много французскихъ офицеровъ—одни, чтобы отдохнуть, другiе,—чтобы повидать своихъ возлюбленныхъ, такъ какъ почти всѣ они уже имѣли подругъ.

Къ сожалѣнiю, я принуждена сознаться, что немногiе изъ французскихъ офицеровъ встрѣтили отпоръ со

---

[1]) Отъ господина де-Ф...

стороны полекъ, но зато тѣ изъ нихъ, кто устоялъ отъ соблазна, внушили своимъ поклонникамъ любовь самую продолжительную и полную рыцарскаго поклоненія. Было даже нѣсколько браковъ, но мало: французы того времени почти не имѣли времени обзаводиться семьями.

Среди знакомыхъ, вернувшихся въ Варшаву, былъ и принцъ Боргезе, упоенный своими военными успѣхами. Такъ какъ онъ былъ еще въ чинѣ полковника, а императоръ хотѣлъ дать ему повышеніе, хоть для вида сохранивъ приличіе, его съ полкомъ отправили въ такое мѣсто, гдѣ онъ подвергся легкому обстрѣлу, и гдѣ скорѣе можно было добыть славы, чѣмъ подвергнуться опасности. Полковникъ страшно гордился, пустивъ въ дѣло въ первый разъ свою саблю и, встрѣтивъ у насъ M. de Vaugiron, съ серьезнымъ видомъ обратился къ нему:

— Скажите же графинѣ, какъ я дѣйствовалъ саблей!

Этотъ громкій военный подвигъ былъ отмѣченъ въ военныхъ бюллетеняхъ въ необыкновенно пышныхъ выраженіяхъ и спустя нѣкоторое время[1]) его императорское высочество въ воздаяніе за заслуги и проявленную храбрость былъ назначенъ губернаторомъ Турина, гдѣ онъ могъ бы отдыхать затѣмъ впродолженіе всей своей жизни отъ военныхъ трудовъ, если бы не супруга, доставлявшая ему немало заботъ и непріятностей.

---

[1]) Въ 1808 году. О пребываніи принца Боргезе въ Туринѣ см. Stanislas Girardin, «Journal et Souvenirs».

VII.

Тильзитъ.

Раздача знаменъ тремъ польскимъ легіонамъ.—Князь Понятовскій.—Побѣда при Фридландѣ.—Графъ Станиславъ Потоцкій о свиданіи въ Тильзитѣ.—Слезы королевы прусской.—Ловкость Александра.—Банкетъ.—Созданіе герцогства Варшавскаго.

Съ какимъ пыломъ и усердіемъ была организована армія спустя нѣкоторое время послѣ возвращенія Наполеона въ Варшаву!

3 мая 1807 года три легіона, созданные какъ бы мановеніемъ волшебной палочки великаго мага и всеобщимъ энтузіазмомъ, получили свои штандарты и знамена.

Я видѣла не мало всякихъ торжествъ, присутствовала на самыхъ блестящихъ празднествахъ, принимала участіе и не разъ наблюдала всевозможные тріумфы, но ничто не производило на меня такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ церемонія на Саксонской площади.

Вокругъ алтаря въ строгомъ стилѣ, воздвигнутомъ среди площади, тѣснилась эта юная и въ то же время величественно-прекрасная армія, съ благоговѣніемъ слушавшая обѣдню, которую служилъ архіепископъ. Нѣтъ ничего внушительнѣе и прекраснѣе патріотическаго подъема, соединеннаго съ религіей и славой. Когда наступилъ моментъ освященія, штандарты были поднесены высокимъ особамъ, которыя должны были, согласно древнему обычаю, прибить знамена къ древкамъ.

Князь Понятовскій, въ качествѣ генералъ-аншефа, предсѣдательствовалъ на этомъ торжествѣ. На его благородномъ и удивительно выразительномъ лицѣ отражались мужество и великодушіе. Передавая юнымъ прекраснымъ воинамъ новыя знамена, онъ обратился къ нимъ съ рѣчью, призывая ихъ къ славнымъ подвигамъ.

Князь выразилъ желаніе, чтобы дамы не остались безучастными къ акту, который несетъ имъ столько ужасныхъ тревогъ и горькихъ сожалѣній. Молодежь рвалась къ оружію, и не было матери, жены или сестры, которая не дрожала бы за кого-либо изъ близкихъ. Мы также имѣли честь вбить гвозди, прибивая штандарты, вышитые нашими руками.

Война продолжалась, и мы ожидали, когда польская армія получитъ приказъ о выступленіи.

Сколько сердецъ при этомъ трепетно билось! Одни, полныя надежды, другія—страха. Дѣти не могли удержаться отъ проявленія восторга, а матери—отъ слезъ отчаянія и горя.

17 іюня прибывшій съ театра войны курьеръ привезъ извѣстіе о побѣдѣ французовъ подъ Фридландомъ, побѣдѣ, принесшей съ собой миръ. Императоръ отправился въ Тильзитъ для переговоровъ о мирѣ.

О знаменитомъ тильзитскомъ свиданіи я скажу лишь нѣсколько словъ. Графъ Станиславъ Потоцкій, мой свекоръ, разсказывалъ мнѣ объ этомъ свиданіи нѣсколько любопытныхъ и малоизвѣстныхъ подробностей.

Графъ былъ вызванъ въ Тильзитъ для внесенія, подъ наблюденіемъ Наполеона, нѣкоторыхъ соотвѣтствующихъ и необходимыхъ поправокъ въ конституцію 3-го мая,[1]) которой онъ хотѣлъ, насколько возможно меньше, придать форму императорскаго акта.

Многіе думали, что та гласность, которую Наполеонъ намѣренно придалъ этому акту, должна была послужить

---

[1]) Эта конституція являлась сколкомъ съ англійской конституціи и была послѣднимъ проявленіемъ политической жизни Польши. *(Прим. графини).*

угрозой для Александра, которому Наполеонъ всегда указывалъ на Польшу, какъ на грозный призракъ, готовый рано или поздно сбросить свой саванъ и потребовать возстановленія своихъ правъ.

Тильзитское свиданіе было навѣрное однимъ изъ самыхъ блестящихъ моментовъ царствованія Наполеона. Король и королева прусскіе явились сюда въ качествѣ смиренныхъ просителей. Они всецѣло были обязаны Александру сохраненіемъ своего королевства, которое едва не было выключено изъ числа европейскихъ государствъ, чего мы желали отъ всей души.

Прекрасная королева, сдѣлала видъ, что хочетъ упасть на колѣни передъ Наполеономъ,[1]) но тотъ поспѣшилъ предложить ей руку и проводилъ ее въ свои аппартаменты.

Оба монарха, сопровождавшіе ее, хранили молчаніе... Королева сначала тихимъ голосомъ взывала къ великодушію побѣдителя, а затѣмъ прибѣгла къ слезамъ. Наполеонъ, казалось, былъ тронутъ ея смиреніемъ и печалью, но тѣмъ не менѣе онъ не могъ удержаться, чтобы не высказать королевѣ, насколько онъ чувствовалъ ея хотя и безсильную ненависть къ нему. Затѣмъ въ необыкновенно любезныхъ выраженіяхъ онъ замѣтилъ, что, увидѣвъ ее, онъ болѣе не удивляется тому огромному количеству враговъ, которыхъ она ему создала, а также и той ярости, съ которой Германія возстала противъ него.

Александръ, чувствуя необходимость перемѣнить разговоръ, который начиналъ принимать опасный оборотъ, замѣтилъ съ тонкостью, составлявшей отличительную черту его характера, что «всѣ усилія непріятеля остались безуспѣшными въ виду того, что они были направлены противъ генія, скромно добавивъ, что ему могутъ противодѣйствовать только тѣ, кто его не знаетъ».

---

[1]) Вспоминая о свиданіи въ Тильзитѣ и говоря о прусской королевѣ, Наполеонъ сказалъ: «Это mademoiselle Дюшенуа въ трагедіи». Memorial, 16 іюня 1816 года.

Такъ произошло это первое свиданіе, закончившееся пышнымъ банкетомъ. По этому случаю королева сняла свой трауръ и надѣла пурпурную мантію и діадему, которыя она носила съ рѣдкимъ достоинствомъ. Императоръ повелъ ее къ столу и посадилъ справа отъ себя. Отличаясь большимъ умомъ и принимая участіе въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ, она рѣшила заручиться расположеніемъ того, кто держалъ въ своихъ рукахъ судьбу Пруссіи.

Прощаясь съ ней, Наполеонъ, подъ вліяніемъ обворожительнаго обращенія Александра, котораго онъ называлъ красивѣйшимъ и хитрѣйшимъ изъ грековъ, а также очарованный красотой королевы и ея раскаяніемъ подарилъ ей Силезію, уничтоживъ однимъ росчеркомъ пера ту статью трактата, по которой эта провинція была уже выдѣлена изъ состава Пруссіи, — щедрость побѣдителя, которой Талейранъ весьма не одобрилъ.

Что же касается прусскаго короля, то, по своему ничтожеству, онъ только молчалъ. Онъ велъ войну исключительно съ той цѣлью, дабы угодить честолюбивымъ желаніямъ королевы, и заключилъ миръ, стремясь къ своей обычной мирной жизни, даже не отдавая себѣ отчета, что бы онъ могъ потерять и что выиграть.

Результатомъ всѣхъ этихъ переговоровъ для насъ было образованіе скромнаго герцогства Варшавскаго. Не о томъ мечтали мы, но перенося съ твердостью настоящее, мы надѣялись на будущее.

VIII.

Маршалъ Даву.

Маршалъ Даву—губернаторъ Варшавы.—Супруга маршала.—Анатоль де-Монтескье.—Генералъ Рикаръ.—Принцъ Мюратъ и его ливрея.—Отъѣздъ m-eur де Ф...—Его письмо.—Эпилогъ юношескихъ воспоминаній.—Смерть кастелянши краковской.

Императоръ возвратился во Францію, чтобы насладиться плодами прусской кампаніи—столь короткой и блестящей. Отъ побѣдъ еще никто не усталъ.

Въ качествѣ губернатора у насъ остался маршалъ Даву, который оказывалъ вліяніе на политическую жизнь страны, насколько ему позволяли его довольно ограниченныя способности. Во всякомъ случаѣ, это былъ одинъ изъ лучшихъ людей французской арміи, и, вѣроятно, Наполеонъ, прекрасно знавшій своихъ маршаловъ, назначилъ его губернаторомъ Варшавы потому, что былъ вполнѣ увѣренъ въ его преданности и нравственности. Онъ не хотѣлъ предавать грабежу страну, изъ которой впослѣдствіи предполагалъ создать могущественный оплотъ противъ своихъ враговъ.

Въ теченіе своего недолгаго пребыванія въ Польшѣ, Наполеонъ отлично понялъ, какія огромныя силы можетъ предоставить ему польская нація, всегда готовая къ самымъ энергичнымъ дѣйствіямъ, (а также и къ величайшимъ жертвамъ при условіи хотя бы нѣкоторой надежды на возстановленіе политической независимости),

а потому онъ и рѣшилъ на всякій случай сохранить для себя этотъ могучій рычагъ.

Поэтому маршалъ получилъ приказаніе обходиться съ нами насколько возможно мягче, поддерживать въ насъ надежды и развлекать насъ. Онъ получилъ въ пользованіе княжество Ловичъ и, чтобы вести домъ на широкую ногу, выписалъ сюда свою жену.

Она [1]) отличалась строгой красотой и была во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ достойной женщиной. Воспитанная у госпожи Компанъ, она обладала изящными манерами и тѣмъ тономъ свѣтскаго общества, котораго не доставало ея мужу, но она не сумѣла внушить къ себѣ любви, такъ какъ не отличалась привлекательностью.

Разсказывали, будто она постоянно терзалась муками ревности къ своему мужу, который подавалъ къ тому поводъ своими мимолетными любовными интригами, а затѣмъ, какъ и всѣ французы, былъ безъ ума отъ полекъ, присутствіе же жены сильно его стѣсняло.

Кромѣ того, у него была возлюбленная—француженка, имѣвшая поразительное сходство съ его женой и сопровождавшая его на этомъ какъ бы законномъ основаніи въ походахъ, что чрезвычайно не нравилось императору. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, жена маршала очень мало заботилась о томъ, чтобы сдѣлать пріятнымъ свой домъ, а супругъ ея предпочиталъ искать развлеченій внѣ дома.

Штабъ маршала не блисталъ выдающимися людьми. Анатоль де-Монтескье, тогда еще очень молодой, былъ единственный изъ адъютантовъ маршала, котораго мы принимали съ удовольствіемъ: его воспитаніе соотвѣтствовало его имени.

Между генералами, которые находились тогда въ томъ корпусѣ, былъ одинъ, дѣйствительно, замѣчательный человѣкъ, и я удивляюсь, что о немъ такъ мало гово-

---

[1]) Эмэ Леклеркъ, сестра генерала Леклерка, перваго мужа Полины Бонапартъ.

рили. Его превосходство надъ всѣми было неоспоримо. Генералъ Рикаръ—когда-то другъ и товарищъ Наполеона—навлекъ на себя его немилость вслѣдствіе проявленной вѣрности генералу Моро, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ и которымъ восхищался открыто. Онъ не подумалъ скрывать своихъ чувствъ даже въ то время, когда Моро былъ всѣми покинутъ. Эта благородная и мужественная храбрость ничуть не помѣшала ему воздать должное генію и блестящимъ способностямъ Наполеона, котораго, какъ императора, онъ цѣнилъ, можетъ быть, менѣе, чѣмъ какъ полководца, когда Бонапартъ, покоривъ Италію, удивилъ весь міръ своимъ внезапно-развернувшимся военнымъ геніемъ.

Своими выдающимися качествами генералъ Рикаръ буквально затмевалъ своихъ товарищей, хотя въ числѣ ихъ было не мало людей съ достоинствами.

Французы того времени страстно любили развлеченія и умѣли всюду вносить оживленіе. Мы устраивали любительскіе спектакли, танцовали, катались на саняхъ. Надо было наслаждаться наступившей минутой отдыха, такъ какъ миръ при Наполеонѣ былъ лишь краткимъ перемиріемъ, которымъ надо было пользоваться, чтобы отдохнуть и набраться свѣжихъ силъ къ новому выступленію.

Но не всѣмъ удалось такъ веселиться и отдыхать, многіе проводили печально-тянувшееся время на стоянкахъ въ глубинѣ Силезіи. Къ числу ихъ принадлежалъ и г. де Ф...

Принцъ Мюратъ вздумалъ нарядить своихъ адъютантовъ въ какіе-то ливреи-мундиры фантастическихъ цвѣтовъ, и г. де Ф... навлекъ на себя его немилость, отказавшись облечься въ этотъ нарядъ. Онъ предпочелъ отправиться къ своему полку, въ то время, какъ Мюратъ, увѣнчанный лаврами, возвратился въ Парижъ, чтобы возложить на себя корону. Упрямецъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ, жалуясь на свою неудачу, заявлялъ, что онъ ни за что не поѣдетъ въ Парижъ, и обратится къ маршалу Даву, чтобы тотъ разрѣшилъ ему

пріѣхать на нѣкоторое время въ Варшаву, въ случаѣ же отказа съ его стороны, онъ рѣшилъ пріѣхать тайно, «если только, писалъ онъ, единственный авторитетъ, которому онъ безпрекословно подчинится, не запретитъ ему этого и если тѣ, кого онъ жаждетъ видѣть, отнесутся къ нему благосклонно».

Письмо это смутило меня. Я искренно старалась удалить изъ своей памяти все, что напоминало мнѣ о г. де Ф..., но, получивъ это письмо, я поняла, что мнѣ снова грозитъ опасность. Къ счастью для меня, въ это дѣло вмѣшалась моя подруга—госпожа Соболевская. Я показала ей письмо, причемъ сдѣлала видъ, что не понимаю заключающихся въ немъ намековъ, а рѣшеніе г. де Ф... пріѣхать въ Варшаву приписываю весьма естественному желанію немного разсѣяться и развлечься,—однимъ словомъ, я съ необыкновеннымъ жаромъ защищала того, кого никто и не думалъ ни въ чемъ обвинять.

Моя подруга дала мнѣ высказаться, не проронивъ ни слова, а затѣмъ, когда я успокоилась, она устремила на меня пристальный взглядъ и спросила только, дѣйствительно ли я хоть на минуту вѣрю въ высказанное мною предположеніе о цѣли пріѣзда г. де Ф..., и при этомъ прибавила, что если я выражу согласіе на этотъ пріѣздъ, то тѣмъ самымъ заранѣе покажу, что сдаюсь.

Я отвѣтила на письмо въ шутливомъ тонѣ, но дала ему ясно понять, что о сближеніи между нами не можетъ быть и рѣчи.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ г. де Ф... былъ вызванъ въ Парижъ, благодаря хлопотамъ одной очень высокопоставленной особы, которая давно уже его любила, чего онъ даже и не подозрѣвалъ.

Извѣстіе, полученное мною отъ моей матери, находившейся тогда въ Бѣлостокѣ, сразу перемѣнило строй моихъ мыслей.

Мать извѣщала меня, что краковская кастелянша тяжело заболѣла и выразила желаніе уви-

дѣться съ нами, благословить насъ въ послѣдній разъ. Мы тотчасъ же выѣхали. Я нашла потомъ среди своихъ бумагъ отрывокъ изъ дневника, который я вела въ 1808 году, когда я еще и не собиралась записывать свои воспоминанія. Въ точности передаю содержаніе этого отрывка.

«Бѣлостокъ, 9 февраля 1808 г.—И вотъ я снова въ замкѣ, въ томъ замкѣ, гдѣ я провела столько счастливыхъ и безмятежныхъ лѣтъ. На каждомъ шагу—воспоминанія, а вмѣстѣ съ ними—печаль и сожалѣнія, чувства въ одно и то же время и сладкія, и мучительныя: все минуло и все минетъ!..

Я снова вижу свою любимую тетку. Всѣ вокругъ дрожатъ за ея жизнь. Первый разъ въ жизни я вижу смерть лицомъ къ лицу. Печальная и темная комната, сдавленныя рыданія, безмолвная, гнетущая печаль—все это произвело на меня такое подавляющее впечатлѣніе, которое никогда не изгладится изъ моей памяти.

Бѣдная крошка Амели де Бассомпьеръ страшно плакала: вѣдь она такъ ее любила! Остальные Бассомпьеры, выражая свою печаль, были только приличны.

«10 февраля, утро.—Я не могла сомкнуть глазъ всю ночь... и, можетъ быть, завтра я буду жалѣть эту ночь, которая показалась мнѣ такой долгой.

Она еще жива!

Сегодня утромъ ее приготовили къ встрѣчѣ со мной. Узнавъ о нашемъ пріѣздѣ, она оживилась. Въ полдень врачъ пришелъ за нами. О, Боже! Какъ у меня хватило силъ подойти къ ней со спокойнымъ лицомъ, улыбаться, говоря съ ней и не залиться слезами, цѣлуя ея руку?

— У меня нѣтъ силъ выразить вамъ, какъ я васъ люблю!—сказала она мнѣ голосомъ, въ которомъ было больше волненія, чѣмъ слабости. Потомъ она говорила о моихъ бѣдныхъ крошкахъ, о которыхъ я не думала болѣе двухъ дней. Мой мужъ не подошелъ близко. Она не видѣла его вслѣдствіе темноты, царившей въ этой огромной комнатѣ, обитой краснымъ шелкомъ съ золо-

тымъ галуномъ. Она велѣла мнѣ подозвать его къ кровати и хотя казалась утомленной, все же собралась съ мыслями и, пожавъ ему руку, сказала довольно твердымъ голосомъ:

— Я поручаю вамъ все, что у меня остается дорогого на свѣтѣ: вашу жену и ея мать. Позаботьтесь о ихъ счастьи.

Затѣмъ она сдѣлала знакъ, чтобы мы удалились, но тотчасъ же подозвала меня снова и, глядя на меня съ той невыразимой добротой, которая особенно проявилась у нея во время болѣзни, произнесла:

— Уговорите уѣхать отсюда вашу мать, я васъ умоляю. О, какое это для нея ужасное зрѣлище!

И когда я, стараясь успокоить ее, стала говорить, что мы не уѣдемъ отсюда до тѣхъ поръ, пока она не поправится окончательно,—она покачала головой, блаженная улыбка появилась у нея на лицѣ и, подавая мнѣ руку, она сказала:

— Вы не можете себѣ представить, какую радость вы мнѣ доставляете, вы возвращаете мнѣ душевный покой, и разъ вы такъ рѣшили, останьтесь еще на нѣсколько дней, это протянется недолго. Теперь я умру спокойно, я такъ тревожилась за вашу бѣдную мать!

Когда она совершенно успокоилась, я попробовала разсказать ей о томъ, что, по моему мнѣнію, могло ее заинтересовать. Она внимательно меня слушала:

Я проводила все время въ ея комнатѣ, или въ сосѣднемъ кабинетѣ. Я не плакала болѣе и даже начала постепенно привыкать къ печальной обстановкѣ. Есть какое-то наслажденіе въ заботахъ о дорогомъ человѣкѣ, и это чувство заставляетъ умолкнуть все остальное. Я провожу ее въ тотъ міръ, гдѣ кончается земная жизнь. Эта чистая душа дастъ мнѣ ту увѣренность въ жизни, въ которой я такъ нуждаюсь...

Она только-что исповѣдалась и пріобщилась. У меня не хватило силъ присутствовать при этой печальной церемоніи.

А она ожидала ее съ нетерпѣніемъ, какъ праздника, и готовилась къ ней съ необычайнымъ спокойствіемъ и кротостью. Повидимому, она покидала міръ безъ малѣйшаго сожалѣнія и лишь иногда ею овладѣвалъ чисто-физическій страхъ смерти и пугала самая мысль о разрушеніи. Однако, какъ трудно умирать!...

«12 февраля, вечеръ.—Неужели можно ко всему привыкнуть? Я уже не испытываю такой грусти и растерянности, какъ прежде—вѣроятно, потому, что въ мое сердце закрался лучъ надежды. Вѣдь невозможно свыкнуться съ мыслью потерять дорогихъ людей—и по мѣрѣ того, какъ опасность уменьшается, кажется уже, что она совсѣмъ исчезла.

Эту ночь больная провела сносно и даже приняла немного пищи. Но тѣмъ не менѣе врачъ не подаетъ никакой надежды, находя больную чрезвычайно слабой. Но вѣдь врачи такъ часто ошибаются! Больная интересуется всѣмъ, что происходитъ вокругъ нея. Боже, какъ я была счастлива, увидя улыбку на ея лицѣ! — это воспоминаніе принадлежитъ къ счастливѣйшимъ въ моей жизни. Я чувствовала себя любимой и полезной,— и это сознаніе служило мнѣ утѣшеніемъ въ жизни. Я говорю—утѣшеніемъ не потому, что я утомилась жизнью, но я не понимаю, какъ можно дорожить ею, если не чувствуешь себя необходимой для счастья другихъ.

«13 февраля, 12 ч. дня.—Она очень слаба! Ночь была ужасна, больная замѣтно теряетъ силы и говоритъ лишь при крайней необходимсти, но она все время въ полномъ сознаніи.

Я не получаю извѣстій о дѣтяхъ. Во всякое другое время это меня бы встревожило и обезпокоило, такъ какъ свекровь обѣщала меня извѣщать каждый разъ съ нарочнымъ. Но теперь, въ этой комнатѣ, гдѣ все говоритъ о вѣчности, о смерти, о вѣчной разлукѣ, я даже не думаю ни о чемъ, что привязываетъ меня къ жизни.

Сидя въ комнатѣ больной и слушая каждый разъ бой

старинныхъ часовъ, я невольно содрогаюсь при мысли, что скоро они пробьютъ роковой часъ!

Полночь... Больше нѣтъ никакой надежды! Вотъ уже два или три часа, какъ она не можетъ найти себѣ мѣста и мечется въ ужасной предсмертной тоскѣ. Время отъ времени она спрашиваетъ слабымъ голосомъ, ясная ли ночь и много ли звѣздъ на небѣ... Ея рука, которую я иногда подношу къ губамъ, холодна, какъ ледъ. Я тихо кладу ее къ себѣ на голову, и мнѣ кажется, что въ эти минуты она понимаетъ меня и благословляетъ. Потомъ она совсѣмъ тихо попросила меня удалиться и ничего ей не говорить: вѣроятно, она молилась.

Ея ужасныя страданія надрываютъ душу—и это смерть праведницы!.. Теперь она забылась, и врачъ увѣряетъ, что она проживетъ до завтра. Боже! какая ужасная ночь!

«14 февраля. Все кончено! Около двухъ часовъ ночи она испустила духъ. Ея кончина была также тиха, какъ и ея жизнь, а ея лицо сохранило выраженіе той необычайной доброты, которая при жизни дѣлала ее такой милой. За нѣсколько минутъ до смерти она еще разговаривала. Огонь трещалъ въ каминѣ, и она, желая полной тишины и покоя, просила, чтобы больше не подкладывали дровъ.

Замѣтивъ, что одна изъ ея служанокъ плачетъ, она дала ей свой носовой платокъ, знаками прося ее больше не плакать.

Часто она спрашивала, хороша ли ночь—бѣдная святая думала о предстоящемъ ей путешествіи. Она, казалось, всей душой рвалась отъ земли и каждую минуту спрашивала, который часъ. Около двухъ часовъ она тихо заснула и болѣе уже не проснулась!..

Врачъ сказалъ моей матери, что до конца еще далеко, и мы удалились, чтобы немного отдохнуть.

Въ четыре часа меня разбудилъ звукъ колокола. Дрожа, я вскочила, не рѣшаясь спросить, что это значитъ.

Я побѣжала къ матери... и наши слезы безъ словъ сказали намъ о томъ, о чемъ мы боялись спросить.

«17 февраля.—Завтра мы уѣзжаемъ,—и я никогда уже больше не увижу этой комнаты, гдѣ я сейчасъ пишу и гдѣ я провела прекраснѣйшіе годы своей жизни. Можетъ быть и я уже прожила половину своей жизни, и этотъ страшный часъ наступитъ когда-нибудь и для меня. Но она поможетъ мнѣ и защититъ меня! Лишь бы только своей жизнью я заслужила эту защиту!

«20 февраля, въ Варшавѣ.—Вотъ я и вернулась. Иногда мнѣ кажется, что мнѣ приснился страшный сонъ, который разбилъ мое сердце и заставилъ трезво взглянуть на жизнь. Я избѣгаю общества, и лишь съ дѣтьми чувствую себя хорошо».

Примѣчаніе.—Спустя нѣсколько лѣтъ, наслѣдники краковской кастелянши, которымъ достался Бѣлостокъ, продали это великолѣпное помѣстье императору Александру, который приказалъ содержать въ порядкѣ роскошное имѣніе и занести его въ списокъ императорскихъ резиденцій. Императоръ Николай, вообще мало заботившійся объ историческихъ памятникахъ, приказалъ преобразовать замокъ въ пансіонъ, а дивныя апельсиновыя деревья—перевезти въ Петербургъ. Во время этого длиннаго переѣзда погибла большая часть самыхъ старыхъ деревьевъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Поѣздка во Францію въ 1810 году.

I.

Переговоры о бракѣ Маріи-Луизы.

Смерть графа Тышкевича, отца графини Потоцкой.—Отъѣздъ въ Вѣну.—Вѣнское общество.—Домъ герцога де-Линь.—Его остроуміе. — Его бракъ.—Графъ Шарль де-Дама. — Графиня Пальфи.—Извѣстія изъ Парижа.—Возмущеніе вѣнской аристократіи.—Пріѣздъ Бертье.—Письмо Наполеона къ эрцъ-герцогу Карлу.

Большая часть мемуаровъ отличается обыкновенно недостаткомъ откровенности. Почти всѣ, кто начинаетъ записывать свои воспоминанія долго спустя послѣ описываемыхъ событій, не могутъ избѣжать при этомъ многихъ неточностей. Правильно это или неправильно, но я воздержалась и не исправляла недостатковъ, замѣченныхъ въ моихъ запискахъ, дабы не лишить ихъ отпечатка того времени. Словомъ, я ихъ не передѣлывала, и поэтому въ моихъ запискахъ встрѣчаются иногда тѣ рѣзкіе оттѣнки, которые годы придаютъ нашимъ впечатлѣніямъ.

Все, кончая различными почерками въ разное время, свидѣтельствуетъ о правдивости этихъ страницъ.

Здѣсь встрѣчается первый пробѣлъ. Получивъ извѣстіе о внезапной болѣзни отца, я была такъ поглощена своимъ горемъ, что для меня все потеряло всякій инте-

ресь и я тотчасъ же рѣшила потребовать себѣ паспортъ для поѣздки въ Вильно. Но благодаря несносной медлительности русской администраціи, я пріѣхала слишкомъ поздно, была лишена утѣшенія застать отца въ живыхъ и получить его послѣднее благословеніе.

Возвратившись въ Варшаву, я уже не нашла здѣсь моей матери, которая послѣ кончины краковской кастелянши поселилась сначала въ Вѣнѣ, а затѣмъ, не желая быть представленной ко двору, переѣхала въ Баденъ и жила здѣсь уединенно. Все ея общество составляло одно швейцарское семейство, къ которому она была очень привязана. Среди зимы,—въ тотъ годъ довольной суровой,—моя добрая матушка пригласила насъ къ себѣ въ Баденъ. А черезъ мѣсяцъ, думая, что отказаться отъ столичныхъ удовольствій для насъ немалая жертва, она заставила насъ конецъ зимняго сезона провести въ Вѣнѣ, причемъ обѣщала въ скорости тоже пріѣхать туда. Къ тому же, мой мужъ тяготился однообразіемъ нашего образа жизни, и я охотно приняла предложеніе моей матери.

Домъ принца де-Линь въ то время былъ центромъ, гдѣ собирались всѣ знатные иностранцы; чтобы попасть туда, нерѣдко пускались въ ходъ интриги, такъ какъ это считалось большой честью.

Меня приняли въ этомъ домѣ съ необыкновенной добротой и любезностью, и я такъ пріятно провела здѣсь время, какъ нигдѣ.

Этотъ скромный маленькій салонъ, соломенные стулья, которые брали изъ передней, когда ихъ не хватало въ гостиной, незатѣйливый ужинъ, единственнымъ украшеніемъ котораго являлась непринужденная бесѣда, очаровательная простота въ обращеніи—все это вполнѣ заслужило, чтобы я съ удовольствіемъ посвятила нѣсколько словъ этому милому семейству,—и было бы неблагодарностью съ моей стороны, если бы я этого не сдѣлала.

Знаменитый принцъ де-Линъ, которому было тогда

около семидесяти лѣтъ, былъ однимъ изъ самыхъ остроумныхъ и блестящихъ собесѣдниковъ, причемъ его разговоръ былъ гораздо занимательнѣе его произведеній. Снисходительный, добрый и милый—онъ любилъ своихъ дѣтей, а они обожали его. Въ жизни онъ цѣнилъ только то, что придаетъ ей прелесть и совершенно искренно полагалъ, что единственная цѣль его существованія—это пріятно проводить время. Если въ молодости онъ стремился къ славѣ, то только потому, что она обѣщала ему новые успѣхи: иногда такъ пріятно написать любовное посланіе на листкѣ изъ лавроваго вѣнка.

Когда-то владѣлецъ солиднаго состоянія, онъ расточилъ его, какъ и свою жизнь, самыми разнообразными способами, и теперь стоически-весело переносилъ свои денежныя затрудненія. Скромные соломенные стулья, баранье жиго, вѣчный кусокъ сыра—все это представляло изъ себя неизсякаемый источникъ для шутокъ, къ которымъ онъ относился весьма добродушно. Про него можно было сказать, что недостатокъ средствъ искупался у него избыткомъ веселости и что онъ обѣднѣлъ по собственному желанію, чтобы быть счастливымъ, подобно древнему мудрецу, который самъ бросилъ въ море свои сокровища.

Принцесса не обладала рѣшительно ничѣмъ, чтобы также философски относиться къ жизни, и поэтому казалось, что супруги говорятъ совершенно на разныхъ языкахъ. Она происходила изъ благородной нѣмецкой семьи, но, подобно всѣмъ благороднымъ нѣмецкимъ дѣвицамъ, она была бѣдна и при томъ совершенно лишена очарованія и остроумія.

Трудно было понять, что заставило принца рѣшиться на этотъ бракъ, тѣмъ болѣе, что онъ всегда былъ противъ браковъ съ нѣмками. Его старые друзья разсказывали о немъ слѣдующій анекдотъ. Когда онъ впервые привезъ свою молодую жену въ Брюссель, гдѣ его полкъ стоялъ гарнизономъ, офицеры тотчасъ же явились, чтобы представиться принцессѣ.

— Господа,—сказалъ имъ принцъ,—я очень тронутъ вашей любезностью, вы сейчасъ увидите принцессу, но предупреждаю васъ, увы! она совсѣмъ не красива, но зато очень добра и проста, такъ что никому мѣшать не будетъ, даже мнѣ!..

Эти слова какъ нельзя лучше рисуютъ его тонкій, насмѣшливый умъ и необыкновенное легкомысліе.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, это была уже довольно пожилая женщина, легко выходившая изъ себя, но на нее никто не обращалъ вниманія. Будучи предоставленной самой себѣ, она обыкновенно занималась вышиваньемъ какихъ-то безвкусныхъ узоровъ, въ то время, какъ гости собирались вокругъ принца и его дочерей, ведя непринужденную, оживленную бесѣду, полную той граціи и остроумія, какихъ я до сихъ поръ нигдѣ не встрѣчала. По словамъ французовъ стараго времени, салонный разговоръ стараго Парижа, будучи изгнанъ послѣ революціи изъ столицы, нашелъ себѣ пріютъ въ этой скромной маленькой гостиной. И дѣйствительно, въ Парижѣ мнѣ не пришлось встрѣтить такого пріятнаго общества: здѣсь салонный духъ былъ испорченъ партійнымъ духомъ.

Въ числѣ обычныхъ посѣтителей салона де Линь я назову графа Шарля де Дама, этого вѣчнаго эмигранта, твердо увѣреннаго въ возстановленіи Бурбоновъ. Живя долгое время въ Вѣнѣ, онъ только однажды покинулъ ее во время такъ называемаго нашествія синихъ.

Какъ только французы покинули городъ, онъ переселился къ своимъ старымъ друзьямъ, и долго не могъ простить принцу де Линь то, что онъ принялъ своихъ «заблудшихъ» соотечественниковъ: такъ называлъ онъ всѣхъ, кто перешелъ на службу къ новому правительству. Человѣкъ выдающагося ума, онъ тѣмъ не менѣе нерѣдко позволялъ себѣ странныя выходки, которыя ему прощались лишь изъ вниманія къ его благородному характеру и необычайной оригинальности. Мнѣ однажды пришлось слышать, какъ онъ, пустивъ въ ходъ все свое

краснорѣчіе, доказывалъ, что иногда можно имѣть дурной тонъ при условіи никогда не имѣть дурного вкуса, и исходя изъ этого, онъ считалъ себя вправѣ говорить все, что ему приходило въ голову.

Мы однажды чуть не умерли со смѣха, когда онъ самымъ серьезнѣйшимъ образомъ разсказалъ намъ, какъ вторая дочь принца де Линь, графиня де Пальфи, ангелъ доброты и чистоты, подбила его на дурныя знакомства, указавъ ему мѣсто, гдѣ жили наиболѣе извѣстныя «нимфы», дабы тѣмъ спасти репутацію порядочныхъ женщинъ, на которыхъ онъ могъ бы направить свое ухаживаніе. Хотя бѣдный герой со своими пятьюдесятью годами и подбородкомъ, половину котораго онъ лишился при осадѣ Бѣлграда, совсѣмъ не былъ опасенъ для женщинъ.

Помимо салона принца де Линь, также весьма охотно собирались у нѣкоторыхъ изъ нашихъ соотечественниковъ. Однимъ изъ самыхъ пріятныхъ, или лучше сказать, элегантныхъ салоновъ былъ салонъ графини Ланкаронской, хотя, сказать правду, она проявила черезчуръ большую привязанность къ Австріи.

Однажды вечеромъ, сидя за чаемъ, мы вели оживленную бесѣду относительно послѣднихъ событій, какъ вдругъ входитъ одинъ изъ гостей и разсказываетъ, что прибылъ курьеръ изъ Парижа. Вѣна не мало вынесла отъ пребыванія французовъ и непріятныя воспоминанія объ этомъ до сихъ поръ еще были живы у вѣнцевъ,—поэтому они были поражены, узнавъ о прибытіи курьера съ секретными депешами.

За исключеніемъ нѣсколькихъ поляковъ, всѣ собравшіеся въ этомъ блестящемъ салонѣ питали къ Наполеону безмѣрную ненависть, причемъ самымъ пламеннымъ и опаснымъ врагомъ его былъ безспорно корсиканецъ графъ Поццо ди Борго.[1]) Въ то время, какъ онъ пророчествовалъ

---

[1]) Шарль Андре графъ Поццо ди Борго, 1764—1842 г.г.

о грядущихъ событіяхъ, явился слуга и доложилъ о пріѣздѣ русскаго посла—графа Разумовскаго.

Мы всѣ бросились къ нему навстрѣчу и засыпали его вопросами, но выраженіе его лица не предвѣщало ничего хорошаго. Онъ былъ смущенъ, и лишь спустя нѣсколько минутъ неловкаго молчанія объявилъ, что слѣдомъ за вызвавшимъ волненіе французскимъ курьеромъ ѣдетъ маршалъ Бертье съ высокимъ порученіемъ отъ своего августѣйшаго повелителя просить руки эрцъ-герцогини Маріи-Луизы. Болѣе того, этому вчерашнему солдату, только что выскочившему въ принцы, была предоставлена высокая честь въ столь знаменательномъ событіи быть представителемъ особы Императора и короля... Это необычайное событіе явилось результатомъ тайнаго соглашенія, подписаннаго Меттернихомъ въ Парижѣ съ разрѣшенія и отъ имени императора Франца.

Принца Невшательскаго (Бертье) на границѣ встрѣтилъ одинъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ страны—принцъ Павелъ Эстергази.[1])

Эти подробности, переданныя съ лихорадочнымъ возбужденіемъ, были вполнѣ вѣрны и подѣйствовали на насъ, подобно молніи, упавшей на электрическій проводъ и превратившей въ порошокъ всѣхъ, кто тѣснился вокругъ графа Разумовскаго. Но реакція не заставила себя долго ждать. Спустя нѣсколько мгновеній нѣмого изумленія салонъ огласился невольнымъ крикомъ ужаса. и всѣ стали возмущаться неприличіемъ и низостью подобнаго союза, который отдавалъ во власть гнуснаго узурпатора первую принцессу Европы!

Раздавались проклятія и сдержанныя рыданія. Съ нѣкоторыми дамами сдѣлалась истерика, а мужчины сначала только возмущались, а затѣмъ пришли даже въ ярость.—На землѣ больше нѣтъ справедливости,—кри-

---

[1]) Князь Поль-Антуанъ Эстергази де Галанта, 1786—1866. Онъ былъ представителемъ Австріи въ качествѣ посланника послѣдовательно—въ Дрезденѣ и Лондонѣ.

чали они.—Остается только покинуть Европу и переселиться въ Америку,—возмущались женщины. Самые чувствительные утверждали, что принцесса умретъ, и подобное кощунство не совершится. Другіе высказывали предположеніе, что Наполеонъ сойдетъ съ ума отъ счастья и что небо допустило подобный скандалъ, чтобы самымъ жестокимъ образомъ поразить современнаго Навуходоносора. Среди общаго возбужденія я одна оставалась спокойна. Мнѣ пришла въ голову неожиданная мысль:

— Какъ интересно было бы теперь отправиться въ Парижъ и присутствовать при этомъ блестящемъ mesalliance!

Весь остатокъ вечера я провела, раздумывая надъ этимъ планомъ, а вернувшись домой, тотчасъ же сообщила его мужу.

Къ сожалѣнію, онъ совершенно не интересовался тѣмъ, что выходило изъ рамокъ его обычныхъ занятій и очень желалъ вернуться въ Польшу; поэтому онъ совершенно не противился высказанному мною желанію, которое въ сущности было не больше, какъ мечта, и написалъ своимъ родителямъ, которые не только поспѣшили прислать мнѣ свое согласіе на эту поѣздку, но даже поручили мнѣ устроить тамъ одно весьма важное дѣло.

На другой день послѣ описаннаго бурнаго вечера всѣ опять собрались тамъ же и въ то же время, потому что, сурово порицая предполагаемый бракъ, всѣ тѣмъ не менѣе сгорали отъ нетерпѣнія узнать малѣйшія подробности. Само собой разумѣется, что я тоже присутствовала здѣсь.

Князь Эстергази проводилъ посла во дворецъ, гдѣ, вопреки существующему обычаю и этикету, для него уже было приготовлено помѣщеніе. Чтобы придать своему пріѣзду оффиціальный характеръ, онъ долженъ быть проѣхать черезъ мостъ, наскоро построенный на развалинахъ крѣпостныхъ валовъ, которые были взорваны французами при отступленіи. Въ тотъ же день мар-

шалъ былъ принятъ императоромъ Францемъ въ частной аудіенціи и сдѣлалъ торжественное предложеніе. Вскорѣ послѣ этого, посланникъ передалъ эрцъ-герцогу Карлу собственноручное письмо императора Наполеона, который уполномочивалъ принца замѣнить его при совершеніи брачнаго обряда. Съ большимъ трудомъ достала я копію этого письма, и привожу его здѣсь:

«Любезный кузенъ!

Я считаю долгомъ принести свою благодарность вашему императорскому высочеству за то, что вы явились моимъ замѣстителемъ при моемъ бракосочетаніи съ эрцъ-герцогиней Маріей-Луизой. Ваше императорское высочество знаете, что мое давнее уваженіе къ вамъ основано на вашихъ высокихъ качествахъ и великихъ подвигахъ. Сильно желая дать вамъ въ томъ яркое доказательство, я прошу васъ принять ленту Почетнаго Легіона и крестъ того же ордена, который я самъ всегда ношу и который украшаетъ двадцать тысячъ солдатъ, отличившихся на полѣ битвы.

Первый орденъ—это дань вашему генію, какъ полководца, а второй—вашей храбрости, какъ солдата...».

Черезъ два дня совершилось подписаніе свадебнаго контракта и выдача приданаго, съ незапамятныхъ временъ предназначеннаго австрійскимъ эрцъ-герцогинямъ и составлявшаго пятьсотъ тысячъ франковъ золотомъ.

11 марта (1810 года) былъ торжественно совершенъ обрядъ вѣнчанія въ церкви Августинскаго ордена, послѣ чего слѣдовалъ императорскій банкетъ, на которомъ присутствовалъ и посолъ, хотя и вопреки этикету вѣнскаго двора, куда никто изъ иностранцевъ не допускался на семейныя торжества.

II.

Графъ де-Нарбоннъ.

Туфля Маріи-Луизы. — Графъ де-Нарбоннъ у принца де-Линь. — Менторъ. — Пріѣздъ въ Мюнхенъ. — Ванна. — Селадонъ.—Графиня уѣзжаетъ одна въ Страсбургъ.

Между тѣмъ прибылъ графъ Луи де-Нарбоннъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла съ порученіемъ сопровождать или, лучше сказать, предшествовать молодой императрицѣ, соблюдая обычный церемоніалъ, и ни въ чемъ не отступать отъ того этикета, который былъ установленъ для пріѣзда Маріи-Антуанеты.

Марія Луиза, не отличаясь красотой, славилась своей хорошенькой ножкой, и Анатоль де Монтескье,[1]) посланный курьеромъ, чтобы объявить Наполеону о состоявшемся бракосочетаніи и о днѣ выѣзда высокой новобрачной, получилъ для передачи его величеству вмѣсто портрета маленькую туфлю принцессы. Этотъ оригинальный подарокъ имѣлъ огромный успѣхъ при французскомъ дворѣ. Увѣряли даже, что Наполеонъ положилъ себѣ на сердце этотъ первый залогъ любви, увы, эфемерной.

Австрійская аристократія съ большимъ почетомъ приняла графа де Нарбонна, который своими изящными

---

[1]) Амбруазъ - Анатоль-Августинъ де Монтескье - Фезензакъ 1788—1867. Онъ служилъ поочередно сначала Наполеону, а потомъ Орлеанамъ. Анатоль де Монтескье писалъ стихи и драмы.

манерами съ успѣхомъ сглаживалъ вульгарность и грубость Бертье. Я встрѣчалась съ нимъ ежедневно въ салонѣ герцога де-Линь, гдѣ онъ основалъ, по его словамъ, свою главную квартиру.

Здѣсь, сбросивъ съ себя величіе сана чрезвычайнаго посла, онъ часто развлекалъ насъ разсказами о высокопоставленныхъ особахъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться: возмущаясь въ глубинѣ души всѣмъ происходившимъ, они часто не знали, какъ себя держать въ томъ или другомъ случаѣ, чтобы не навлечь на себя неудовольствіе за слишкомъ откровенное неодобреніе. Необычайно любезный старикъ, онъ въ молодости отличался блестящими побѣдами при французскомъ дворѣ. Послѣ революціи онъ искреннѣйшимъ образомъ примкнулъ къ императорскому правительству и даже стремился къ славѣ, хотя и не столь легковѣснаго свойства, какъ побѣда надъ женскими сердцами, но зато пріобрѣтаемой съ большимъ трудомъ.

Назначенный военнымъ министромъ при Людовикѣ XVI, онъ не сумѣлъ удержаться на этомъ высокомъ посту болѣе трехъ мѣсяцевъ. Умѣренные роялисты обвинили его въ пристрастіи къ Англіи, утверждая, что не слѣдуетъ допускать во Франціи иностраннаго вліянія. Съ другой стороны—клубы съ яростью объявили его врагомъ революціи и якобинцевъ. Онъ нашелъ пріютъ въ Швейцаріи, а отсюда не замедлилъ переправиться въ Англію, гдѣ и получилъ извѣстіе о смерти Робеспьера. Графъ былъ однимъ изъ первыхъ, привѣтствовавшихъ возвышеніе Наполеона при его возвращеніи изъ Египта.

Графъ де-Нарбоннъ былъ однимъ изъ тѣхъ богатоодаренныхъ людей, которые проходятъ чрезъ исторію, не занимая въ ней того выдающагося мѣста, которое имъ предназначено въ силу ихъ блестящихъ способностей. Замѣчательный воинъ и ловкій дипломатъ, онъ обладалъ всѣми качествами, необходимыми для того, чтобы играть замѣтную роль въ то бурное время. Слава Наполеона ослѣпила его, а удовлетворенное самолюбіе, приведенныя

въ порядокъ дѣла и заплаченные его высокимъ покровителемъ долги заставили его всецѣло предаться великому завоевателю. Я не разъ слышала, какъ онъ называлъ Наполеона не только исключительнымъ геніемъ, но и чрезвычайно умнымъ человѣкомъ. Послѣднее утвержденіе рѣзко противорѣчило отзывамъ о Наполеонѣ вѣнскихъ дамъ; мнѣ какъ-то случилось присутствовать при одномъ разговорѣ, когда дамы пытались доказать при помощи якобы неопровержимыхъ фактовъ, что чудовище было трусомъ, и скоро сдѣлается полнымъ идіотомъ вслѣдствіе припадковъ падучей болѣзни.

Вопреки всѣмъ этимъ вздорнымъ сплетнямъ и безсмысленнымъ выходкамъ, австрійскіе вельможи показали на торжествахъ по случаю обрученія Маріи-Луизы весь свой блескъ и великолѣпіе. Наполеонъ съ своей стороны не жалѣлъ милліоновъ на празднества, но все же не могъ затмить блеска австрійской наслѣдственной роскоши новѣйшимъ внѣшнимъ лоскомъ, который составлялъ вообще характерную черту новой династіи.

Снова возвращаюсь къ графу де-Нарбоннъ, игравшему нѣкоторую роль въ моихъ воспоминаніяхъ. Мой мужъ поручилъ ему проводить меня въ Парижъ къ моей теткѣ графинѣ Тышкевичъ, жившей тамъ уже много лѣтъ и все не рѣшавшейся покинуть французскую столицу. Нашъ отъѣздъ изъ Вѣны нѣсколько задержался вслѣдствіе бракосочетанія эрцъ-герцогини.

Я отправилась къ моей матери, чтобы проститься съ ней и получить ея благословеніе. Она удивилась моему неожиданному отъѣзду, но узнавъ, что я уѣзжаю съ согласія мужа и его родителей, не высказала никакого противорѣчія.

Я быстро закончила свои приготовленія къ отъѣзду, и въ назначенный день отправилась въ путь, имѣя впереди себя его свѣтлость господина чрезвычайнаго посланника, который пожелалъ самъ заказывать для меня на станціяхъ лошадей и приготовлять мѣсто для ночлега.

Мой первый дебютъ оказался блестящимъ. На слѣдующей остановкѣ мой спутникъ попросилъ у меня позволенія занять мѣсто въ моей каретѣ, а свой экипажъ послать впередъ. Я охотно согласилась, такъ какъ ѣхала одна въ огромномъ экипажѣ и мѣстъ было болѣе, чѣмъ достаточно, а графъ оказался незамѣнимымъ спутникомъ. Будучи свидѣтелемъ великой исторической драмы—революціи, онъ зналъ всѣхъ замѣчательныхъ людей той эпохи и, обладая удивительнымъ даромъ разсказчика, производилъ всегда сильное впечатлѣніе на своихъ собесѣдниковъ. Какой пріятный сюрпризъ для долгаго путешествія!

Быть можетъ, въ обыденной обстановкѣ я бы замѣтила, что остроты его вымучены, а фразы полны какой-то приторной старомодной любезностью, но во время путешествія это ускользнуло отъ моего вниманія. Онъ никогда и ничѣмъ не былъ озабоченъ и всегда находился въ прекрасномъ расположеніи духа. Необыкновенно учтивый, любезный и добрый, онъ всецѣло подпалъ подъ вліяніе своего камердинера, который разорялъ его, потворствуя его расточительности.

Такимъ образомъ мы доѣхали до Мюнхена, останавливаясь лишь для завтраковъ и обѣдовъ, которые отлично приготовлялъ поваръ графа, а сервировалъ необыкновенно изящно его камердинеръ.

Мнѣ чрезвычайно нравилось путешествовать въ такой обстановкѣ, и я совершенно не подозрѣвала о побужденіяхъ, руководившихъ моимъ спутникомъ и о той расплатѣ за любезность, которую онъ собирался мнѣ предъявить: я всецѣло приписывала поведеніе графа вліянію того изысканнаго вѣка, къ которому онъ принадлежалъ и совершенно чистосердечно предполагала, что такъ поступилъ бы на его мѣстѣ всякій французъ стараго времени.

За двѣ станціи до Мюнхена графъ отправился впередъ, чтобы позаботиться о помѣщеніи для меня, но это было не легко, такъ какъ всѣ отели были переполнены

многочисленной свитой королевы Неаполитанской, а также свитой, предназначенной состоять при молодой императрицѣ.

Я пріѣхала въ Мюнхенъ въ девять часовъ вечера. Здѣсь, у заставы, меня ожидала записка графа, съ указаніемъ остановиться въ отелѣ Принцевъ, гдѣ я нашла не только элегантное помѣщеніе, но и готовую ванну.

Только что я сѣла въ ванну, какъ маленькая дверь, скрытая зеркаломъ, тихо отворилась и къ моему ужасу въ комнату проскользнулъ кто-то и сталъ на колѣни передъ ванною. Я подняла страшный крикъ. Къ счастью, горничная, уходя, чтобы приготовить мнѣ туалетъ послѣ ванны, оставила колокольчикъ, въ который я принялась неистово звонить. Прежде чѣмъ она меня услышала, я успѣла разсмотрѣть виновника своего внезапнаго ужаса: это былъ самъ бѣдный графъ де-Нарбоннъ! Ошеломленный произведеннымъ имъ эффектомъ, онъ буквально застылъ въ своей колѣнопреклоненной позѣ; сначала мнѣ даже показалось, что онъ помѣшался и я посмотрѣла на него и съ ужасомъ, и съ сожалѣніемъ.

Онъ успѣлъ переодѣться, и я еще никогда не видѣла его одѣтымъ такъ изящно. Въ довершеніе этого необычайнаго маскарада, превратившаго шестидесятилѣтняго старца въ моднаго щеголя, онъ еще нарумянился!

Мой страхъ смѣнился неудержимымъ хохотомъ, когда старый селадонъ началъ изъяснять мнѣ свои нѣжныя чувства. Но тутъ на мой звонокъ, наконецъ, прибѣжала горничная, и бѣдный герой этого потѣшнаго приключенія, не безъ труда поднявшись съ колѣнъ, убрался совершенно сконфуженный.[1])

Теперь, разумѣется, намъ было бы чрезвычайно неудобно продолжать совмѣстное путешествіе, поэтому я позвала своего курьера и объявила ему, что я уѣзжаю

---

[1]) О Нарбоннѣ см. «Réminisences» графини Шуазель-Гуффье, которая первая упоминаетъ о легкомысліи знаменитаго дипломата.

завтра на разсвѣтѣ. Я приказала ему щедро расплатиться и ни слова не говорить о моемъ намѣреніи. Въ отелѣ всѣ еще спали глубокимъ сномъ, когда я въ своей каретѣ отправилась прямо въ Страсбургъ, гдѣ мнѣ хотѣлось посѣтить соборъ и могилу Морица Саксонскаго. Это путешествіе, интересное само по себѣ, занимало меня еще и потому, что я въ первый разъ выѣхала изъ Польши и до сихъ поръ всѣ мои путешествія ограничивались лишь Вѣною, куда я ѣздила повидаться съ матушкой.

III.

Торжественный въѣздъ въ Парижъ.

Графиня Тышкевичъ.—Неудачи церемоніала.—Шутки парижанъ.—Торжественный кортежъ.—Внѣшность Маріи-Луизы.—Шутка Наполеона.—Гвардія.—Пажи.—Впечатлѣнія толпы.—Знакомство съ m-me Суза.

Моя тетка [1]) наняла для меня квартиру на площади Людовика XV, въ прекрасномъ зданіи, которое называлось Garde-Meuble. Тамъ помѣщался тогда меблированный домъ, куда я прямо и направилась.

На другой же день послѣ моего прибытія графиня Тышкевичъ навѣстила меня. Чрезвычайно заинтересованная текущими событіями, она хотѣла скорѣе узнать вѣнскія новости.

Когда я удовлетворила ея любопытство, она замѣтила:

— Наполеонъ самъ удивляется своему величію.

Хотя она и не любила императора, но все же боялась его и потому выражала свое неодобреніе тайно.

— Подумать только—какое счастье этому человѣку! Ничто не можетъ передъ нимъ устоять! Перевернувъ вверхъ дномъ весь міръ, побѣдивъ Австрію, взорвавъ крѣпостные валы города, онъ довелъ несчастнаго монарха

---

[1]) Марія-Терезія Понятовская, графиня Винцента Тышкевичъ, сестра князя Іосифа Понятовскаго, родилась въ 1765 году, умерла въ 1834 г. Погребена въ имѣніи Талейрана Валенсей.

до такой степени униженія, что тотъ отдалъ ему свою дочь, умоляя о мирѣ!

Моя тетка, которая втайнѣ поддерживала сношенія съ Сенъ-Жерменскимъ предмѣстьемъ, куда ее ввелъ Талейранъ, знала въ то же время все, что происходило въ Тюйльери отъ того же Талейрана. Она разсказывала, что императоръ сначала былъ ослѣпленъ блескомъ своего брака, но необъяснимое поведеніе Маріи-Луизы быстро разсѣяло это очарованіе и уже черезъ два дня изысканная вѣжливость Наполеона смѣнилась привычнымъ повелительнымъ обращеніемъ великаго человѣка, оправдываемымъ въ данномъ случаѣ примѣромъ Генриха IV. Онъ отправился навстрѣчу къ своей юной невѣстѣ и остановился въ Компьенѣ. Здѣсь Наполеонъ, вообразившій, что австрійская принцесса будетъ держать его на почтительномъ разстояніи отъ себя, былъ сразу разочарованъ ея неумѣстной уступчивостью, и не только онъ, но и тѣ, кому нравилось видѣть въ ней жертву, принесенную для спокойствія Европы.

Компьенскій пріемъ занималъ парижанъ по крайней мѣрѣ въ продолженіи недѣли. Всѣ критиковали безъ конца азіатскую роскошь, съ которой императоръ украсилъ замокъ.

Уборная была задрапирована великолѣпнѣйшими индійскими шалями. Злые языки увѣряли, что лучшимъ украшеніемъ комнаты были шали, принадлежавшія раньше Жозефинѣ, но впослѣдствіи было доказано, что Наполеонъ даже не прикоснулся къ подаркамъ, сдѣланнымъ имъ своей первой женѣ.

Разобравъ по косточкамъ всѣ подробности компьенскаго пріема, парижане стали шептаться о возможныхъ его результатахъ. Прошло меньше двухъ часовъ, а Парижъ уже составилъ себѣ опредѣленное мнѣніе о молодой государынѣ, и я была не мало удивлена, услыхавъ въ салонахъ и шутки дурного тона, и двусмысленныя словечки по ея адресу. Такъ какъ наступала Святая недѣля, то, не стѣсняясь, утверждали,

что будущая императрица хотѣла въѣхать въ Парижъ en sainte.[1]) Этотъ грубый каламбуръ имѣлъ необычайный успѣхъ: французы, весьма разборчивые въ оцѣнкѣ истиннаго ума, очень снисходительны ко всякимъ остротамъ и шуткамъ.

Приближались брачныя торжества и слѣдовавшія за ними празднества,—и общее вниманіе было отвлечено въ другую сторону.

Мнѣ предстояло сдѣлать выборъ изъ двухъ одинаково интересныхъ зрѣлищъ: или видѣть торжественный въѣздъ августѣйшей четы среди огромнаго стеченія народа въ Елисейскихъ поляхъ, или облечь себя съ ранняго утра въ парадный туалетъ и находиться въ Тюйльерійской часовнѣ, куда меня хотѣла провести моя тетка. Я рѣшила видѣть первое зрѣлище, тѣмъ болѣе, что не будучи еще представленной ко двору, мнѣ казалось неудобнымъ хлопотать о билетѣ, чтобы заранѣе захватить мѣсто въ часовнѣ.

Изъ окна своей комнаты я видѣла императорскій кортежъ.[2]) Императоръ—въ испанскомъ костюмѣ—въ томъ самомъ, въ которомъ онъ уже былъ на коронаціи—ѣхалъ въ золотой каретѣ съ зеркальными стеклами, запряженной восьмеркой андалузскихъ лошадей рѣдкой красоты. Ихъ свѣтло-золотистая масть представляла изъ себя прекрасное сочетаніе съ зеленой роскошной упряжью, затканной золотомъ и шелкомъ. Лошади выступали шагомъ; онѣ, казалось, гордились той ролью, которая выпала на ихъ долю.

Марія-Луиза, вся покрытая брилліантами Голконды, сидѣла съ правой стороны отъ императора, который разсѣянно ее слушалъ, но озабоченно и внимательно слѣ-

---

[1]) Игра словъ: en Sainte—на Святой, enceinte—беременная: при одинаковомъ произношеніи—различный смыслъ. (*Прим. перев.*)

[2]) Гражданскій бракъ былъ заключенъ въ Сенъ-Клу въ воскресенье, 1-го апрѣля, а церковный обрядъ—на слѣдующій день въ тюйльерійской часовнѣ.

дилъ за впечатлѣніемъ, которое производилъ на толпу его торжественный въѣздъ. Онъ разсѣянно слушалъ, что ему говорила его молодая жена. Ея австрійская манера кланяться не мало портила ея и безъ того не особенно привлекательное лицо. Французы, избалованные граціей Жозефины и вообще недовольные этимъ бракомъ, были холодны и равнодушны, не проявляя ни малѣйшаго энтузіазма и восторга. Говорили, будто Наполеонъ, войдя въ свой кабинетъ, воскликнулъ:

— Я такъ избаловалъ парижанъ всѣмъ неожиданнымъ и невозможнымъ, что если бы я женился на Мадоннѣ, ихъ ничуть не удивило бы это!

Было бы чрезвычайно трудно и утомительно называть всѣхъ генераловъ и маршаловъ, которые въ полной парадной формѣ ѣхали верхомъ впереди и сзади императорской кареты. Не менѣе трудно перечислить всѣхъ королей и королевъ, присутствовавшихъ на этомъ великолѣпномъ зрѣлищѣ.

Блестящіе экипажи, многочисленная свита, богатство и разнообразіе нарядовъ, красота женщинъ, блескъ брилліантовъ—все это было ослѣпительно, но по-моему, ничто не могло сравниться со старой, выстроившейся шпалерами, императорской гвардіей, покрывшей себя славой на поляхъ битвъ, гдѣ, видя впереди себя волшебный сѣрый сюртукъ, она не разъ рѣшала побѣду,—лишь она одна восторженно привѣтствовала своего обожаемаго вождя, который предсталъ теперь передъ нею во всемъ блескѣ своего могущества.

Вокругъ императорской кареты, на подножкахъ, помѣщались богато-одѣтые пажи, едва вышедшіе изъ дѣтскаго возраста. Они были похожи на бабочекъ, готовыхъ вспорхнуть и улетѣть и придавали тяжелому экипажу поэтическій оттѣнокъ.

Когда рѣшетка Тюйльерійскаго сада, отворявшаяся лишь одинъ разъ въ годъ, а именно—при выѣздѣ императора въ законодательный корпусъ, закрылась за императорскимъ кортежомъ, никому изъ насъ и въ голову

не пришло, что она болѣе не откроется для торжествъ. Увы! кончились счастливые дни. Надвигалась гроза...

Иллюминація и фейерверки продолжались до глубокой ночи. Фонтанами било вино, въ толпу пригоршнями бросали золото и медали,—все было роскошно и великолѣпно, но не было ни искренней радости, ни веселья.

Одни—ихъ было большинство—сожалѣли о Жозефинѣ, которая своей рѣдкой добротой и любезнымъ обращеніемъ пріобрѣла любовь націи, другіе считали пріѣздъ австрійской принцессы дурнымъ предзнаменованіемъ, но почти всѣ, утомленные войнами, тріумфами и побѣдами, заранѣе рѣшили быть недовольными всѣмъ, и такъ какъ желать уже больше было дѣйствительно нечего, то общее недовольство сосредоточилось на безпрерывной рекрутчинѣ; отсюда понятно, что лишь одно холодное любопытство руководило толпой, присутствовавшей при этомъ блестящемъ празднествѣ.

Всякій, кто пишетъ свои воспоминанія, говоря о самомъ себѣ, всегда испытываетъ нѣкотораго рода стѣсненіе,—вотъ почему я еще не упоминала о свиданіи съ г. де Ф... Послѣ неоднократныхъ безплодныхъ попытокъ узнать о днѣ моего пріема у швейцара, онъ ворвался силой и совершенно неожиданно появился въ моемъ салонѣ. Встрѣтивъ на лѣстницѣ выходившаго отъ меня герцога де Дальбергъ, онъ счелъ себя въ правѣ войти ко мнѣ.

Признаюсь, что его появленіе меня смутило. Разговаривая о томъ, что мнѣ надо было сдѣлать и осмотрѣть въ Парижѣ, онъ предложилъ мнѣ свои услуги, причемъ замѣтилъ, что его мать желаетъ со мной познакомиться и поблагодарить меня за тотъ радушный пріемъ, который былъ оказанъ родителями моего мужа ея сыну во время пребыванія французовъ въ Варшавѣ.[1])

---

[1]) Графомъ и графиней Потоцкими.—Графъ Станиславъ Потоцкій въ 1807 году занималъ должность президента Совѣта министровъ. См. дальше.

Онъ попросилъ у меня позволенія явиться на другой день утромъ вмѣстѣ съ матерью. Я съ готовностью согласилась на это предложеніе, тѣмъ болѣе, что я жаждала увидѣть особу, восхитительные романы и письма которой меня буквально очаровали.

Нечего говорить о томъ, что я сдѣлала все, что было въ моихъ силахъ, чтобы показаться ей интересной,—но я скоро замѣтила, что всѣ мои старанія пропали даромъ: m-me де Суза была занята исключительно собой. Она тщательно отдѣлывала свои фразы и въ ея разговорѣ проскальзывали иногда удачныя и остроумныя словечки, которыя, повидимому, были приготовлены заранѣе. Ея манера вести бесѣду не отличалась ни очарованіемъ, ни увлеченіемъ, и читать ея произведенія было гораздо занимательнѣе, чѣмъ вести съ ней разговоръ. При всемъ томъ я была непріятно удивлена, замѣтивъ, что она съ перваго же раза старается внести какую-то интимность въ отношенія между нами тремя. Она такъ гордилась своимъ сыномъ! Это чувство было въ ней простительно, но она говорила о его предполагаемыхъ успѣхахъ съ такой непріятной самоувѣренностью, что даже онъ былъ смущенъ и все время дѣлалъ тщетныя попытки придать разговору болѣе серьезный и подходящій тонъ. Эта бьющая черезъ край самоувѣренность произвела на меня очень непріятное впечатлѣніе и поэтому я держала себя со своей гостьей хотя и вѣжливо, но холодно,—и мы разстались, весьма недовольныя другъ другомъ.

IV.

Дворъ.

Императоръ.—Марія-Луиза.—Странный видъ двора.—Элиза.—Полина Боргезе.—Королева Неаполитанская.—Княгиня Талейранъ.—Салонъ графини Тышкевичъ.

Какъ только императрица водворилась въ Тюйльери, начались представленія ко двору. Въ качествѣ иностранки я должна была представиться не только императору и императрицѣ, но также всѣмъ королевамъ и принцессамъ императорской фамиліи. Каждая изъ нихъ имѣла свой пріемный день; поэтому приходилось каждое утро проводить въ длинныхъ и утомительныхъ сборахъ и терять лучшіе часы дня, надѣвая и снимая придворное платье. По вечерамъ всѣ отдыхали въ театрѣ.

Императоръ принималъ около полудня въ своемъ кабинетѣ.

Пріемъ начинался тремя реверансами, послѣ чего называли имя дамы. Императоръ стоялъ, опираясь на свой письменный столъ, и, если вы были молоды и красивы, окидывалъ васъ милостивымъ взглядомъ. Послѣ трехъ реверансовъ слѣдовала самая трудная часть церемоніи: надо было, уходя изъ кабинета, сдѣлать опять три реверанса, но не поворачиваясь, а пятясь къ двери, что было весьма нелегко въ виду безмѣрно-длиннаго придворнаго шлейфа, который надо было откидывать незамѣтнымъ движеніемъ ноги, причемъ въ этомъ движеніи невольно

проявлялись грація и изящество дамы. Я постигла эту премудрость не болѣе какъ въ три урока.

Императоръ принялъ меня съ необыкновенной любезностью, благодаря чему я быстро оправилась отъ смущенія. Онъ разспрашивалъ меня о всѣхъ моихъ родственникахъ, главнымъ образомъ—о моемъ дядѣ—князѣ Понятовскомъ.

Несмотря на все вниманіе, съ которымъ я относилась къ каждому его слову, я не могла не бросить восхищеннаго взгляда на великолѣпную картину Гверчино «Сивилла», висѣвшую надъ письменнымъ столомъ. Будучи взята изъ Капитолія, она—увы—опять была туда возвращена.

Наполеонъ, отъ котораго ничто не ускользало, тотчасъ же замѣтилъ мой взглядъ и, улыбаясь, сказалъ, что, если я люблю искусство, то мнѣ надо познакомиться съ г. Денономъ и вмѣстѣ съ нимъ посѣтить музей.

— Но прежде всего,—замѣтилъ онъ,—я надѣюсь, что вы приготовитесь къ празднествамъ, которыя скоро начнутся, и не пропустите ни одного.

Послѣ этихъ словъ онъ поклономъ отпустилъ меня. Выйдя изъ кабинета императора, я прошла въ пріемный залъ императрицы, гдѣ уже собралось большое общество. Она вышла изъ своихъ аппартаментовъ въ сопровожденіи многочисленнаго и блестящаго двора. Одѣта она была съ большимъ вкусомъ, что значительно скрадывало ея безобразіе, но выраженіе лица оставалось прежнимъ: ни любезная улыбка, ни быстрый взглядъ не оживляли это деревянное лицо. Она обошла всѣхъ присутствующихъ, напоминая своими движеніями механическихъ заводныхъ куколъ съ ихъ негнущейся тонкой таліей и выпуклыми, блѣдно-голубыми, фарфоровыми, неподвижными глазами.

Императоръ шелъ рядомъ съ ней и шопотомъ подсказывалъ ей, что̀ сказать тѣмъ дамамъ, которыхъ онъ хотѣлъ отличить. Когда очередь дошла до меня и дежурная дама представила меня императрицѣ, я отлично разслышала слова, которыя прошепталъ Наполеонъ: полна

граціи. Императрица повторила эти слова такимъ сухимъ тономъ и съ такимъ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, что это не доставило мнѣ никакого удовольствія.

Дворъ, полный великолѣпія издали, при ближайшемъ знакомствѣ сильно проигрывалъ. Въ немъ замѣчалась какая-то неурядица и дисгармонія, лишавшія его того величественнаго и блестящаго вида, который всякій вправѣ былъ отъ него ожидать. Рядомъ съ самыми элегантными и богато-одѣтыми дамами стояли жены маршаловъ, не привыкшія носить придворныя платья. Почти то же самое можно было сказать и объ ихъ мужьяхъ: ихъ шитые золотомъ мундиры, такіе блестящіе и роскошные на военныхъ смотрахъ и на поляхъ битвъ, здѣсь, при дворѣ, представляли непріятный контрастъ съ ихъ грубыми манерами. Между ними и представителями старой аристократіи, которые уже присоединились къ новому правительству, существовало рѣзкое противорѣчіе. Казалось, что присутствуешь на репетиціи, гдѣ актеры заняты примѣркою костюмовъ и повтореніемъ ролей. Эта странная неразбериха могла бы возбуждать смѣхъ, если бы главное дѣйствующее лицо ея не внушало того уваженія и страха, которые заставляли откинуть всякую мысль о смѣхѣ.

Сестры Наполеона совершенно не походили другъ на друга.

Элиза, великая герцогиня Тосканская, напоминала брата чертами своего лица, но выраженіе его было гораздо суровѣе. Говорили, что у нея недюжинный умъ и сильный характеръ, но я ни разу не слышала, чтобы кто-нибудь разсказывалъ о ея выдающемся поступкѣ или остроумномъ выраженіи. Великіе люди всегда окружены эхомъ, готовымъ повторить все, что исходитъ отъ нихъ замѣчательнаго, а молчаніе есть своего рода отрицаніе,—поэтому я осталась къ ней совершенно равнодушна.

Принцесса Полина Боргезе представляла собой типъ той классической красоты, которую мы видимъ въ греческихъ статуяхъ. Несмотря на разрушительное дѣйствіе

времени, вечеромъ, при помощи нѣкотораго искусства, она еще умѣла очаровывать, и ни одна женщина не осмѣлилась бы оспаривать у нея яблоко, которое присудилъ ей Канова за красоту, какъ ходили слухи, послѣ тщательнаго осмотра ея прелестей безъ покрывала.

Самыя тонкія и правильныя черты лица соединялись въ ней съ удивительными формами, которыми слишкомъ многіе имѣли случай восхищаться. Благодаря ея прелестямъ, никто не обращалъ вниманія на ея умъ, и ея любовныя приключенія служили темой для безконечныхъ разговоровъ.

Самая младшая изъ трехъ сестеръ—Каролина, королева Неаполитанская, далеко не отличалась классической красотой своей сестры, но она обладала гораздо болѣе подвижнымъ личикомъ, ослѣпительнымъ цвѣтомъ лица блондинки, безукоризненной фигурой и руками, и не будучи знатнаго происхожденія, тѣмъ не менѣе отличалась царственной осанкой. Глядя на нее, можно было сказать, что она родилась уже совершенно готовой занять предназначенное ей судьбой мѣсто. Что же касается ея ума, то достаточно привести слова Талейрана, который говорилъ, что ея головка хорошенькой женщины покоилась на плечахъ государственнаго мужа.

Ничего не было удивительнаго въ томъ, что императоръ остановилъ на ней свой выборъ для встрѣчи своей невѣсты. Но вслѣдствіе огромной разницы, существовавшей между Маріей-Луизой и Каролиной, онѣ никогда не могли ни понять, ни полюбить другъ друга.

Гортензіи, королевы голландской, и ея belle-soeur—жены вице-короля итальянскаго, не было тогда здѣсь: онѣ уѣхали спустя нѣсколько дней послѣ моего прибытія въ Парижъ. Теперь, наконецъ, я могла отдохнуть.

Моя тетка,[1]) воспользовавшись тѣмъ, что я теперь была свободна, повезла меня къ Талейрану, вѣрной рабой котораго она состояла около четверти вѣка. Задержанный

---

[1] Графиня Винцента Тышкевичъ.

при дворѣ по обязанностямъ службы, Талейранъ не могъ самъ встрѣтить насъ и приказалъ извиниться передъ нами; это было вполнѣ естественно и никто не подумалъ обидѣться, но намъ показалось очень страннымъ, когда, войдя въ салонъ, мы никого, кромѣ придворной дамы принцессы, тамъ не встрѣтили, причемъ она заявила намъ, что ея высочество, соблазнившись солнечнымъ днемъ, только что отправилась проѣхаться по Булонскому лѣсу. Гости прибывали другъ за другомъ,—и такимъ образомъ, всѣ мы, предупрежденныя дамой, принимавшей гостей въ отсутствіи хозяйки дома, должны были ожидать ее болѣе часу.

По возвращеніи она даже не сочла нужнымъ извиниться и какъ бы боясь излишней вѣжливостью уронить свое достоинство, вошла съ величественнымъ видомъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, стала разговаривать о погодѣ, какъ будто наше ожиданіе было вполнѣ естественно. Впослѣдствіи я избѣгала встрѣчаться съ госпожей Талейранъ,—дерзкія принцессы не въ моемъ вкусѣ, особенно, когда онѣ притомъ еще выскочки. А госпожа Талейранъ, которую весь Парижъ зналъ подъ именемъ madame Grand, представляла изъ себя полное ничтожество, которое не могло скрыть даже ея высокое положеніе. Ея глупыя выраженія были притчей во языцѣхъ такъ же, какъ и остроумныя словечки ея мужа.

Въ это время ей было по крайней мѣрѣ шестьдесятъ лѣтъ, тѣмъ не менѣе находились льстецы, увѣрявшіе ее, что она прелестна, поэтому она носила прически, украшенныя цвѣтами.

Когда Талейранъ садился играть въ карты, или его не было дома, въ салонѣ царила смертельная скука,—рѣдко гдѣ-либо еще я испытывала такую скуку. Однако, большинство гостей, посѣщавшихъ обыкновенно этотъ домъ, были люди умные. Но принцесса присоединяла къ своей глупости еще претензію на величіе и стремленіе къ поддержанію этикета, что уже было окончательно невыносимо. Поэтому, всѣ, кто былъ независимъ и не имѣлъ

съ принцемъ никакихъ дѣловыхъ сношеній, посѣщали его лишь въ томъ случаѣ, когда были увѣрены, что онъ дома одинъ. Почти каждую недѣлю общество Талейрана собиралось у моей тетки, гдѣ мнѣ не было веселѣе. Она приглашала къ себѣ по-очереди то знатныхъ соотечественниковъ, то иностранцевъ. Ея домъ былъ въ Парижѣ въ большой модѣ.

Трудно выразить, какъ непріятно я была поражена, когда увидѣла, что все развлеченіе въ ея салонѣ сводилось къ игрѣ въ карты, причемъ игра велась на баснословно-крупныя суммы. Банкъ держали какіе-то неизвѣстные люди, съ которыми никто не заговаривалъ, а они раскладывали свои богатства, чтобы соблазнять посѣтителей. Казалось, къ нимъ боялись прикоснуться, обращались съ ними, какъ съ паріями, не спуская подозрительныхъ взглядовъ съ ихъ рукъ. Вся эта картина производила впечатлѣніе чего-то унизительнаго и въ то же время дьявольскаго. Здѣсь царила исключительно любовь къ наживѣ.

Все здѣсь мнѣ было противно: и напряженныя, угрюмыя лица игроковъ, и застывшія позы, и банкометы, и тишина, царившая въ салонѣ,—гдѣ часто въ одну ночь проигрывалось состояніе цѣлой семьи. Я не могла удержаться, чтобы не высказать своего удивленія,—даже наивнаго негодованія по поводу всего видѣннаго мною, но тетка холодно отвѣчала мнѣ, что сразу видно, что я пріѣхала издалека,[1]) что подобныя развлеченія приняты повсюду и что п р и н ц ъ послѣ тяжелыхъ трудовъ, развлекается у н е я такъ, какъ его высокое положеніе запрещаетъ ему развлекаться у себя дома.

За этимъ противнымъ зеленымъ столомъ я впервые встрѣтила старую герцогиню де-Люинь.[2]) Напоминая по внѣшности жандарма, одѣтая необычайно вульгарно, она

---

[1]) Графиня пріѣхала изъ Варшавы и Вѣны.

[2]) Гвидо-Елизавета-Жозефъ де Лаваль-Монморанси, герцогиня де Люинь, родилась въ 1755 г.

играла съ бѣшеной страстью, громко кричала, хохотала во все горло, возражала съ необыкновенной грубостью,— и все это приписывалось ея оригинальности,—даже было принято восторгаться благородствомъ, твердостью ея характера и стойкостью ея убѣжденій. Что касается меня, то я никогда не могла привыкнуть къ ея мужской внѣшности и тону гвардейскаго солдата.

О, мой милый салонъ принца де-Линь, сколько разъ я вспоминала здѣсь тебя! Тамъ снопы свѣта не заливали скромнаго маленькаго салона; незатѣйливый ужинъ не могъ сравниться съ роскошными, но скучными пирами этихъ сибаритовъ, но сколько остроумія, милой и простодушной веселости царило за скудной трапезой этого отшельника!

V.

Празднества.

Праздникъ въ Нельи у принцессы Боргезе.—Замокъ Шенбруннъ.—Волненіе Маріи-Луизы.—Балъ у австрійскаго посланника.

Принцесса Полина первая устроила праздникъ въ честь новобрачныхъ.

Былъ май.

Нельи, гдѣ она жила, казалось, покрылся короной изъ цвѣтовъ, чтобы достойнымъ образомъ принять всю эту блестящую толпу, собравшуюся сюда для торжествъ со всѣхъ концовъ земного шара.

Экипажи должны были останавливаться передъ зрительной залой, устроенной какъ бы по мановенію волшебнаго жезла. Легкія воздушныя галлереи, ступеньки изъ газона, украшенныя цвѣточными гирляндами съ порхающими по нимъ хорошенькими женщинами, звѣздное небо,—вся эта фантастическая картина своей поэтичностью заставляла вспоминать сады Армиды.

Молодая императрица, вообще никогда ничѣмъ не восторгавшаяся, войдя въ залъ, гдѣ ее ожидали собравшіеся, не могла удержаться отъ легкаго восклицанія, а императоръ нѣжно благодарилъ сестру и выразилъ свое восхищеніе и удовольствіе. Лучшіе артисты Французскаго театра сыграли пьесу, которую никто не слушалъ, а знаменитѣйшіе танцовщики исполнили балетъ, который

Императрица Марія Луиза.

Императрица Жозефина.

никто не смотрѣлъ: казалось, нужны были золотыя арфы и небесная музыка, чтобы обратить на себя вниманіе столь блестящаго общества!

По окончаніи спектакля Полина взяла подъ руку свою невѣстку, и весь императорскій кортежъ въ сопровожденіи приглашенныхъ направился къ бальной залѣ черезъ весь паркъ, освѣщенный тысячами лампіоновъ, скрытыхъ въ изгороди изъ цвѣтовъ, ароматъ которыхъ наполнялъ воздухъ.

Разсыпанные по всему парку оркестры, изображая горное эхо, одинъ за другимъ исполняли прелестныя пьесы и ихъ чудная мелодія производила необычайный эффектъ.

Пока мы шли по парку, восхитительныя зрѣлища смѣнялись одно другимъ. Предъ нами открывался то изящный храмъ, гдѣ Амуръ, застигнутый Граціями, пробуждался отъ сна, то суровое убѣжище отшельника, гдѣ вернувшіеся изъ Палестины пилигриммы просили пріюта. Отшельникъ открывалъ маленькую рѣшетчатую дверцу сельской часовни и начиналось пѣніе. Всѣ самые талантливые артисты принимали участіе въ этомъ празднествѣ: роли Грацій исполнялись оперными артистками, а пилигриммовъ—учениками консерваторіи.

И пѣніе, и танцы восхваляли добродѣтели государыни и выражали радость по поводу ея пріѣзда. Амуръ поднесъ ей вѣнокъ изъ розъ, похищенный у Грацій, а трубадуры исполнили романсы, полные всевозможныхъ пожеланій и похвалъ.

Незамѣтно дорожка сузилась, въ густомъ кустарникѣ наступила темнота, чудныя мелодіи замерли и волшебница, создавшая всѣ эти чудеса, сильно раздосадованная, заявила, что она заблудилась и принуждена вести насъ узкими тропинками.

Мы прошли черезъ висячій мостъ, подъ которымъ вода падала каскадомъ и была такъ освѣщена, что казалось огненной.

Среди общаго молчанія слышенъ былъ только голосъ императора, который, повѣривъ сестрѣ, что она заблуди-

лась, началъ жаловаться на темноту. Вдругъ, свернувъ съ узкой тропинки, мы очутились совершенно неожиданно на лужайкѣ, залитой такимъ яркимъ свѣтомъ, что, казалось, онъ исходилъ отъ солнца.

Въ концѣ лужайки возвышался Шенбруннскій замокъ съ его обширнымъ дворомъ, фонтанами, портиками и, чего не доставало въ дѣйствительности роскошной королевской резиденціи,—здѣсь все было полно кипучей жизнью и движеніемъ. Казалось, шли приготовленія къ торжеству: мчавшіеся экипажи, толпы гуляющихъ, скромныя молочницы въ своихъ традиціонныхъ чепчикахъ, торопливо-снующіе лакеи въ придворныхъ ливреяхъ, группы тирольцевъ, которые, танцуя свой національный вальсъ, распѣвали пѣсенки подъ звуки рожковъ.

Обширный замокъ былъ воспроизведенъ съ такимъ необычайнымъ искусствомъ, эффекты свѣта и тѣни расположены такъ умѣло, что все это невольно вводило въ заблужденіе и производило впечатлѣніе чего-то чарующаго, волшебнаго, и кто, какъ я, хорошо зналъ Шенбруннъ, тотъ безъ колебанія могъ вообразить себя стоящимъ передъ императорскимъ замкомъ.

Потомъ придворные увѣряли, что при видѣ своего родного замка, императрица залилась слезами. Было бы такъ естественно, если бы воспоминанія дѣтства вызвали у нея слезы, но на самомъ дѣлѣ—ничего подобнаго не было, и я утверждаю, что если даже она и была растрогана, то это чувство улетучилось такъ быстро, что я не замѣтила ни малѣйшихъ слѣдовъ волненія на ея холодномъ и неподвижномъ лицѣ. Что же касается императора, то онъ нѣсколько разъ благодарилъ сестру за ея заботы о праздникѣ, самомъ удачномъ изъ всѣхъ, которые были даны въ честь Маріи-Луизы.

Князь Шварценбергъ, посланникъ австрійскій, согласился уступить первенство только невѣсткѣ молодой императрицы, и вслѣдъ за праздникомъ въ Нельи, далъ балъ, закончившійся ужасной катастрофой и сдѣлавшійся поэтому историческимъ.

Помѣщеніе посольства было недостаточно вмѣстительно для двухъ тысячъ приглашенныхъ, и поэтому среди сада построили огромную бальную залу, сообщавшуюся съ главными аппартаментами изящной галлереей. И зала, и галлерея были построены изъ досокъ и покрыты просмоленнымъ холстомъ, а внутри красиво задрапированы розовымъ атласомъ и серебрянымъ газомъ.

Въ тотъ моментъ, когда начался пожаръ, я была въ галлереѣ и весьма возможно, что своимъ спасеніемъ я обязана одному случаю, который въ началѣ меня очень разсердилъ.

На мнѣ было тюлевое гладкое платье, украшенное на подолѣ букетомъ бѣлой сирени, соединявшейся съ поясомъ цѣпью скрѣпленныхъ между собой брилліантовыхъ лиръ. Во время танцевъ эта цѣпь разстегивалась, и поэтому графиня Бриньоль, сопровождавшая меня на этотъ балъ, зная, что я должна сейчасъ вальсировать съ вице-королемъ, увела меня въ галлерею, чтобы помочь мнѣ снять злополучную цѣпь. Въ то время, какъ она любезно помогала мнѣ снять цѣпь, я одна изъ первыхъ замѣтила легкій дымокъ отъ загорѣвшейся кисейной драпировки надъ зажженнымъ канделябромъ, и поспѣшила указать на грозившую опасность окружавшимъ меня молодымъ людямъ.

Тотчасъ же одинъ изъ нихъ вскочилъ на скамейку и, желая предупредить несчастіе, сильно рванулъ драпировку, которая, быстро опустившись на люстру, вспыхнула, и пламя тотчасъ же перекинулось на просмоленный холстъ, замѣнявшій потолокъ. Къ счастью для меня, госпожа де-Бриньоль не растерялась и, схвативъ меня за руку, побѣжала черезъ всѣ залы, бросилась внизъ по лѣстницѣ и только тогда перевела духъ, когда, пробѣжавъ черезъ улицу, достигла дома госпожи Реньо, находившагося противъ посольства. Здѣсь обезсиленная она упала въ кресло, молча указавъ мнѣ на балконъ, чтобы я посмотрѣла, что происходитъ напротивъ. Я совсѣмъ не понимала причины ея внезапнаго страха и охотно про-

должала бы танцовать: настолько мнѣ казалось невозможнымъ какое бы то ни было серьезное несчастіе тамъ, гдѣ находился императоръ.

Вскорѣ клубы дыма заволокли бальную залу и галлерею, которую мы только что покинули. Музыки уже больше не было слышно, торжество праздника внезапно смѣнилось ужаснымъ хаосомъ криковъ и стоновъ. Вѣтеръ доносилъ до насъ отдѣльныя слова и вопли отчаянія—всѣ кричали, звали, искали другъ друга, желая убѣдиться въ томъ, что близкіе люди спаслись, избѣжавъ опасности.

Въ числѣ прочихъ жертвъ была княгиня Шварценбергъ, невѣстка посланника, которая, не видя дочери около себя, бросилась въ пламя и была убита обрушившейся на нее люстрой, а въ это время—увы—ея дочь, избѣжавъ опасности, кричала и звала ее.

Принцессу Лейенъ постигла та же участь, но она прожила еще нѣсколько дней. Ея дочь была обручена съ какимъ-то германскимъ княземъ, и принцесса имѣла мужество потребовать, чтобы бракъ былъ совершенъ теперь же у ея печальнаго ложа.

Погибло множество лицъ, имена которыхъ никто не зналъ, такъ какъ большинство ихъ было иностранцы и провинціалы, заплатившіе жизнью за минутное удовольствіе. Мошенники, воспользовавшись всеобщимъ замѣшательствомъ, перелѣзли черезъ стѣну, отдѣлявшую садъ отъ улицы и спокойно срывали съ женщинъ ихъ драгоцѣнности.

Черезъ нѣсколько минутъ гостиная госпожи Реньо-де-Сенъ-Жанъ д'Анжели наполнилась ранеными. Странный, но въ то же время и страшный видъ имѣли эти стонущія дамы въ цвѣтахъ и бальныхъ платьяхъ.

Большую часть ночи мы провели, утѣшая и ухаживая, какъ умѣли, за ранеными. На разсвѣтѣ мы собрались домой, но оказалось, что наши слуги и экипажи исчезли, и тѣ, кто могъ ходить, принуждены были отправиться пѣшкомъ въ бальныхъ туалетахъ и атласныхъ туфляхъ. Такъ какъ было раннее утро, то улицы были

полны огородниками со своими телѣжками; они, вѣроятно, приняли насъ за сумасшедшихъ и осыпали грубыми насмѣшками.

Какъ ни легкомысленны парижане, но эта катастрофа произвела на нихъ сильное и глубокое впечатлѣніе и дала поводъ къ многочисленнымъ пересудамъ. Многіе приписывали ее политическимъ кознямъ. Послѣдніе, особенно усердные приближенные,—уговаривали императора удалиться, пока толпа не запрудила всѣ выходы, стараясь при этомъ заронить въ него гнусное подозрѣніе, но Наполеонъ, всегда спокойный въ опасности, не обратилъ никакого вниманія на эти пошлыя инсинуаціи: проводивъ императрицу до экипажа, онъ вернулся въ посольство и сказалъ князю Шварценбергу, что пришелъ помогать тушить пожаръ.

Эти слова произвели громадный эффектъ. Австрійцы, полные восхищенія и признательности, во главѣ со своимъ посломъ окружили императора, и эта живая стѣна сердецъ, настроенныхъ дотолѣ болѣе или менѣе враждебно, представляла изъ себя въ этотъ моментъ не менѣе крѣпкій и надежный оплотъ, чѣмъ отрядъ его старой гвардіи.

VI.

Салоны.

У Денона. — Нога мумiи. — Салонъ виконтессы де-Лаваль. — Обѣдъ у Талейрана. — Герцогъ де-Лаваль. — Петрарка и Лаура. — Даву въ Савиньи. — Куропатки маршала. — Графъ де-Ф... — Завтракъ у г-жи де-Суза. — Лабедуаеръ. — Герцогиня Курляндская. — Талейранъ и его сераль.

Однажды пустившись въ свѣтъ, я была всецѣло поглощена свѣтскими удовольствiями и лишь по утрамъ находила иногда свободную минуту, чтобы посѣтить музеи и ателье художниковъ. Въ это время я познакомилась съ господиномъ Денономъ, который обладалъ большимъ вкусомъ, былъ всегда очаровательно веселъ и необычайно услужливъ. Онъ вызвался сопровождать меня въ Луврь, гдѣ въ то время находились захваченныя французами въ Италiи знаменитыя художественныя произведенiя.

Спустя нѣсколько дней любезный директоръ пригласилъ меня къ себѣ завтракать, чтобы показать свой собственный музей, состоявшiй изъ массы драгоцѣнныхъ вещей, собранныхъ имъ въ разныхъ странахъ и въ особенности въ Египтѣ. Онъ съ любовью обратилъ мое вниманiе на маленькую, хорошо сохранившуюся ножку мумiи—такую изящную, грацiозную, что невольно являлась соблазнительная мысль похитить ее и сдѣлать изъ нея прессъ-папье.

— Посмотрите,—сказалъ г. Денонъ,—вотъ чудо-то! А знаете, судя по всему, она принадлежала кому-нибудь, происходившему по прямой линіи отъ фараоновъ.

— Кто знаетъ?—отвѣтила я:—возможно, что это ножка одной изъ женъ Сезостриса.

— Пусть будетъ—жены Сезострисы,—замѣтилъ онъ:—но въ такомъ случаѣ—это была его самая любимая жена, которую онъ оплакивалъ всю жизнь.

Тетка познакомила меня со своими друзьями,—они почти всѣ жили въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ, слѣдовательно, принадлежали къ оппозиціи. Тамъ все порицали, много вздыхали о прошломъ и почти совсѣмъ не веселились. Это общество мнѣ не особенно понравилось. Единственнымъ пріятнымъ домомъ, куда меня ввела тетка, былъ салонъ виконтессы де Лаваль. Эта умная женщина умѣла во всемъ находить только хорошія стороны: она гордилась, если можно такъ выразиться, своей бѣдностью, никогда не упоминая о томъ, что другіе, наоборотъ, разбогатѣли: надо же утѣшаться хоть богатствомъ, если не принадлежишь къ роду Монморанси—вотъ и все!

Въ маленькомъ салонѣ виконтессы собиралось избранное общество, куда молодежь всѣхъ партій стремилась быть принятой, такъ какъ бывать здѣсь считалось признакомъ хорошаго вкуса. Ея прислуга состояла изъ лакея и негритянки, готовившей чай и представлявшей изъ себя нѣчто среднее между служанкой и довѣреннымъ лицомъ. На этихъ чрезвычайно скромныхъ собраніяхъ мнѣ пришлось увидѣть все, что было тогда въ Парижѣ замѣчательнаго. Талейранъ и герцогиня Курляндская принадлежали къ числу наиболѣе частыхъ посѣтителей виконтессы, но госпожа Талейранъ не бывала у нея: и здѣсь она оставалась вѣрна себѣ. Только на этихъ собраніяхъ разговоръ велся вполнѣ непринужденно, такъ какъ политика и партійный духъ были отсюда совершенно изгнаны. Госпожа Лаваль съ необычайной ловкостью начинала какой-либо интересный разговоръ, и когда она видѣла, что бесѣда принимала оживленный характеръ, она спокойно

погружалась въ свое вязанье изъ толстой шерсти, и только особенно интересная тема заставляла ее принять участіе въ разговорѣ. Въ такихъ случаяхъ всѣ молчали, а она говорила—и такъ красиво, остроумно и оригинально, что всѣ слушали, какъ зачарованные. Когда-то она славилась необыкновенной красотой, но и теперь еще ея черные, кроткіе глаза сохранили удивительный блескъ. Мнѣ разсказывали, что ея старый деверь герцогъ де-Лаваль, извѣстный своими глуповатыми выходками, желая выразить свое восхищеніе бархатными глазами виконтессы, воскликнулъ:

— Надо признаться, сестрица, что ваши глаза напоминаютъ цвѣтъ бархатныхъ панталонъ.

Я знала этого бѣднаго герцога, когда онъ былъ уже совсѣмъ дряхлъ. Его глупости заставляли меня умирать со смѣха. Я даже хотѣла составить изъ нихъ сборникъ, потому что онѣ были дѣйствительно необыкновенны, но, къ несчастью,—или скорѣе—къ счастью, глупости скоро забываются.

Но одинъ изъ анекдотовъ о немъ я всетаки разскажу.

Это было на обѣдѣ у Талейрана. Мы долго ждали герцога де-Лаваля, но, наконецъ, сѣли за столъ, и когда герцогъ явился, хозяинъ, гораздо болѣе вѣжливый, чѣмъ его жена, разсыпался въ извиненіяхъ.

Надо замѣтить, что въ то время герцогъ былъ одержимъ маніей покупать старинные портреты, и теперь, какъ онъ простодушно объяснилъ, онъ запоздалъ, присутствуя на аукціонѣ картинъ.

— Держу пари, что вы опять купили какую-нибудь мазню,—сказалъ Талейранъ.

— О,—съ значительнымъ видомъ произнесъ герцогъ.— Вы бы съ удовольствіемъ украсили свою библіотеку этой мазней: это портреты двухъ знаменитыхъ людей.

— Ба!—съ презрительной миной произнесъ Талейранъ:—чьи же это портреты?

— Подождите,—возразилъ бѣдный любитель искусства, съ видимымъ замѣшательствомъ принимаясь за

супъ, чтобы собраться съ мыслями:—женщину зовутъ такъ же, какъ и госпожу Реньо-де-Сенъ-Жанъ-Анжели—Лаурой, а вотъ имя мужчины—я всегда его забываю, что-то вродѣ Патрака!

Всѣ молчали, но это было то коварное молчаніе, за которымъ обыкновенно слѣдуетъ взрывъ безумнаго смѣха.

Тогда хозяинъ, не стѣсняясь присутствующихъ, которыхъ онъ обводилъ спокойнымъ, но въ то же время насмѣшливымъ взглядомъ, замѣтилъ герцогу спокойно-поучительнымъ тономъ:

— Запомните разъ навсегда имена вашихъ знаменитостей,—вы, вѣроятно, хотѣли сказать—Лаура и Плутархъ.

— Ну, да, конечно!—этотъ негодяй—Плутархъ, я всегда забываю его имя. На аукціонѣ его, кажется, называли Петраркой, но это, вѣроятно, невѣжды, которые, какъ и я, не знали настоящаго имени возлюбленнаго Лауры. Ну, конечно, Плутархъ... Это всѣ знаютъ, теперь я знаю: вѣдь это извѣстно изъ исторіи.

Это было уже слишкомъ! Всѣ разразились долго сдерживаемымъ хохотомъ, только одинъ Талейранъ оставался чуждъ нашему веселію и, окидывая насъ хитрымъ взглядомъ, имѣлъ дерзость спрашивать герцога о причинѣ нашей внезапной веселости.

Госпожа де Суза, сынъ которой былъ нездоровъ, внезапно насъ покинула, чтобы развлечь больного, разсказавъ ему описанную исторію.

Дѣйствительно, въ продолженіи нѣсколькихъ дней я не видѣла г. де-Ф..., но каждое утро я получала букетъ фіалокъ и программу текущаго дня: онъ то совѣтовалъ мнѣ посмотрѣть что-либо интересное, то сдѣлать необходимый визитъ. Такъ, по его указанію я должна была посѣтить женя маршала Даву, которая осыпала меня любезностями, когда ея мужъ командовалъ отрядомъ въ Варшавѣ. Но такъ какъ лѣто она проводила въ Савины, то мнѣ предстояло туда отправиться. Я послала въ ея го-

родской домъ узнать, какое время будетъ самымъ удобнымъ для визита, и получила въ отвѣтъ, что лучше всего поѣхать туда утромъ.

Я отправилась въ Савиньи въ палящій зной. Жермонъ, оракулъ тогдашней моды, сама выбрала мнѣ туалетъ. На мнѣ было шелковое, закрытое, сиреневое платье, маленькая шляпа съ фіалками и прекрасно подобранныя въ цвѣтъ туфли. Этотъ элегантный туалетъ казался мнѣ не совсѣмъ подходящимъ для утра.

Но какъ бы то ни было, я предвкушала много удовольствія отъ этого визита. Парижскій домъ Даву былъ устроенъ съ большимъ вкусомъ и роскошью, поэтому я думала, что и въ Савиньи они окружили себя богатой обстановкой.

Я пріѣхала туда около трехъ часовъ.

Замокъ, окруженный рвомъ и стѣной, имѣлъ только одинъ наглухо закрывавшійся входъ. Ровъ поросъ травой и вообще весь замокъ имѣлъ такой заброшенный видъ, будто онъ былъ необитаемъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Мой лакей съ трудомъ нашелъ, наконецъ, шнурокъ отъ звонка и спустя нѣсколько минутъ явилась плохо одѣтая дѣвчонка и спросила, что мнѣ угодно.

— Госпожа маршальша дома?

— Да, простите, о н ѣ дома и господинъ маршалъ тоже.

И она убѣжала за лакеемъ, который явился, не спѣша оправляя свою ливрею.

Я велѣла доложить о себѣ и, забившись въ уголъ экипажа, ожидала довольно долго, не зная, что предпринять: ожидать ли еще или просто ограничиться визитной карточкой.

Спустя четверть часа явился лакей и повелъ меня черезъ обширный дворъ. Онъ извинился, что заставилъ меня ждать, простодушно объяснивъ при этомъ, что, когда я пріѣхала, всѣ слуги работали въ саду, а онъ былъ занятъ чисткой фруктоваго сада.

Пройдя нѣсколько совершенно пустыхъ комнатъ, я

вошла въ гостиную, гдѣ стоялъ лишь диванъ и нѣсколько стульевъ. Тотчасъ же явилась и маршальша.

Я сразу замѣтила, что она одѣлась для меня и, войдя въ комнату, еще продолжала что-то закалывать на своемъ корсажѣ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ вялаго разговора она послала сказать мужу о моемъ пріѣздѣ и снова продолжала скучную бесѣду. О госпожѣ Даву нельзя было сказать, что она не знала свѣтскаго обращенія или была лишена той легкости ума, которая облегчаетъ бесѣду между людьми одного и того же круга, но она ни на минуту не забывала своего высокаго сана и была исполнена той холодной чопорности, которая почти граничитъ съ чванствомъ. Суровыя черты ея прекраснаго лица никогда не оживлялись улыбкой—совсѣмъ какъ у Юноны Гомера: властная женщина должна смѣяться лишь въ исключительномъ случаѣ.

Наконецъ пришелъ маршалъ. Онъ такъ торопился, что весь вспотѣлъ и еле переводилъ духъ. Вытирая мокрый лобъ платкомъ, онъ въ то же время мочилъ его слюной и вытиралъ покрытое пылью лицо. Эта солдатская выходка плохо вязалась съ чопорными манерами его супруги и повидимому очень ее раздосадовала. Чувствуя себя лишней въ этой нѣмой сценѣ, я уже поднялась, чтобы откланяться, но они стали меня просить остаться завтракать.

Пока накрывали на столъ, мы отправились погулять въ паркъ, гдѣ дорожки были совершенно не расчищены, лужайки покрыты такой высокой травой, что уже была пора ее косить, деревья, подрѣзанныя еще во время революціи, сильно разрослись и образовали густую чащу. На каждомъ кустѣ я оставляла обрывки своихъ волановъ, а мои сиреневыя туфли стали совсѣмъ зелеными. Маршалъ подбадривалъ насъ и голосомъ, и знаками, обѣщая очаровательный сюрпризъ. Каково же было мое отчаяніе, когда, обогнувъ купу молодыхъ дубковъ, мы очутились передъ тремя маленькими тростниковыми хижинами! Герцогъ опустился на колѣни и закричалъ:

— Вотъ онѣ! вотъ онѣ!

И измѣнивъ голосъ, продолжалъ:

— Пи... пи... пи...

И тотчасъ цѣлое облако молодыхъ куропатокъ взвилось и стало кружиться надъ головой маршала.

— Не выпускайте остальныхъ, пока не вернутся самыя молодыя, и дайте дамамъ хлѣбъ...—обратился онъ къ мужику, который присматривалъ за птичникомъ.—Вы позабавитесь по-царски!—прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Какъ вамъ нравится: въ самый палящій зной заниматься тѣмъ, чтобы кормить крошками куропатокъ! Съ необычайнымъ спокойствіемъ и невозмутимо важнымъ видомъ герцогиня опустошила свою корзину съ хлѣбомъ. Что же касается меня, то я чуть не упала въ обморокъ и, замѣтивъ, что небо покрывается тучами и приближается гроза, поспѣшила вернуться въ замокъ.

Подходя къ замку, я замѣтила, какъ рабочіе штукатурили одну изъ башенокъ замка, которая до сихъ поръ уцѣлѣла отъ реставрированія и носила на себѣ печать старины. При видѣ подобнаго святотатства, я не могла удержаться отъ порицанія. Маршальша была согласна со мной, и по ея взгляду и пренебрежительной улыбкѣ я догадалась, что по поводу этой башенки между супругами уже произошло столкновеніе. Маршалъ прямо заявилъ мнѣ, что мои замѣчанія очень ему не по вкусу, причемъ онъ выразился весьма энергично относительно пристрастія къ стариннымъ постройкамъ.

По окончаніи завтрака я тотчасъ же покинула замокъ, давъ себѣ слово при этомъ, что, врядъ ли удастся кому-либо меня такъ провести въ слѣдующій разъ.

По дорогѣ я размышляла о всемъ видѣнномъ и пришла къ заключенію, что въ прекрасной Франціи встрѣчается не мало странныхъ контрастовъ: вельможи стараго времени были до смѣшного невѣждами, а герои настоящаго, заплативъ своею кровью за огромныя богатства, пользовались ими самымъ мелкимъ, пошлымъ образомъ.

Я разсказала въ немногихъ словахъ объ этомъ визитѣ тому, кто мнѣ посовѣтовалъ его сдѣлать.

Вотъ уже почти двѣ недѣли, какъ онъ перестал у меня бывать и писалъ, что, страдая грудью, не можетъ посѣтить меня. Въ то же время я часто встрѣчалась съ его матерью и она не производила на меня впечатлѣнія встревоженной его болѣзнью. Черезъ нѣкоторое время онъ извѣстилъ меня, что ему лучше, и что докторъ разрѣшилъ ему выйти при условіи вернуться домой до захода солнца. Этимъ онъ далъ мнѣ понять, что навѣститъ меня днемъ.

Признаюсь, въ первый разъ за все время я усумнилась въ его искренности по отношенію ко мнѣ: можетъ быть, думалось мнѣ, притворяясь страдающимъ и больнымъ, онъ такимъ путемъ хочетъ сломить мою неприступность, и я насторожилась. Ровно въ три часа топотъ лошадей и шумъ подъѣхавшаго экипажа заставилъ забиться мое сердце: я узнала бы ихъ среди тысячи другихъ.

Хотя былъ уже конецъ мая, но на дворѣ былъ такой рѣзкій холодъ, что я велѣла затопить каминъ. Желая скрыть овладѣвшее мною волненіе, я стала копать уголья въ каминѣ. Онъ придвинулъ кресло и, не прерывая молчанія, сѣлъ около меня. Поднявъ, наконецъ, на него глаза, я была поражена перемѣной, которую наложила на него болѣзнь. Тѣмъ не менѣе у меня хватило жестокости задать ему такой вопросъ:

— Такъ вы дѣйствительно были больны?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ:—не особенно, а теперь я чувствую себя совсѣмъ хорошо.

Подъ вліяніемъ этихъ словъ, произнесенныхъ слабымъ голосомъ, во мнѣ сразу рухнуло все то холодное недовѣріе, которое я построила съ большимъ трудомъ.

— Простите! простите! Забудьте этотъ глупый вопросъ и вѣрьте только моему сердечному участію, моей искренней дружбѣ; забудьте эту банальную и глупую фразу... Ради Бога, говорите о себѣ! Что съ вами?

— Ничего особеннаго. Раньше мнѣ было очень плохо, но теперь все прошло. При всякомъ сильномъ волненіи я харкаю кровью—вотъ и все.

И онъ умолкъ, вперивъ взоръ въ огонь камина.

— Вы, конечно, не сомнѣвались въ моемъ участіи? Я думала о васъ болѣе, чѣмъ вы думаете.

Почувствовавъ, что я краснѣю, я невольно закрыла лицо руками.

— О, не говорите мнѣ этого, не говорите такъ со мной!..—воскликнулъ онъ.—Обращайтесь со мной попрежнему, какъ со старымъ другомъ,—вѣдь вы ничего другого отъ меня и не хотите!

Я не знала, что подумать, была очень взволнована и терялась въ догадкахъ.

Желая положить конецъ тяжелому для насъ обоихъ разговору, онъ посмотрѣлъ на часы и, указывая на стрѣлку, переходившую на четыре часа, замѣтилъ:

— Какъ быстро идетъ время!—и также быстро проходитъ вся жизнь; тѣ, кто страдаетъ, должны вооружиться терпѣніемъ. Я обѣщалъ матери вернуться въ назначенное докторомъ время. Она не хотѣла выпустить меня изъ дома въ такой холодъ, но невозможно требовать отъ меня такого благоразумія. Я и такъ благоразуменъ болѣе, чѣмъ можно ожидать,—прибавилъ онъ, грустно улыбаясь:—но не настолько, чтобы думать о себѣ.

Онъ взялъ мою руку, приложилъ ее къ сердцу и, не ожидая отвѣта, быстро направился къ выходу. На порогѣ онъ остановился.

— Будьте такъ добры, пріѣзжайте завтра къ моей матери завтракать. У насъ будетъ Лабедуаеръ, который уѣзжаетъ въ Испанію. Онъ очень хочетъ видѣть васъ, доставьте ему это удовольствіе, онъ стоитъ этого, увѣряю васъ.

Я кивнула головой, и онъ ушелъ, оставивъ меня погруженной въ какую-то смутную печаль, причину которой я не могла объяснить. Ничто, казалось, не измѣни-

лось въ нашихъ отношеніяхъ и не было повода огорчаться.

Такъ прошло около двухъ мѣсяцевъ среди умственныхъ наслажденій и очаровательной, полной тайны, дружбой, которая придавала столько прелести всей моей жизни! Но пришло время—и иллюзіи исчезли!.. Это время было самымъ счастливымъ во всей моей жизни, зачѣмъ оно такъ быстро оборвалось? Увы! зловѣщія предчувствія томили меня и что-то мнѣ шептало, что наступаетъ мрачная драма.

Съ этихъ поръ общество потеряло для меня всю привлекательность.

Тѣмъ не менѣе, повинуясь свѣтскимъ приличіямъ, я не могла безъ уважительныхъ причинъ измѣнить своего образа жизни, и желая забыться, продолжала выѣзжать, насильно заставляя себя принимать участіе во всѣхъ развлеченіяхъ и празднествахъ...

На другой день я отправилась завтракать къ m-me Суза и встрѣтила здѣсь молодого Лабедуаера, красиваго, мужественнаго, счастливаго!

Господинъ де-Ф... мнѣ показался не такимъ мрачнымъ, какъ наканунѣ. Я даже замѣтила, что въ присутствіи матери и своего друга онъ старался быть веселымъ, но эта веселость была неестественна, и я поняла, что они не были посвящены въ его печальную тайну. Онъ сильно кашлялъ, и мать упрекала его за вчерашнюю прогулку.

— Увы!—сказалъ онъ,—я уже за это наказанъ, такъ какъ докторъ заперъ меня на недѣлю. Но какъ только мнѣ можно будетъ выйти, я отправлюсь съ нашими знатными путешественницами въ Мальмезонъ.

Этимъ пышнымъ титуломъ онъ называлъ герцогиню Курляндскую [1]) и меня. Герцогиня была вдовой послѣдняго изъ герцоговъ курляндскихъ, послѣ смерти котораго она была лишена своихъ помѣстій.[2]) Русскій импера-

---

[1]) Анна-Шарлотта-Доротея Медемъ, герцогиня Курляндская, 1761—1821.

[2]) 13 января 1800 г.

торъ оставилъ ей титулъ и огромное состояніе, которое ей было завѣщано ея супругомъ согласно брачному контракту.

Я не знаю, что послужило причиной ея пріѣзда въ Варшаву, гдѣ бывшій еще въ то время королемъ Станиславъ-Августъ устроилъ ей блестящій пріемъ. Герцогиня очень привязалась ко мнѣ въ память о князѣ, который принялъ ее такъ любезно. Я часто ѣздила вмѣстѣ съ ней ко двору и на оффиціальные праздники, и меня очень забавляло то, что ея экипажъ тотчасъ же пропускался впередъ, не ожидая очереди въ хвостѣ. Въ то время, о которомъ я говорю, герцогиня, хотя и перешагнула уже въ критическій возрастъ, но сохранила еще остатки красоты, которые обезпечивали ей послѣдніе успѣхи. Состояніе, оставленное герцогомъ, давало ей возможность жить на широкую ногу и всѣ какъ милости добивались быть ей представленными.

Благодаря стараніямъ Талейрана, не избѣжавшаго чаръ этой женщины, она заняла одно изъ первыхъ мѣстъ въ салонѣ графини де Лаваль, гдѣ было принято восхищаться всѣмъ, что бы герцогиня ни дѣлала, въ особенности ея элегантными туалетами и брилліантами. Я не разъ была свидѣтельницей того, какъ она въ полночь пріѣзжала туда показать свое новое бальное платье или новую драгоцѣнность, какъбудто ей было не болѣе двадцати лѣтъ. Ея старый поклонникъ всегда ожидалъ ее и смотрѣлъ на нее съ такимъ восхищеніемъ, что весь его сераль, въ томъ числѣ и моя тетка—графиня Тышкевичъ,—выходили изъ себя отъ ревности.

VII.

Прогулки по Парижу.

Графиня Мнишекъ. — Пассажъ Панорама. — Королева польская.—Посѣщеніе ателье художниковъ. — Давидъ. — Жироде.— Жераръ. — Авторы мемуаровъ.—Аббатъ Морле.— Mademoiselle Ленорманъ. — Госпожа де-Суза и маленькая волшебница. — У предсказательницы. — Бурная молодость. — Предсказаніе о рожденіи князя Морица Потоцкаго.

У меня была еще тетка въ Парижѣ: графиня Мнишекъ [1]), которая приходилась двоюродной сестрой моей матери и племянницей послѣдняго нашего короля. Она отнимала почти все мое свободное время. Очень добрая, но весьма недалекая и до смѣшного тщеславная, она считала себя вправѣ настаивать на прерогативахъ принцессы крови и на этой почвѣ съ ней не разъ случались досадныя приключенія. Ни печальный конецъ послѣдняго польскаго короля, ни раздѣлъ нашей несчастной страны не могли излечить ее отъ этихъ вздорныхъ притязаній. Еще въ то время, когда русская императрица осыпала поляковъ милостями, она пожаловала теткѣ орденъ Св. Екатерины, съ которымъ та почти не разставалась: въ Вѣнѣ ее такъ и прозвали графиней звѣзды, причемъ она даже и не подозрѣвала, въ какое смѣшное положеніе часто ставила она себя, всецѣло занятая тѣмъ, чтобы съ

---

[1]) Графиня Мнишекъ, рожденная Замойская, дочь Луизы—старшей сестры короля Станислава Августа Понятовскаго.

помощью роскоши и богатства поддержать блескъ своего происхожденія.

Въ Парижѣ ей удалось залучить къ себѣ на службу maître d'hôtel'я несчастной принцессы де-Ламбалль. Секретаремъ у нея состоялъ господинъ де-Виллъ, знатное происхожденіе котораго было настолько же безспорно, насколько темно, но по мнѣнію графини, онъ придавалъ много блеска ея дому.

Она давала великолѣпные, но очень скучные вечера, на которые приглашала захудалыхъ вельможъ и никому невѣдомыхъ писателей, но и тѣ при малѣйшей возможности исчезали изъ ея салона; это ужъ не входило въ ея разсчетъ, такъ какъ, по ея мнѣнію, приглашенные должны были вести оживленную бесѣду. Не зная, какъ достигнуть этого, но желая удержать за столомъ все общество, она приказала не убирать со стола по окончаніи ужина и тѣмъ удерживала у себя гостей.

— Самые оживленные разговоры,—говорила она,—ведутся всегда за столомъ.

Она провела во Франціи уже два года и готовилась къ отъѣзду, но прежде чѣмъ покинуть эту страну, она посѣщала всѣ достопримѣчательныя мѣста французской столицы.

Въ это время въ Парижѣ только что открылся пассажъ Панорама и считалось признакомъ вкуса дѣлать тамъ покупки. Тетка, отправляясь туда, взяла съ собой своихъ дочерей, а также и самую младшую и самую остроумную изъ дочерей принца де-Линь—принцессу Флору. Кромѣ того, насъ сопровождала многочисленная и блестящая свита: два ливрейныхъ лакея въ ярко-красныхъ съ золотыми галунами ливреяхъ, негръ и гайдукъ.

Когда мы проѣзжали по улицамъ, публика останавливалась поглазѣть на насъ. Благородный секретарь, снабженный туго-набитымъ кошелькомъ графини, слѣдовалъ за нами въ маленькомъ экипажѣ. На его обязанности лежало расплачиваться за покупки, сдѣланныя графиней. Едва мы вышли изъ кареты, какъ были окружены тучей

уличныхъ мальчишекъ и по мѣрѣ того, какъ мы останавливались у магазиновъ, толпа вокругъ насъ продолжала рости и увеличиваться. Дошло до того, что многіе влѣзали на балюстрады магазиновъ, чтобы лучше насъ видѣть. Бѣдняжка-тетка, возбужденная производимымъ ею эффектомъ, превзошла себя въ своихъ нелѣпыхъ выходкахъ, покупая все самое модное и дорогое и при этомъ громко приказывая своему секретарю не торговаться, такъ какъ ей противна эта мужицкая привычка. Она упрашивала меня и принцессу Флору выбирать все, что намъ понравится и осыпала насъ подарками. Любопытство уличныхъ зѣвакъ было сильно возбуждено. Къ уличнымъ мальчишкамъ присоединились праздные зѣваки, которые не отходили отъ насъ, чтобы не пропустить ничего интереснаго, что могло бы послужить матеріаломъ для газетныхъ сплетенъ.

Принцессѣ Флорѣ вдругъ пришло въ голову обратиться къ одному изъ преслѣдовавшихъ насъ зѣвакъ со словами:

— А вы знаете, кто эта дама?.. Это—королева польская.

Она сама совершенно не ожидала того эффекта, который произвели ея слова: толпа вмигъ наполнила магазинъ, окружила насъ со всѣхъ сторонъ и такъ стиснула, что мы едва не задохлись. Поднялась неописуемая суматоха.

Къ счастью, хозяинъ магазина, замѣтивъ тщетныя попытки нашихъ слугъ очистить намъ выходъ изъ магазина, вывелъ насъ на улицу черезъ потайную дверь. А моя тетка, не зная ничего о выходкѣ принцессы Флоры, все время повторяла:

— О, да, нѣкоторыя особы не могутъ безнаказанно появляться въ публикѣ.

Такъ какъ нами было рѣшено осмотрѣть все въ Парижѣ, то мы посѣтили и ателье художниковъ. Мнѣ больше всего понравились картины жанровыя, детали которыхъ отличались необыкновенной граціозностью, но

воспитанная своимъ свекромъ на поклоненіи итальянской школѣ, я удивлялась, почему французскіе художники, имѣя передъ собой великолѣпные образцы, сдѣлали такіе ничтожные успѣхи, или правильнѣе сказать—не сдѣлали никакихъ. Въ ихъ картинахъ не было ничего великаго, благороднаго, смѣлаго. Правда, въ произведеніяхъ молодыхъ художниковъ замѣчалось меньше манерности, чѣмъ у Буше и Ванлу, но въ то же время у нихъ не наблюдалось ни тщательности рисунка Лесюера, ни широкой кисти Пуссена, ни колорита Лебрена. Глядя на картины молодыхъ французскихъ художниковъ, казалось, что все геніальное вышло изъ моды! Новая школа относилась съ презрѣніемъ къ великимъ мастерамъ. Одинъ Давидъ придерживался классической школы, но мертвенный колоритъ очень вредилъ точности его рисунка, придавая его картинамъ характеръ барельефовъ. По моему мнѣнію, картиной, обезпечивающей Давиду безсмертіе, является историческій портретъ Наполеона, изображающій его при переходѣ черезъ Сенъ-Бернаръ во главѣ арміи, пробирающейся по ущельямъ, причемъ императоръ изображенъ спокойно сидящимъ на горячемъ конѣ [1]).

Окончивъ свою Д и д о н у, Жироде долженъ былъ бы умереть, такъ какъ ни одно изъ его произведеній не можетъ сравниться съ этой небольшой картиной. Правда, Эней нѣсколько деревяненъ, ему не хватаетъ живости, но по немъ только скользишь взглядомъ, такъ какъ вся прелесть заключается въ группѣ двухъ женщинъ.

Жераръ написалъ нѣсколько великолѣпныхъ портретовъ, онъ превосходенъ въ этой области искусства, но черезчуръ увлекаясь выпиской деталей и тщательнымъ воспроизведеніемъ кашемировыхъ шалей и ажурныхъ чулокъ, онъ отдаетъ этимъ дань современному вкусу. Изображая на своихъ картинахъ придворные костюмы, богато вышитые золотомъ и отдѣланные кружевами, ло-

---

[1]) Этотъ великолѣпный портретъ, увезенный Блюхеромъ, теперь находится въ Яблоннѣ.

коны, платья съ короткими таліями, онъ сдѣлаетъ то, что его картины рано или поздно выйдутъ изъ моды, настоящій же художникъ долженъ рисовать такъ, чтобы его портреты въ то же время были и картинами [1]).

Зная, какія бѣшеныя цѣны брали тогда художники за свои картины, я была очень удивлена, замѣтивъ во многихъ ателье массу начатыхъ полотенъ, изображавшихъ или императорскую фамилію, или самихъ заказчиковъ—богатыхъ иностранцевъ: французы не были въ состояніи позволять себѣ подобныя дорого-стоющія фантазіи.

Молодыя женщины, ведущія дневникъ своего путешествія, считаютъ себя обязанными посвятить одну или двѣ глубоко-прочувствованныя главы росту цивилизаціи, наукъ и т. д. Въ большинствѣ случаевъ эти разсужденія взяты изъ какой-нибудь забытой книги или составлены кѣмъ-либо изъ ученыхъ или друзей. Бываетъ и такъ, что подобныя сочиненія за опредѣленное вознагражденіе заказываются какому-нибудь невѣдомому писателю. Что же касается меня, то, рѣшивъ быть искренной во всемъ, я должна признаться, что я не искала знакомствъ съ писателями. Для ихъ правильной оцѣнки совершенно достаточно, по моему мнѣнію, написанныхъ ими сочиненій, а единичные визиты мнѣ всегда казались безполезными и неумѣстными: вѣдь нельзя же посѣщать ученаго, чтобы только поглазѣть на него, какъ на какое-то чудовище. Такой поверхностный способъ составлять мнѣніе о писателѣ имѣетъ всегда въ своей основѣ глупое тщеславіе. Вернувшись домой, подобная особа пишетъ въ своемъ дневникѣ:

«Господинъ такой-то, извѣстный своими выдающимися произведеніями, принялъ меня самымъ любезнымъ образомъ; мы разговаривали больше часу, и онъ былъ пораженъ, съ какой легкостью я выражаюсь на его языкѣ и

---

[1]) Графиня, дѣйствительно, можетъ похвастаться своей любовью къ искусствамъ: если даже нѣкоторыя изъ ея критическихъ замѣчаній и вызываютъ улыбку, все же надо сознаться, что часто она высказываетъ совершенно правильные взгляды.

(Прим. фр. изд.)

при этомъ совѣтовалъ мнѣ написать свои воспоминанія. Это человѣкъ — рѣдкихъ качествъ, онъ чрезвычайно уменъ и т. д. и т. д., — однимъ словомъ, это одинъ изъ тѣхъ ученыхъ, которыхъ можно встрѣтить только во Франціи и среди французовъ, въ другихъ мѣстахъ наука неразрывно связана со скукой и т. д., и т. д.».

Меня немало удивляло, что знаменитости того времени рѣдко показывались въ свѣтѣ. При такомъ нивелирующемъ государѣ, какимъ былъ Наполеонъ, полагавшій, что каждая заслуга имѣетъ право на почести, казалось бы можно было встрѣчать въ свѣтѣ болѣе артистовъ и литераторовъ.

У госпожи Суза я видѣла только аббата Морле[1]; того самого, который во время Великой Революціи спасся отъ участи быть повѣшеннымъ на уличномъ фонарѣ только благодаря остроумному вопросу:

— Неужели вы думаете, что тогда онъ будетъ горѣть ярче?

Въ это время онъ былъ уже очень старъ, мало говорилъ и, обладая чудовищнымъ аппетитомъ, приходилъ только къ обѣду. Пообѣдавъ, онъ отдыхалъ, похрапывая, въ теченіе часа. Меня часто просили завезти его домой, и я охотно брала на себя это порученіе, тѣмъ болѣе, что онъ жилъ по сосѣдству со мной. По дорогѣ мы обыкновенно молчали, но въ тотъ моментъ, когда лакей открывалъ дверцу кареты, аббатъ считалъ своей обязанностью сказать мнѣ какую-нибудь любезность, и, уже стоя на подножкѣ, произносилъ своимъ гнусавымъ голосомъ:

— Благодарю васъ, любезная и прелестная дама!

Я желала ему покойной ночи, послѣ чего мы разставались.

На этихъ обѣдахъ весело болтали обо всемъ.

---

[1]) Аббатъ Морле, прозванный Вольтеромъ «укуси ихъ». Игра словъ—Morellet и Mords-les), 1727—1819. О немъ см. Ремюза «Memoires», I, стр. 215 и «Memoires de Marmontel». Вышеприведенное выраженіе принадлежитъ Мори.

Однажды кто-то упомянулъ о Ленорманъ по поводу ея предсказанія императрицѣ Жозефинѣ, половина котораго уже исполнилась. Я выразила горячее желаніе увидѣть эту знаменитую гадалку, но меня разочаровали, сообщивъ, что ея предсказанія мѣняются въ зависимости отъ вознагражденія, которое колеблется между 12-ью и 36-ью франками. Передъ такой дѣйствительностью исчезла всякая иллюзія.

Госпожа Суза, не скрывавшая своей склонности къ суевѣрію, разсказала, что она знаетъ гадалку, гораздо болѣе свѣдущую, чѣмъ Ленорманъ. Она предсказала ей необычайныя вещи.

— Если бы я не боялась повторить эти предсказанія, —прибавила госпожа Суза,—вы бы страшно удивились: настолько онѣ невѣроятны!

Кто-то изъ присутствующихъ заикнулся было спросить, не предсказывала ли эта гадалка паденія Имперіи, но госпожа Суза только покачала головой и, чтобы положить конецъ нескромнымъ вопросамъ, предложила мнѣ вмѣстѣ отправиться къ гадалкѣ. Я охотно согласилась, и черезъ два дня мы привели въ исполненіе наше намѣреніе.

Теперь я уже не помню, гдѣ жила эта гадалка. Мы отправились къ ней пѣшкомъ, въ сумерки, переодѣвшись въ простыя платья. Моя спутница съ весьма рѣшительнымъ видомъ поднялась по крутой лѣстницѣ въ четвертый этажъ какого-то дома. Я, слегка сконфуженная, не отставала отъ нея.

У дверей насъ встрѣтила маленькая, довольно молодая женщина и спросила, что намъ угодно.

— Я привела къ вамъ свою родственницу, пріѣхавшую изъ провинціи; она желаетъ знать, какая судьба ожидаетъ ее въ Парижѣ.

Маленькая женщина, казалось, что-то вспоминала, но не узнавъ госпожу Сузу, извинилась и прибавила:

— У меня бываетъ масса народа, и неудивительно поэтому, что я не могу запомнить всѣхъ въ лицо, тѣмъ бо-

лѣе, что никто изъ посѣщающихъ меня не называетъ своего имени.

Намъ очень понравилась ея скромность, и моя спутница замѣтила, что тому, кто обладаетъ даромъ предсказывать будущее, можно не помнить прошлаго. Этотъ комплиментъ не произвелъ на нее, повидимому, никакого дѣйствія, я даже думаю, что она его просто не поняла, такъ какъ, судя по ея манерѣ выражаться, она принадлежала къ простому классу.

Чтобы придать мнѣ храбрости, моя спутница первая сѣла у стола и просила погадать ей на картахъ, а не на кофейной гущѣ. Я не поняла, почему маленькая гадалка стала разсказывать о прошломъ моей компаньонки, а не о ея будущемъ. Изъ ея словъ я узнала, что у госпожи Суза была очень бурная молодость. Отличаясь необыкновенной привлекательностью, она не всегда оставалась равнодушной къ вызываемому ею поклоненію. Приводимыя подробности становились уже скабрезными, и маркиза поспѣшила прекратить потокъ щекотливыхъ разоблаченій.

— У васъ одинъ сынъ, котораго вы нѣжно любите; онъ только что подвергся большой опасности,—сказала гадалка.

Бѣдная мать вскрикнула отъ ужаса.

— Успокойтесь, — прибавила ворожея: — онъ спасся чудомъ! Его звѣзда—самая счастливая. Ему пришлось бороться со стихіями; я не могу сказать навѣрное, была ли то вода или огонь, карты не даютъ на этотъ счетъ опредѣленныхъ указаній, но будьте покойны—вы узнаете отъ одной вашей пріятельницы-вдовы всѣ подробности этого случая, вашъ сынъ не одинъ подвергался опасности.

Мы молча переглянулись. Не желая болѣе слушать гадалку, моя спутница усадила меня на свое мѣсто.

Признаюсь, сначала я немного струсила, но затѣмъ, принявъ твердое рѣшеніе узнать свою судьбу, я попросила эту женщину погадать мнѣ и на картахъ, и на кофей-

ной гущѣ, причемъ дала себѣ слово покаяться передъ священникомъ въ этомъ грѣхѣ.

Мое прошлое было еще такъ невелико! Спокойная и мирная жизнь, исполненіе долга, привязанности, только что пролетѣвшая и не оставившая послѣ себя слѣдовъ гроза, двое прелестныхъ дѣтей...

Я поставила гадалкѣ условіе, чтобы она ничего не говорила мнѣ о продолжительности жизни дорогихъ мнѣ существъ. Послѣ долгаго размышленія надъ картами и надъ кофейной гущей, она заявила мнѣ, что судьба моихъ дѣтей будетъ похожа на мою, но при этомъ я замѣтила, что она о чемъ-то умалчиваетъ и что-то скрываетъ. Это меня испугало. Надо имѣть много смѣлости, чтобы безстрашно приподнять ту благодѣтельную завѣсу, которая скрываетъ отъ насъ будущее, и увы! я скоро убѣдилась, что недаромъ я такъ трепетала передъ будущимъ! [1]).

Замѣтивъ овладѣвшее мною волненіе, гадалка сказала:

— Не будемъ говорить о вашихъ теперешнихъ дѣтяхъ. Повторяю, въ ихъ судьбѣ не будетъ ничего необыкновеннаго, но, возвратившись въ вашу страну, вы родите сына, который заставитъ говорить о себѣ. Я не знаю ни васъ, ни вашей родины, но по картамъ я вижу, что это страна очень безпокойная: карты указываютъ на войны и кровь. А вашъ сынъ, который родится подъ самымъ счастливымъ созвѣздіемъ, сдѣлается главою могущественной партіи, а можетъ быть даже и королемъ.

Я засмѣялась и посмотрѣла на госпожу Суза, предполагая, что навѣрное, она подготовила всю эту мистификацію, но госпожа Суза поклялась, что уже болѣе года не была въ этомъ домѣ. Гадалка, замѣтивъ мои подозрѣнія, казалось, была этимъ недовольна, и, чтобы придать вѣсъ своимъ предсказаніямъ, сообщила мнѣ примѣты,

---

[1]) Намекъ на преждевременную смерть Наталіи Потоцкой, княгини Сангушко.

при помощи которыхъ я могла бы убѣдиться въ справедливости ея предсказаній.

— Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вашего возвращенія на родину, вы забеременѣете и за нѣсколько времени до родовъ подвергнетесь несчастному случаю, который окончится для васъ благополучно. Вашъ ребенокъ родится во время и въ сорочкѣ. Онъ будетъ прекрасенъ, силенъ и на лѣвомъ боку у него будетъ весьма замѣтный знакъ. Еще я могу вамъ сообщить, что онъ будетъ одаренъ тѣмъ, что мы называемъ способностью привлекать общую любовь; повсюду и всегда его будутъ любить старые и молодые, бѣдные и богатые, мужчины и женщины. Неотразимое обаяніе его характера будетъ заключаться, главнымъ образомъ, въ его добромъ сердцѣ.

Слова гадалки запечатлѣлись въ моей памяти, и я могу удостовѣрить, что всѣ ея предсказанія исполнились съ точностью. Во время беременности я подверглась случайной опасности, ребенокъ родился совершенно здоровый и въ сорочкѣ, на лѣвомъ боку у него былъ виденъ, похожій на малину, знакъ, о которомъ упоминала гадалка.

Если бы я придала большое значеніе этому предсказанію, я могла бы предположить, что въ данномъ случаѣ воображеніе оказало вліяніе на природу, но уѣхавъ изъ Парижа, я совсѣмъ и не думала о гадалкѣ: у меня тогда были совсѣмъ другія радости и другія печали—и только, когда у меня родился сынъ, я вспомнила маленькую женщину и ея предсказанія.

VIII.

Мальмезонъ.—Признаніе.

Жозефина. — Спальня Наполеона.—Вкусъ Жозефины. — Картинная галлерея.—Сады и оранжереи.—Приглашеніе Императора. — Разговоръ съ Наполеономъ у военнаго министра.— Записка Шарля де-Ф...—Объясненіе.—Романъ офицера.—Незнакомка.

Спустя нѣсколько дней послѣ визита къ гадалкѣ, мы отправились осматривать Мальмезонъ, откуда Жозефина только что уѣхала въ Швейцарію. Такъ какъ императоръ часто посѣщалъ бывшую императрицу, Марія-Луиза была очень недовольна этимъ, и было рѣшено, что Жозефина удалится изъ Парижа. Я очень хотѣла быть ей представленной, но она не принимала иностранцевъ и видѣлась только съ тѣми, которые своей неизмѣнной преданностью заслужили ея довѣріе и привязанность. Ея бѣдное изстрадавшееся сердце замкнулось въ своемъ горѣ: насколько раньше Жозефина любила свѣтъ, настолько теперь она стремилась къ одиночеству. По крайней мѣрѣ, въ Мальмезонѣ она была застрахована отъ назойливаго любопытства. Разсказывали, что она много плакала и не старалась скрывать своего горя. Всей душой привязанная къ Наполеону, ей было гораздо больнѣе потерять его, чѣмъ свое блестящее положеніе.

Намъ показали Мальмезонъ, начиная съ чердака и кончая подваломъ. Я не могу выразить словами, съ какимъ интересомъ, съ какимъ жаднымъ любопытствомъ

разсматривали мы жилище, бывшее свидѣтелемъ столькихъ великихъ событій! [1])

Сколько невыразимаго упоенія, любви, славы, безчисленныхъ тріумфовъ, фантастическихъ разсказовъ! Вся жизненная драма героя развертывалась здѣсь въ теченіе десяти лѣтъ и, казалось, все было полно здѣсь еще трепещущими воспоминаніями, которыя придавали настоящему какъ-бы отблескъ прошлаго. Спальня Наполеона— та самая, гдѣ онъ первымъ консуломъ мечталъ о всесвѣтной монархіи, а потомъ неограниченнымъ монархомъ, повитомъ славою, искалъ отдыха—оставалась въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ ее покинулъ, чтобы никогда уже больше туда не возвратиться. Жозефина запретила пускать туда любопытныхъ, и только благодаря настойчивымъ просьбамъ и золоту намъ удалось проникнуть туда.

Если бы когда-либо кощунственная мода дерзнула измѣнить обстановку этой комнаты, это было бы такимъ преступленіемъ, за которое потомство было бы вправѣ упрекнуть націю, и Мальмезонъ долженъ быть превращенъ въ національную собственность.

Помимо общаго интереса, связаннаго съ малѣйшими подробностями жизни великаго человѣка, эта комната сама по себѣ отличается необыкновенной красотой. Рѣзная кровать безукоризненно-античной формы стояла на возвышеніи, покрытомъ громадной тигровой шкурой рѣдкой красоты. Огромный шатеръ, вмѣсто занавѣсей, поддерживался военными трофеями, напоминавшими побѣды и завоеванія. Эти трофеи представляли изъ себя не только славныя эмблемы, добытыя на полѣ брани и служившія богатымъ украшеніемъ—это была своего рода живая хроника блистательныхъ подвиговъ солдатъ и славы ихъ геніальнаго вождя.

Все, что много говоритъ воображенію, невольно вызываетъ къ себѣ уваженіе и заставляетъ сосредоточиться.

---

[1]) Мальмезонъ былъ пріобрѣтенъ Жозефиной въ 1798 году.

Мы углубились въ разсматриванiе каждой мелочи этой комнаты, отнынѣ ставшей исторической, и царившее кругомъ насъ молчанiе лишь изрѣдка нарушалось голосомъ проводника, котораго мы время отъ времени тихо о чемъ-либо спрашивали: въ эту минуту намъ казалось, что самъ неограниченный владыка мiра присутствуетъ здѣсь.

Въ комнатѣ Жозефины не было ничего интереснаго, лишь бросалось въ глаза отсутствiе вкуса и гармонiи. Обстановка представляла изъ себя странную, безвкусную смѣсь всѣхъ цвѣтовъ и стилей, не замѣчалось ни изящной простоты, ни аристократическаго замысла, ни любви къ старинѣ—наоборотъ, здѣсь безраздѣльно царила мода—эта всемогущая властительница Парижа. Я не могла подавить въ себѣ чувства гордости при сравненiи покоевъ Жозефины съ моими комнатами въ Натолинѣ.

Единственно, что здѣсь было внѣ всякой критики—это картинная галлерея. Сразу было видно, что устройство ея было поручено человѣку опытному, съ большимъ артистическимъ чутьемъ. Фламандская школа въ ней господствовала надъ итальянской. Не желая давать здѣсь скучнаго описанiя, которое обыкновенно невѣждамъ кажется неинтереснымъ, а знатокамъ—не достаточно полнымъ, я укажу только, что въ этой галлереѣ имѣлось нѣсколько великолѣпныхъ картинъ Клодъ Лорена, Поля Потера, одна чудесная картина Рюисдаля и множество восхитительныхъ полотенъ Вувермана [1]). Что же касается архитектуры дома, то она была не только безобразна, но и вульгарна. Главный корпусъ низкiй, придавленный крышей съ мансардами. Окна узкiя и маленькiя, двери убогiя, украшенiя тяжелыя, однимъ словомъ, все носило отпечатокъ мелочности безъ простоты и претензiй—безъ величiя.

Но сады и, въ особенности, оранжереи—великолѣпны: въ нихъ столько рѣдкихъ растенiй изъ всѣхъ странъ свѣта, что легко можно вообразить себя подъ тропиками.

[1]) Большая часть этихъ картинъ находится сейчасъ въ Пинакотекѣ, въ Мюнхенѣ.

Высчитывая хотя бы приблизительно издержки на устройство и содержаніе этихъ садовъ, сразу можно замѣтить, что Жозефина больше всего любила свои растенія и цвѣты, предпочитая ихъ всей окружающей ее роскоши. Правда, она не мало тратила и на туалеты, но то, что питала императрица къ своему парку и оранжереямъ—было настоящею страстью. Сколько прелести придавалъ празднествамъ этотъ красивый, кокетливо убранный уголокъ и сколько романическихъ интригъ завязывалось въ его аллеяхъ блестящимъ придворнымъ обществомъ!

Вернувшись домой, я нашла приглашеніе, которое меня въ одно и то-же время и удивило, и обрадовало. Это было извѣщеніе отъ дежурнаго камергера о томъ, что я была приглашена «имѣть честь обѣдать въ Сенъ-Клу съ Ихъ Величествами [1]) въ тотъ день, въ шесть часовъ», а теперь уже было десять. Подобной чести удостаивались весьма немногія, а особенно иностранки. Императоръ со времени своего брака слѣдовалъ старому этикету французскаго двора и обѣдалъ только въ кругу своей семьи. Я рѣшила во всякомъ случаѣ довести до свѣдѣнія императора, что мнѣ чрезвычайно непріятна постигшая меня неудача. Къ счастью, военный министръ давалъ балъ, на которомъ долженъ былъ присутствовать императоръ, и такимъ образомъ мнѣ представлялась возможность объясниться съ нимъ, такъ какъ я надѣялась, что Наполеонъ, какъ всегда, обратится ко мнѣ съ нѣсколькими словами.

Я поѣхала на этотъ балъ раньше, чтобы занять хорошее мѣсто. Желая обратить на себя вниманіе императора, я одѣлась такъ, чтобы онъ меня замѣтилъ и надѣла всѣ свои брилліанты. Какъ я и предполагала, императоръ, увидѣвъ меня, направился ко мнѣ и, принявъ недовольный видъ, сказалъ:

---

[1]) Я сохранила это извѣщеніе вмѣстѣ съ другими документами, относящимися къ той интересной эпохѣ.

— А, графиня! вы вчера, вѣрно, поздно вернулись домой? Мы все же васъ ждали и оставили ваше мѣсто незанятымъ.

Поощренная такой любезностью, я высказала сожалѣніе, которое почувствовала, увидѣвъ по возвращеніи домой, приглашеніе—и не имѣя возможности имъ воспользоваться. Онъ слушалъ меня, улыбаясь и, повидимому, забавляясь моей досадой; а затѣмъ съ милымъ простодушіемъ напомнилъ старую пословицу:

— Что отложено, то не пропало, и въ слѣдующій разъ вы получите приглашеніе во-время.

Этотъ разговоръ, довольно длинный для того, чтобы заставить остальныхъ гостей позавидовать мнѣ, подалъ поводъ къ самымъ неумѣстнымъ предположеніямъ.

Ни одна изъ присутствовавшихъ на балу дамъ позавидовала моему, какъ онѣ выражались, положенію, что не мѣшало имъ, съ пренебрежительно напускнымъ видомъ, втайнѣ добиваться благосклонности императора.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни мнѣ сдѣлали визиты многія лица, которыя раньше совсѣмъ и не собирались этого дѣлать, а теперь явились и оставили свои визитныя карточки. Тутъ я убѣдилась, что низости одинаковы при всѣхъ дворахъ—какъ при новѣйшихъ, такъ и при самыхъ древнихъ. Какъ они всѣ были далеки отъ того, что меня тогда занимало!

Уѣхавъ съ бала, я даже и не вспомнила о томъ маленькомъ успѣхѣ, который я тамъ имѣла.

Со времени своего выздоровленія, Шарль не навѣщалъ меня такъ часто, какъ раньше, стараясь притомъ выбирать часы, когда я была не одна, а принимала постороннихъ лицъ. Однако, онъ всегда необычайно точно освѣдомлялся, что я дѣлала и не переставалъ руководить мною. Вотъ записка, которую онъ мнѣ прислалъ черезъ два дня послѣ великолѣпнаго гвардейскаго бала, о которомъ не мало писалось въ тогдашнихъ газетахъ.

«Что вы дѣлали вчера вечеромъ? Я надѣялся

встрѣтить васъ у герцогини Л. Вы должны были поѣхать къ ней, почему вы тамъ не были? Изъ боязни, что уже слишкомъ поздно, я не осмѣлился явиться къ вамъ, или—говоря откровенно—думая васъ застать одну, я не рѣшился заѣхать къ вамъ. Разрѣшите ли вы мнѣ сопровождать васъ завтра утромъ къ Жераръ? Тамъ бываютъ всѣ, чтобы посмотрѣть на портретъ графини Валевской. Я хочу васъ видѣть только при постороннихъ. Можетъ быть я и кажусь вамъ страннымъ, но не отнимайте у меня ни вашего довѣрія, ни вашей дружбы. Будьте ко мнѣ снисходительны, пожалѣйте меня! Если бы вы только знали, насколько я несчастливъ, вы поняли бы, что я болѣе, чѣмъ когда либо, нуждаюсь въ вашей снисходительной дружбѣ и достоинъ вашего уваженія».

Бываютъ въ жизни минуты, когда одно слово рѣшаетъ будущее. Эти нѣсколько строкъ вызвали объясненіе, котораго мы оба боялись и избѣгали.

Г. де-Ф... продолжалъ относиться ко мнѣ съ прежней предупредительностью. Если бы онъ искалъ постоянно случая видѣть меня одну и если бы у меня были причины не довѣрять его намѣреніямъ, конечно, я была бы насторожѣ, но его неизмѣнное упорство, съ которымъ онъ меня постоянно избѣгалъ, его постоянная грусть, причины которой я не знала, тайна, которой были окутаны его чувства и самое главное—благоразуміе, которое управляло всѣми его поступками, все это смущало меня гораздо больше, чѣмъ его прежнія ухаживанія. Впервые я осмѣлилась признаться себѣ, что люблю его и дала ему это понять. Я не могу теперь вспомнить тѣ слова, которыми я ему отвѣтила, но, очевидно, въ нихъ было столько искренности, столько горячаго волненія, что Шарль не могъ ошибиться относительно моихъ чувствъ къ нему, и все искусство опытной кокетки не могло бы сдѣлать того, что сдѣлала открытая прямота моего характера, съ которой онъ былъ хорошо знакомъ. Черезъ полчаса я получила отъ него такую записку.

«Зачѣмъ вы мнѣ писали? Вы окончательно хотите

сдѣлать меня несчастнѣйшимъ изъ людей! Мнѣ необходимо сегодня же вечеромъ видѣть васъ наединѣ».

Я была подавлена. Только единственная мысль о его счастьи могла на минуту заставить меня забыть строгость моихъ принциповъ и непоколебимое рѣшеніе никогда не нарушать своего долга. Но какъ только во мнѣ проснулась увѣренность въ безполезности этихъ жертвъ, я почувствовала искреннее отчаяніе.

Когда вечеромъ явился Шарль, онъ нашелъ меня на томъ же мѣстѣ, гдѣ я получила его отвѣтъ. Я была такъ погружена въ свои думы, что онъ даже испугался. Сидя за своимъ письменнымъ столомъ, я въ задумчивости машинально рѣзала перочиннымъ ножемъ перчатку, причемъ у меня изъ пальца показалась капелька крови, при видѣ которой, онъ, привыкшій къ опасности, пришелъ въ ужасъ.

— Что вы дѣлаете?—вскричалъ онъ, вырывая у меня ножъ.—Ради Бога, выслушайте меня! Сжальтесь надъ моимъ положеніемъ. Пришло время, когда честь налагаетъ на меня ужасную обязанность открыть вамъ все. Увидѣвъ васъ въ Польшѣ, я полюбилъ васъ горячо и преданно. До тѣхъ поръ я былъ очень легкомысленъ, и вамъ суждено было произвести во мнѣ полную перемѣну. Я часто удивлялся тому, что вы внушили мнѣ нѣчто вродѣ культа, мнѣ, который былъ далеко не робокъ съ женщинами, а вамъ я даже не осмѣлился намекнуть о своей любви! Вы были окружены въ моихъ глазахъ такимъ ореоломъ чистоты и искренности, вы были исключительно заняты своими дѣтьми и исполненіемъ своего долга, что мнѣ казалось немыслимымъ, я бы сказалъ—прямо таки—преступнымъ, пытаться совратить васъ съ истиннаго пути, а кромѣ того, вы проявили по отношенію ко мнѣ такое искреннее расположеніе, такое живое участіе, что я уѣхалъ, вполнѣ увѣренный, что вы даже не догадывались о моей любви.

— Въ присутствіи вашего мужа я просилъ и получилъ разрѣшеніе писать вамъ,—вѣдь такъ интересно было полу-

чать извѣстія изъ главной квартиры. Одно слово въ вашихъ письмахъ возродило надежду въ моемъ сердцѣ. Тогда не мало говорили объ одной женщинѣ, которая якобы послѣдовала за мной въ Германію, и мнѣ показалось, что эти нелѣпыя росказни дошли до васъ, я даже осмѣлился допустить мысль, что вы были этимъ недовольны. Страстно желая объясниться съ вами, я, не теряя ни минуты, обратился къ маршалу Даву съ просьбой разрѣшить мнѣ отправиться въ Варшаву. Если бы мнѣ было въ этомъ отказано, то я уже рѣшилъ уѣхать тайкомъ, мнѣ было только необходимо получить разрѣшеніе на эту поѣздку отъ васъ. Увы! вспомните только насмѣшливый тонъ вашего отвѣта, и вы поймете, почему я сталъ хлопотать о разрѣшеніи мнѣ вернуться во Францію. Принцъ Мюратъ не могъ простить мнѣ, что я покинулъ его штабъ, и болѣе года меня забыли въ плохенькомъ нѣмецкомъ гарнизонѣ. Мать часто писала мнѣ и утѣшала, какъ могла. Во всѣхъ письмахъ она повторяла, чтобы я былъ спокоенъ, такъ какъ одна очень вліятельная особа, тайно любившая меня, хлопочетъ о моемъ возвращеніи. И, дѣйствительно,—я получилъ приказъ—или вѣрнѣе сказать—разрѣшеніе за собственноручной подписью императора вернуться. Я твердо рѣшилъ забыть васъ, но вашъ образъ неустанно преслѣдовалъ меня, и я невольно сравнивалъ васъ съ другими женщинами. Ваша простота, искренняя веселость, та милая непринужденность, свойственная лишь полькамъ, и придававшая вамъ какую-то обворожительную прелесть, невольно вызывали сравненіе васъ съ француженками—жеманными и лишенными той оригинальности, которая дѣлаетъ васъ очаровательной и заставляетъ подчиняться вамъ. Тѣмъ не менѣе одна изъ этихъ женщинъ, имени которой вы никогда не узнаете, завладѣла моимъ сердцемъ, все время стараясь скрыть отъ меня чувство, которое она питала ко мнѣ. Это о ней упоминала мать во всѣхъ письмахъ ко мнѣ. Не отличаясь красотой, она была увѣрена, что ее никогда никто не полюбитъ и даже не пыталась никому нравиться; свое проч-

ное и благородное чувство она скрывала отъ всѣхъ, придавая ему видъ чисто братской привязанности.

— У меня были дружескія отношенія съ ея братомъ, и это дало мнѣ возможность постоянно встрѣчаться съ ней. Я долго наблюдалъ за ней, прежде чѣмъ сталъ платить ей взаимностью. Я не испытывалъ къ ней ни того влеченія, которое возбуждали во мнѣ женщины при моемъ вступленіи въ свѣтъ, ни той восторженной любви, которую лишь вы заронили въ мое сердце,—въ концѣ концовъ, имѣя тысячу доказательствъ ея преданности, я полюбилъ ее. Чѣмъ болѣе я ее узнавалъ, тѣмъ недостойнѣе мнѣ казалось обмануть ея надежды.—«Да»,—говорила она мнѣ своимъ кроткимъ голосомъ:—«если вы полюбите еще разъ другую женщину, и полюбите такъ, какъ вы любили въ Варшавѣ, я чувствую, что я умру». Эти слова сдѣлали то, что я пожертвовалъ ей своей свободой. Прошло уже два года, какъ я посвятилъ себя ея счастью и даже считалъ себя счастливымъ, видя, какъ она была горячо благодарна мнѣ за мою привязанность. Вашъ пріѣздъ сразу разрушилъ всѣ иллюзіи. Возлѣ васъ во мнѣ вновь вспыхнуло то пламенное чувство, которое мнѣ казалось уже умершимъ. Я почувствовалъ, что я возродился для надеждъ и счастья; отъѣздъ моего друга, уѣхавшаго за нѣсколько дней до вашего пріѣзда, развязалъ мнѣ руки и предалъ меня всецѣло во власть захватившаго меня могучаго чувства. Но какъ только я замѣтилъ, что моя любовь можетъ васъ тронуть, я серьезно обдумалъ свое положеніе и поведеніе и пришелъ къ заключенію, что суровый голосъ чести и долгъ заставляютъ меня бѣжать отъ васъ!!! Я много страдалъ и боролся, но самое главное—я хотѣлъ, чтобы вы сохранили ко мнѣ уваженіе. Я слишкомъ васъ хорошо знаю и слишкомъ васъ цѣню, чтобы осмѣлиться предложить вамъ сердце, связанное д о л г о м ъ съ другимъ существомъ.

— Вы такъ достойны быть единственнымъ предметомъ моего поклоненія, что, конечно, не могли бы видѣть безъ чувства возмущенія, какъ другая женщина будетъ тре-

бовать отъ меня привязанности. Если бы въ Польшѣ я посмѣлъ надѣяться, что когда-нибудь вы могли бы меня полюбить, я бросилъ бы ради васъ все—мать, родину, друзей. Ваша родина сдѣлалась бы моей и я защищалъ бы ее съ тѣмъ воодушевленіемъ, которое способна внушить лишь одна полька. Я видѣлъ, что вы окружены глубокимъ почтеніемъ, причемъ вы одинаково любезны со всѣми и ни единымъ словомъ не вызвали меня на объясненіе. Теперь я сказалъ вамъ все, я исполнилъ свой долгъ... я не обманулъ васъ и не воспользовался вашимъ трогательнымъ и благороднымъ довѣріемъ. Не требуйте отъ меня ничего больше! Берегитесь меня и моей любви. Можетъ быть, чтобы быть твердымъ, мнѣ придется отказаться отъ опаснаго счастья встрѣчаться съ вами, но вы будьте благоразумны за насъ обоихъ, вѣдь такъ трудно найти въ себѣ силы отказаться отъ васъ при мысли, что скоро судьба разлучитъ насъ быть можетъ навсегда! Вы вернетесь къ себѣ на родину, а я постараюсь быть убитымъ при первомъ же случаѣ. Вѣдь вы знаете,—прибавилъ онъ съ грустной улыбкой, — императоръ не бережетъ насъ. Могу ли я отказаться отъ скорбнаго счастья, котораго мнѣ осталось такъ немного? Вѣдь приговоренный къ смерти имѣетъ право распоряжаться своимъ послѣднимъ временемъ.

Я выслушала его молча. Было уже поздно. Въ первый разъ за все время онъ уѣхалъ отъ меня безъ сожалѣнія. Мое сердце разрывалось на части!.. Наконецъ, бурныя рыданія нѣсколько облегчили меня, и когда ко мнѣ вернулась способность размышлять, только тогда я поняла, какая пропасть разверзлась предо мной. Воздавая должное чуткой деликатности того, кто удержалъ меня отъ паденія, я поняла всю глубину опасности, которую я только что избѣжала. Мое уваженіе и восхищеніе имъ превратилось въ чувство еще болѣе восторженное и долгое время господствовало въ моемъ сердцѣ.

Образъ этой таинственной женщины, которая все время стояла между нами, былъ мнѣ ненавистенъ! Я мы-

сленно награждала ее всѣмъ очарованіемъ, котораго у нея можетъ быть и не было, но я не могла допустить, чтобы она мнѣ завидовала, такъ какъ та, которую онъ любилъ болѣе, должна была чувствовать себя менѣе несчастной.

IX.

Обѣдъ въ Сенъ-Клу.

Приглашеніе въ Сенъ-Клу.—Туалетъ.—Графиня Монтебелло.—Марія-Луиза.—Прогулка по парку.—Прошенія.—Размѣщеніе приглашенныхъ за столомъ.—Меню императора.—Версальскій замокъ.—Ленотръ и принцесса Боргезе.—Принцъ Евгеній.—Отреченіе короля голландскаго.—Нѣжности Маріи-Луизы.—Признаки войны съ Россіей.—Спектакль.—Тальма.—Завтракъ у Талейрана.—Прощаніе съ Шарлемъ де-Ф... Отъѣздъ.

Если бы я послѣдовала своему первому влеченію послѣ вышеприведеннаго объясненія, я бы немедленно покинула Парижъ, но меня удерживало тамъ дѣло, порученное мнѣ родителями мужа и заключавшееся въ томъ, чтобы выхлопотать обѣщанное императоромъ вознагражденіе въ возмѣщеніе огромныхъ убытковъ, понесенныхъ графомъ и графиней Потоцкими во время пребыванія французской арміи въ ихъ помѣстьяхъ (въ 1807 году).

Подобныя хлопоты были совсѣмъ мнѣ не по душѣ, да и вообще мнѣ претили всякаго рода дѣла, въ основѣ которыхъ была матеріальная выгода, а тутъ я совсѣмъ забросила взятое на себя порученіе, лишь изрѣдка вспоминая о немъ, хотя рано или поздно, я должна была отдать отчетъ въ своихъ хлопотахъ [1]).

---

[1]) Князь Іосифъ Понятовскій получилъ въ даръ землю, которую онъ завѣщалъ моему старшему сыну—своему крестнику. Марэ намекнулъ моему свекру, что ему будетъ отдано герцогство Ловичъ, но это обѣщаніе не было приведено въ исполненіе. Это герцогство, но безъ права пользованія, было отдано маршалу Даву.

Въ это время я получила приглашеніе въ Сенъ-Клу накануне дня, назначеннаго для пріѣзда; отказаться было немыслимо, и кромѣ того, любопытство, возбужденное во мнѣ желаніемъ увидѣть великаго человѣка въ интимной жизни, подѣйствовало на меня очень благотворно и нѣсколько отвлекало меня отъ моихъ печальныхъ думъ.

Въ это время при дворѣ былъ наложенъ трауръ. Я тотчасъ же послала къ m-me Жермонъ за необходимыми указаніями, и она отвѣтила мнѣ черезъ мою горничную, что императоръ не любитъ чернаго цвѣта и что у дамы, удостоенной чести быть приглашенной въ интимный кружокъ Ихъ Величествъ, траурный туалетъ, въ особенности въ деревнѣ, долженъ быть весь бѣлый и состоять изъ круглаго платья и фантастической прически, и что все необходимое я получу на слѣдующій день къ двѣнадцати часамъ.

Въ половинѣ шестого я была уже у рѣшетки Сенъ-Клу.

Часовой не сразу пропустилъ во дворъ мою карету и мнѣ пришлось вызвать дежурнаго камергера, который проводилъ меня въ гостиную.

Здѣсь, въ качествѣ гофмейстерины, меня встрѣтила герцогиня Монтебелло и приняла меня довольно холодно, тѣмъ еще болѣе усиливъ мое неловкое положеніе, такъ какъ я не встрѣтила здѣсь ни одного изъ своихъ знакомыхъ. Какъ потомъ оказалось, это была ея обычная манера обращенія, которой она придерживалась со всѣми,—что не мѣшало ей имѣть преданныхъ друзей и искреннихъ поклонниковъ,—и этимъ она была обязана столько же своей красотѣ, сколько и уваженію, которое она внушала всѣмъ, знавшимъ ее близко.

Ровно въ шесть часовъ вышла императрица, въ сопровожденіи одной статсъ-дамы, принадлежавшей къ прежней старой аристократіи. Имени ея я не помню. Про нее говорили, что она прекрасно знала придворный церемоніалъ Людовика XVI,—достоинство, весьма цѣнное

въ то время, особенно въ виду прiѣзда молодой государыни. Марiя-Луиза была одѣта очень просто—въ бѣлое платье, обшитое внизу черной лентой,—это и былъ траурный туалетъ, о которомъ я говорила.

Спустя минуту въ гостиную вошли принцесса Боргезе, императоръ и герцогъ Вюрцбургскiй, дядя императрицы, тотъ самый, который сопровождалъ ее въ Парижъ. За ними слѣдовалъ Монталивэ, министръ внутреннихъ дѣлъ—вотъ и всѣ!..

Ни свиты, ни пышности—по семейному.

Сказавъ мнѣ нѣсколько словъ, императоръ позвонилъ и спросилъ, поданы ли экипажи, и получивъ утвердительный отвѣтъ, предложилъ намъ сдѣлать маленькую прогулку по парку. Онъ подалъ руку императрицѣ и они сѣли въ изящную коляску, запряженную по-англiйски шестью великолѣпными гнѣдыми лошадьми. Трое придворныхъ конюховъ въ зеленыхъ ливреяхъ, вышитыхъ золотомъ, сопровождали экипажъ. Мы слѣдовали за императорской коляской въ хорошенькой, шестимѣстной, совершенно открытой корзинкѣ.

Герцогъ Вюрцбургскiй имѣлъ очень смущенный видъ и лишь изрѣдка перебрасывался словами съ принцессой Боргезе, въ которую онъ, говорятъ, былъ влюбленъ, хотя глядя на нихъ этого совсѣмъ нельзя было предположить. Царившее въ нашей коляскѣ молчанiе нарушалось жалобами трехъ дамъ, которыя поѣхали безъ шляпъ и теперь были беззащитны отъ пыли и солнца.

Такимъ образомъ мы объѣхали въ теченiе получаса весь паркъ, причемъ все время лошади бѣжали крупной рысью.

Когда на поворотахъ дороги бѣгъ лошадей замедлялся, я замѣтила, какъ нѣсколько лицъ по знаку императора бросали въ его коляску прошенiя.

Эти прогулки были одной изъ тѣхъ фантазiй императора, въ которой онъ находилъ немалое удовольствiе и, разумѣется, на это никто не осмѣливался ничего возразить.

Когда коляска императора остановилась, оказалось, что передняя скамейка была завалена прошеніями. Дежурный камергеръ по приказанію императора передалъ ихъ государственному секретарю. Потомъ я узнала, что каждое утро Наполеону прочитывали поданныя наканунѣ прошенія и онъ тутъ же самъ диктовалъ на нихъ резолюціи.

Когда мы возвратились съ прогулки, столъ былъ уже накрытъ. Императоръ сдѣлалъ знакъ Маріи-Луизѣ, и она, взявъ подъ руку дядю, пошла въ столовую. Онъ послѣдовалъ за ними, а затѣмъ вошли и мы, за исключеніемъ дежурной статсъ-дамы и герцогини Монтебелло, которыя, къ моему сильному удивленію, прошли въ сосѣднюю залу, гдѣ былъ накрытъ столъ на тридцать кувертовъ для дежурныхъ придворныхъ дамъ и чиновъ двора, подъ предсѣдательствомъ маршала Дюрока.

Слѣдуя за ихъ величествами, я замѣтила маршала Даву, стоявшаго на дежурствѣ въ качествѣ начальника императорской гвардіи. Признаюсь, я не безъ удовольствія дружески кивнула ему, проходя мимо, и тѣмъ отплатила ему и его женѣ за надменный тонъ во время пребыванія ихъ въ Польшѣ.

Императорскій столъ имѣлъ форму удлиненнаго четыреугольника. Императрица и ея дядя—лица безъ словъ—сидѣли съ одной стороны стола, Наполеонъ—противъ нихъ, а по сторонамъ его—два пустыхъ прибора. Принцесса Боргезе и я занимали третью сторону стола, а Монталивэ—помѣстился напротивъ насъ.

Императоръ обыкновенно оставлялъ обѣдать того министра, съ которымъ онъ утромъ занимался и продолжалъ съ нимъ разговоръ о вещахъ, хотя и не столь важныхъ, но все же имѣющихъ отношеніе къ утреннимъ занятіямъ.

Былъ конецъ іюля. Окна были открыты и лучи солнца пробивались сквозь листву деревьевъ, но несмотря на это, всѣ канделябры были зажжены. Этотъ двойной свѣтъ производилъ чрезвычайно непріятное впечатлѣніе. Это

была странная причуда, но мнѣ потомъ говорили, что императоръ иначе не обѣдаетъ. За его стуломъ стоялъ пажъ, съ салфеткой въ рукѣ, который, каждый разъ, когда подносилось какое-либо блюдо, протягивалъ руку, чтобы передать его императору, но тотъ, не дожидаясь, самъ бралъ кушанье у лакея.

Казалось, намъ прислуживали сильфы: съ такой быстротой и такъ неслышно двигались лакеи. Наполеонъ ѣлъ мало и очень быстро, и самыя любимыя его блюда были самыя простыя. Среди обѣда императору подали на мелкой тарелкѣ артишоки à la poivrade, которыхъ не было въ общемъ меню. Онъ засмѣялся и предложилъ намъ раздѣлить съ нимъ его скромное блюдо, причемъ очень расхваливалъ это незатѣйливое кушанье. Разумѣется, это блюдо никого не соблазнило и онъ, поставивъ передъ собой тарелку, очистилъ ее всю самъ!

Что же касается императрицы, то она наоборотъ, удѣляла очень много вниманія подаваемымъ кушаньямъ, причемъ ни отъ одного изъ нихъ не отказывалась и, повидимому, была очень недовольна быстротой, съ какой одно блюдо слѣдовало за другимъ. Въ концѣ обѣда императоръ прервалъ молчаніе и, обращаясь къ Монталивэ, спросилъ о ходѣ работъ по реставраціи Версальскаго дворца.

— Я хочу,—сказалъ онъ:—забавлять парижанъ, какъ въ былое время,—пусть фонтаны бьютъ каждое воскресенье. Но неужели правда, что при Людовикѣ XVI это удовольствіе каждый разъ стоило сто тысячъ франковъ?

И получивъ отъ министра утвердительный отвѣтъ, онъ воскликнулъ:

— Оказывается, любоваться каскадами стоитъ слишкомъ дорого! Ну, а если я откажу парижскимъ зѣвакамъ въ удовольствіи, которое они любятъ больше всего, развѣ они поймутъ, что я хочу употребить такую огромную сумму на болѣе полезное дѣло?

Продолжая разговоръ о громадныхъ садахъ королев-

ской резиденціи, Наполеонъ сталъ припоминать имя Ленотра, ихъ устроителя.

По странной случайности, Монталивэ тоже забылъ его, и они тщетно ломали голову, стараясь вспомнить знаменитое имя.

Я осмѣлилась и шепнула его на ухо принцессѣ Боргезе, а она его громко произнесла.

— А,—произнесъ Наполеонъ,—но вѣдь это не вы вспомнили. Я готовъ спорить, что вы даже не знаете, существовалъ ли Ленотръ вообще когда-либо на свѣтѣ; вѣдь онъ умеръ не въ ваше время! И онъ бросилъ на меня восхищенный взглядъ.

Обѣдъ подходилъ къ концу, когда дежурный камергеръ доложилъ императору, что вице-король итальянскій ожидаетъ его въ саду. Онъ быстро всталъ изъ-за стола, не давъ Маріи-Луизѣ окончить мороженое. Это такъ ее раздосадовало, что она не удержалась и пожаловалась своему дядѣ.

Послѣ обѣда мы вернулись въ гостиную, куда уже прошли обѣ дежурныя придворныя дамы. Всѣ окна, выходившія на главную аллею парка, были раскрыты.

Принцъ Евгеній въ сильномъ волненіи прохаживался по аллеѣ. Замѣтивъ Наполеона, онъ тотчасъ же пошелъ ему навстрѣчу.

Разговоръ велся очень оживленно и, повидимому, касался важныхъ предметовъ. Императоръ жестикулировалъ, какъ настоящій корсиканецъ, а принцъ старался его успокоить, но все же было замѣтно, что императоръ чѣмъ-то недоволенъ. Голоса собесѣдниковъ долетали до насъ, но слова относились вѣтромъ.

Между тѣмъ въ гостиной Монталивэ старался занимать насъ банальными разговорами, чтобы наше молчаніе не имѣло такого вида, будто мы прислушиваемся къ происходящему въ саду разговору.

Императрица не проронила ни слова. Сидя возлѣ своего дяди, который, подобно ей, невозмутимо молчалъ, она разсѣянно смотрѣла въ окно, ничуть не безпокоясь о

томъ, что происходило въ саду, гдѣ бесѣда между тѣмъ принимала все болѣе и болѣе возбужденный характеръ.

Такъ какъ рано или поздно все дѣлается извѣстнымъ, а особенно при дворѣ, гдѣ всегда насторожѣ столько глазъ и ушей, то и мы вскорости узнали, что служило предметомъ бурнаго разговора въ саду.

Вице-король, по порученію своего зятя, короля голландскаго, привезъ Наполеону отказъ его отъ престола и, исполнивъ это щекотливое порученіе, вынужденъ былъ оправдать его въ глазахъ императора.

Наконецъ, Наполеонъ вернулся въ гостиную со строгимъ, но спокойнымъ лицомъ. Онъ направился прямо къ Монталивэ и сказалъ ему, что завтра, въ пять часовъ утра онъ отправится въ маленькій Тріанонъ, который приготовлялся для молодой государыни. Марія-Луиза стала настойчиво просить, чтобы и ей было разрѣшено участвовать въ этой поѣздкѣ, обѣщая не заставлять себя ждать и быть готовой къ назначенному часу.

Императоръ въ очень мягкой формѣ отказалъ ей, подъ предлогомъ, что въ ея положеніи необходимо избѣгать утомленія, причемъ спросилъ мнѣніе герцогини де-Монтебелло и та подтвердила его слова. Но Марія-Луиза, какъ настоящее избалованное дитя, не успокоилась, а продолжала настаивать, увѣряя, что докторъ велѣлъ ей гулять, и въ надеждѣ добиться своего, она стала ласкаться къ мужу и положила ему руку на плечо. Эта фамильярность при посторонних видимо не понравилась Наполеону; онъ тихо снялъ съ плеча руку своей молодой жены, причемъ все же нѣжно пожалъ ее.

Затѣмъ императоръ подошелъ ко мнѣ, и удалившись со мной въ амбразуру окна, спросилъ, какія извѣстія получила я изъ Польши и правда ли, что императоръ Александръ угрожаетъ конфискаціей имущества тѣмъ изъ своихъ подданныхъ, которые не вернутся въ Россію.

Получивъ утромъ письмо отъ свекра, я могла подтвердить фактъ, въ которомъ императоръ, повидимо-

му, сомнѣвался, причемъ я сказала, что необходимо поторопиться съ отъѣздомъ.

— Не безпокойтесь,—сказалъ онъ съ милой, присущей лишь ему одному улыбкой,—веселитесь и не думайте еще укладывать свои вещи.

Такія, случайно брошенныя фразы давали возможность предполагать о войнѣ съ Россіей, хотя громко говорить объ этомъ никто не рѣшался; тѣмъ не менѣе, въ виду грандіозныхъ приготовленій, всѣ считали эту войну неизбѣжной.

— Что привезти вамъ изъ Индіи?—спрашивалъ меня одинъ изъ вліятельнѣйшихъ людей того времени.

— Можетъ быть изъ Москвы или Петербурга?—отвѣчала я, желая выпытать у него истину.

— Возможно, что мы и пройдемъ черезъ эти города, но я думалъ, что вы пожелаете болѣе рѣдкаго подарка. Мы нанесли визитъ пирамидамъ, и теперь было бы справедливо заглянуть къ нашимъ далекимъ соперникамъ.

То, что я сейчасъ разсказываю, можетъ показаться выхваченнымъ изъ «Тысячи и одной ночи», но я поставила себѣ за правило ни на іоту ни въ чемъ не уклоняться отъ истины, а въ тѣ времена всѣ такъ привыкли къ всевозможнымъ чудесамъ, что все сверхестественное казалось возможнымъ, а невозможное—вполнѣ осуществимымъ.

Вернусь къ тому дню, который я провела въ Сенъ-Клу и который занимаетъ видное мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ.

Этотъ день закончился чуднымъ спектаклемъ. Тальма игралъ Манлія. Это былъ настоящій тріумфъ этого удивительнаго актера, соединявшаго съ красотой голоса благородства позъ, жестовъ и необычайно правильные черты лица. Когда онъ надѣвалъ на себя лавровый вѣнокъ, онъ напоминалъ древняго тріумфатора, входящаго въ колесницу, запряженную рабами: въ этотъ моментъ забывали актера и видѣли только героя. Особенно замѣчательно было его сходство съ Наполеономъ—глав-

нымъ образомъ—въ профиль. Они были похожи на двухъ братьевъ, но различались своими взглядами: у одного онъ былъ глубокій, а у другого—искусственно серьезный.

Парижъ толпами валилъ на эти представленія, но такъ какъ зала была не велика, то для полученія мѣста пускались на разныя интриги. Ложи раздавались самимъ императоромъ, а билеты въ партеръ и галлерею можно было получить отъ высшихъ придворныхъ чиновъ. Мой билетъ давалъ мнѣ право на мѣсто въ ложѣ посланниковъ, находившейся какъ разъ рядомъ съ императорской, и, такимъ образомъ, я могла наслаждаться сразу двумя одинаково интересными зрѣлищами.

Я замѣтила, что Наполеонъ, любившій хорошіе стихи, въ нѣкоторые моменты желалъ подѣлиться съ молодой императрицей если не своимъ энтузіазмомъ, то испытываемымъ имъ удовольствіемъ, но Марія-Луиза, не двигаясь сидѣла въ своемъ креслѣ съ золотыми орлами, скучающимъ взглядомъ обводя публику и, лишь подъ вліяніемъ особенно восторженныхъ замѣчаній Наполеона, изрѣдка бросала взглядъ на сцену. Императоръ съ удивительнымъ терпѣніемъ выносилъ это апатичное равнодушіе своей жены.

Послѣ спектакля, окончившагося около одиннадцати часовъ, ихъ величества откланялись и удалились. Вслѣдъ за тѣмъ вся дорога въ Парижъ, блестяще освѣщенная, наполнилась быстро катившимися экипажами присутствовавшихъ при этомъ вдвойнѣ королевскомъ зрѣлищѣ: такъ была изумительна игра Тальмы [1]).

Такъ кончился этотъ интересный день, но онъ имѣлъ самыя смѣшныя послѣдствія.

---

[1]) Этотъ обѣдъ происходилъ 22 іюня 1810 г. Вотъ текстъ полученнаго графиней приглашенія: «По приказанію Императора дежурный камергеръ имѣетъ честь извѣстить графиню Потоцкую, что она внесена въ списокъ лицъ, приглашенныхъ къ столу Ихъ Величествъ, сегодня, въ пятницу, 22 іюня, въ 6 часовъ во дворцѣ Сенъ-Клу.

Сенъ-Клу сего 22 іюня 1810 г.

Талейранъ, который никогда до сихъ поръ не бывалъ у меня и ограничивался лишь тѣмъ, что оставлялъ свою карточку у моего швейцара, на другой день явился ко мнѣ и сталъ очень ловко разспрашивать меня о подробностяхъ вчерашняго обѣда, о всемъ, что я видѣла и слышала, сверхъ ожиданія былъ необычайно любезенъ, съ необыкновенной похвалой отзывался о Польшѣ и кончилъ тѣмъ, что пригласилъ къ себѣ въ библіотеку завтракать. Я охотно приняла это приглашеніе и—такъ какъ я рѣшила говорить только правду,—сознаюсь, что никогда не проводила время такъ пріятно. Талейранъ любезно показалъ мнѣ свои сокровища, и вполнѣ естественно, что у этого знатока были собраны прекраснѣйшія, рѣдчайшія и драгоцѣннѣйшія изданія. Кромѣ того, у него была особая, ему одному присущая манера показывать свои книги: онъ ничего не говорилъ о нихъ такого, что было бы о нихъ извѣстно, а непремѣнно что-либо новое, интересное, доселѣ невѣдомое. О себѣ онъ говорилъ очень мало, а главнымъ образомъ о тѣхъ выдающихся людяхъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться. Онъ обладалъ тѣмъ всестороннимъ образованіемъ, которое доступно только вельможѣ, имѣющимъ полную возможность посвятить любимому занятію все свободное время. Заканчивая эту лестную, но далеко не льстивую характеристику этого выдающагося человѣка, я замѣчу, что Талейранъ обладалъ удивительной способностью, говоря о настоящемъ, заставить васъ забыть о его прошломъ.

Послѣ этого меня стали осаждать самые разнообразные посѣтители! Ко мнѣ явились даже съ предложеніемъ занять самые лучшіе дома, предполагая, что теперь я, конечно, не уѣду изъ Парижа. Нашлись даже такіе субъекты, которые осмѣлились совѣтовать мнѣ не отталкивать отъ себя такое—по ихъ словамъ—необычайное счастье. Вотъ тутъ-то предо мной вполнѣ открылась вся низость и развращенность придворныхъ! Что бы они подумали, если бы могли прочесть въ глубинѣ моего серд-

ца, что я съ величайшей радостью готова промѣнять это блестящее положеніе на ту скромную жизнь, которую я вела впродолженіе послѣднихъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ?..

Шарль де-Ф... пріѣхалъ проститься со мной какъ разъ въ ту минуту, когда я менѣе всего этого ждала.

Вполнѣ оправдывая взятый мною по отношенію къ нему тонъ, который онъ называлъ избыткомъ благоразумія, онъ тѣмъ не менѣе очень страдалъ, съ трудомъ перенося создавшееся положеніе. Слишкомъ чуткій, чтобы не догадаться и не оцѣнить все мужество, которымъ я должна была вооружиться для борьбы съ чувствомъ любви къ нему, онъ посвятилъ мнѣ все свое уваженіе и привязанность, на которыя я могла разсчитывать впродолженіе всей жизни. Поэтому я позволила себѣ подарить ему свой портретъ съ надписью, заимствованной изъ поэмы Легувэ:

«Менѣе, чѣмъ любовница, и болѣе, чѣмъ другъ».

Стукъ закрывшейся въ послѣдній разъ за Шарлемъ двери долго потомъ раздавался у меня въ ушахъ!.. Я слышала его во снѣ и просыпаясь, вскакивала!.. Только время смягчило мою печаль, и когда я возвратилась къ своимъ дѣтямъ, чувство уваженія и благодарности къ другу, удержавшему меня для священныхъ обязанностей жены и матери, медленно и постепенно одержали, наконецъ, верхъ надъ воспоминаніями—сладкими и въ тоже время мучительными...

Я покинула Парижъ безъ сожалѣнія; этотъ городъ былъ свидѣтелемъ моей первой печали, той печали, которую можетъ назвать несчастьемъ только тотъ, кто не испыталъ несчастій болѣе тяжкихъ и непоправимыхъ.

НАПОЛЕОНЪ I-й вручаетъ Хартію Вольностей Правительству Герцогства Варшавскаго въ 1807 году.

(Картина Бачіарелли въ Крулевскомъ Замкѣ). Начиная слѣва, стоятъ: В. Соболевскій, К. Дзялынскій, П. Бѣлиньскій, Л. Гутаковскій, Я. Лущевскій, С. Малаховскій, затѣмъ—маршалы Бассано и Талейранъ. Справа Ст, Потоцкій и Ж. Выбицкій.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Великое герцогство Варшавское.

I.

Биньонъ.

(1811—1812).

Рожденіе графа Морица Потоцкаго.—Дворъ Фридриха-Августа.—Г. де-Серра.—Князь Іосифъ Понятовскій. — Его характеръ. — Рожденіе Короля Римскаго.—Энтузіазмъ поляковъ.—Поѣздка князя Іосифа Понятовскаго въ Парижъ.—Полина.—Господинъ Биньонъ.—«Уголокъ».—Господинъ Биньонъ и польскія дѣла.

Текущей зимой я испытала большую радость, вслѣдствіе чего я на время лишена была возможности интересоваться политическими событіями: 13 января 1812 года въ семь часовъ утра я родила сына, при обстоятельствахъ, точно предсказанныхъ маленькой ворожеей.

Въ первый разъ въ жизни у меня явилось желаніе, чтобы крестный отецъ моего ребенка былъ королевской крови! Я льстила себя надеждой добиться этой милости у самого великаго Наполеона, собиравшагося возстановить Польшу, а пока сыну просто только нарекли имя почему—я и сама не знаю—Морица (Маврикія).

Дорогое дитя! Какой ты былъ прелестный! ни разу ни крики, ни плачъ не искажали твоего полненькаго и свѣжаго личика, ты былъ предметомъ обожанія твоей матери и радостью всего дома, такъ всѣ тебя любили! Я

еще разъ благодарю тебя за то счастье, которое ты мнѣ далъ.

Когда я вернулась въ Польшу, мы принадлежали королю Саксонскому[1]), которому Наполеонъ отдалъ насъ,— или, вѣрнѣе, присоединилъ, не зная, что дѣлать съ великимъ герцогствомъ Варшавскимъ, которое онъ создалъ мимоходомъ, предоставивъ теперь времени и обстоятельствамъ его расширеніе.

Созданіе герцогства Варшавскаго—было нашей завѣтнѣйшей мечтой, а пока въ ожиданіи лучшаго мы имѣли монархомъ человѣка необычайно нравственнаго, который съ мудрой и чисто-отеческой заботливостью устраивалъ благосостояніе своей страны. Король и королева[2]), оба пожилые, были окружены людьми, которые напоминали уснувшихъ придворныхъ изъ сказки о «Спящей Красавицѣ». Казалось, что жизнь среди нихъ остановилась сто лѣтъ назадъ, но зато они отличались твердыми принципами, рѣдко встрѣчающимся теперь безкорыстіемъ и культурными, чрезвычайно-вѣжливыми манерами.

Правленіе, дарованное намъ Наполеономъ, своей формой напоминало внутренній распорядокъ рейнскихъ государствъ и сосредоточивалось въ рукахъ семи министровъ[3]), составлявшихъ совѣтъ, во главѣ съ предсѣдателемъ. Эта гептархія, отличаясь на первый взглядъ національнымъ оттѣнкомъ, на самомъ дѣлѣ была всецѣло подчинена вліянію французскаго резидента, который является для края настоящимъ проконсуломъ съ властью, почти неограниченной. Правда, въ особо-исключитель-

---

[1]) Фридрихъ-Августъ I (1750—1827), внукъ короля польскаго Августа II.

[2]) Марія-Амелія Цвейбрюккенъ (1751—1828).

[3]) «Среди этихъ министровъ трое заслуживаютъ, чтобы о нихъ упомянуть особо». Биньонъ: «Souvenirs d'un diplomate», стр. 40. Онъ называетъ: «графъ Станиславъ Потоцкій свекоръ автора этихъ мемуаровъ: это образованный человѣкъ, одушевленный лучшими намѣреніями; князь Іосифъ Понятовскій— «Баяръ Имперіи»; графъ Лубенскій».

ныхъ случаяхъ дозволялось обращаться съ просьбой къ самому императору, черезъ посредство статсъ-секретаря, состоявшаго при королѣ и вѣдающаго исключительно дѣла великаго герцогства.

Когда я пріѣхала изъ Парижа, французскимъ резидентомъ былъ г. де-Серра, женевскій дворянинъ, человѣкъ довольно чопорный и педантичный. По словамъ ученыхъ, это былъ великій латинистъ, но онъ совсѣмъ не обладалъ искусствомъ вести бесѣду и не имѣлъ ни достоинствъ, ни недостатковъ націи, представителемъ которой онъ являлся. Его уважали, но не любили.

Рѣзкій въ спорахъ, онъ вносилъ въ нихъ свою желѣзную волю, и вслѣдствіе этого пользовался успѣхомъ у императора. Часто мой свекоръ, бывшій предсѣдателемъ Совѣта, возвращался изъ засѣданія въ отчаяніи отъ требованій г. де-Серра. Напрасно доказывали ему, что страна, истощенная вслѣдствіе долгаго пребыванія арміи, совсѣмъ не имѣетъ средствъ, онъ ничего не хотѣлъ слушать и отвѣчалъ только слѣдующее:

— Однако, это необходимо, господа, и это такъ и будетъ, ибо этого требуетъ императоръ.

Тогда прибѣгали къ послѣднему средству и обращались къ верховному владыкѣ, по приказанію котораго давались нѣкоторыя обѣщанія, а самъ резидентъ получалъ приказаніе выждать время, но ни въ чемъ не уступать [1]).

Всецѣло преданный Талейрану, которому онъ былъ обязанъ своимъ положеніемъ, г. де-Серра въ глубинѣ души не любилъ Наполеона. Иногда онъ пускался въ откровенности съ тѣми изъ министровъ, на скромность которыхъ можно было положиться, но это нисколько не

[1]) Какъ мы были далеки отъ того, чтобы предвидѣть будущее, когда стонали подъ управленіемъ, исполненнаго деспотическаго равнодушія! Подобно женщинамъ, сожалѣющимъ даже о тиранствѣ того, кого онѣ любили, съ какимъ горькимъ чувствомъ должны мы были говорить объ этомъ времени надежды и славы!

уменьшало его рвенія, съ которымъ онъ исполнялъ получаемыя изъ Парижа приказанія.

Императоръ возвратилъ намъ національные цвѣта, языкъ, учрежденія и армію, во главѣ которой стоялъ князь Понятовскій.

Трудно представить себѣ человѣка, болѣе достойнаго, чѣмъ князь, командовать пятьюдесятью тысячами храбрецовъ, служившихъ подъ его начальствомъ. Солдаты его обожали, такъ какъ онъ дѣлилъ съ ними всѣ опасности и лишенія, и по малѣйшему его знаку бросались исполнять то, чего другіе добивались суровой дисциплиной. Въ его характерѣ соединялись необычайные контрасты. Будучи полнымъ господиномъ у себя дома, онъ все же охотно шелъ на уступки изъ любви къ спокойствію, но при трудныхъ обстоятельствахъ, которыми была полна его жизнь, онъ проявлялъ мужественную энергію: съ этого момента частный человѣкъ уступалъ мѣсто общественному дѣятелю, для котораго достоинство родины было дороже всего. Подобная смѣсь героизма со слабостью была удивительна еще и потому, что въ ней совершенно не было мѣста самолюбію, а тѣмъ болѣе тщеславію. Быть можетъ, исторія поставитъ ему это въ упрекъ: вѣдь то исключительное положеніе, которое онъ занималъ, могло бы возвысить его до трона и такимъ образомъ обезпечить существованіе родной страны. Тѣмъ не менѣе его благородныя качества, необычайное мужество и славная смерть, сдѣлали изъ него героя, чье высокочтимое имя осталось навсегда дорогимъ для его родины.

Письма, приходившія изъ Парижа, содержали лишь подробное описаніе пышныхъ торжествъ по случаю окончанія шести недѣль послѣ родовъ молодой государыни, которая, произведя на свѣтъ столь страстно ожидаемаго наслѣдника, вполнѣ осуществила желанія своего супруга, упрочивъ тронъ за новой династіей.

Празднества и костюмированные балы, на которыхъ, казалось, ожили всѣ боги Олимпа, смѣняли другъ друга.

Королева Неаполитанская явилась на нихъ Минервой, а ея сестра, красавица Полина—Венерой.

Уже давно армія не пользовалась такимъ долгимъ перемиріемъ. Присутствіе знатной молодежи, жаждущей отдыха и развлеченій, придавало еще болѣе блеска всѣмъ празднествамъ.

Но среди всеобщаго упоенія стали просачиваться, невѣдомо откуда, таинственные слухи, не оставлявшіе сомнѣнія въ возможности войны,—войны, въ которой Наполеонъ собирался поставить на карту свою имперію и свою славу и, подобно Ксерксу, стать во главѣ ста народовъ. Время шло въ дипломатическихъ переговорахъ. Наполеонъ требовалъ, чтобы императоръ Александръ принесъ ему въ жертву Англію. Хорошо учитывая всю опасность сопротивленія, государь не могъ рѣшиться измѣнить свою систему и выжидалъ, въ чемъ ему очень помогалъ мирный по характеру французскій посолъ Коленкуръ. Очарованный благородствомъ Александра и оказываемымъ ему довѣріемъ, онъ сдерживалъ воинственный пылъ своего повелителя.

Князь Понятовскій, отправленный отъ имени короля Саксонскаго и правительства для принесенія поздравленій императору Наполеону и для выраженія радостныхъ чувствъ польскаго народа по случаю рожденія столь пламенно ожидаемаго наслѣдника[1]), вернувшись изъ Парижа, не привезъ оттуда никакихъ точныхъ извѣстій относительно войны. Дворъ ликовалъ и веселился, и если находились настроенные скептически умы, то ихъ почти не слушали, такъ какъ императоръ еще молчалъ.

Князь Понятовскій былъ принятъ въ Парижѣ съ необыкновеннымъ почетомъ и ему былъ оказанъ самый лестный пріемъ. Его красота и благородство доставили ему необычайный успѣхъ. Полина также не осталась

[1]) «Если радость для своего выраженія и нашла себѣ лицемѣровъ, то никакъ не въ Польшѣ: пушки Варшавы были искреннимъ эхомъ пушекъ Инвалидовъ». Биньонъ, стр. 51.

равнодушной къ нашему герою, и онъ могъ прибавить къ своему списку любовныхъ побѣдъ еще одно женское сердце.

Неожиданно г. де-Серра получилъ приказаніе отправиться въ Дрезденъ, а на его мѣсто въ Варшаву явился г. Биньонъ. Мы такъ и не узнали причины этой перемѣны, и самъ г. де-Серра увѣрялъ, что онъ ея не знаетъ. Какъ бы то ни было—въ Дрезденѣ его ожидала смерть. Назначеніе Биньона было встрѣчено Совѣтомъ съ большимъ удовольствіемъ въ виду того, что онъ лучше понималъ дѣла и не такъ старался угождать своему повелителю.

Что же касается общества, то оно совсѣмъ не было довольно этимъ назначеніемъ—вообще, мы не сумѣли оцѣнить г. Биньона такъ, какъ онъ того заслуживалъ. Но онъ самъ скрывалъ подъ вульгарной и буржуазной личиной свои рѣдкія и выдающіяся качества, которыя съ необычайной силой обнаружились лишь впослѣдствіи.

Вынужденный по своему положенію держать открытый домъ, онъ чрезвычайно неловко устраивалъ свои пріемы, и поэтому я не разъ смѣялась надъ нимъ. Онъ постоянно повторялъ на всѣ лады одну и ту же фразу:

— Ну, зачѣмъ вы забились въ этотъ уголокъ? кто бы могъ догадаться искать васъ въ этомъ уголкѣ? Но разъ я васъ нашелъ въ этомъ уголкѣ, разрѣшите мнѣ зайти къ вамъ на минутку и раздѣлить ваше одиночество... А! вы въ своемъ уголкѣ!.. Какая несправедливость такъ прятаться!.. Вы забрались сюда, чтобы наблюдать изъ этого уголка и смѣяться надъ нами!..

Находился ли онъ среди блестящаго общества или сидѣлъ на одинокомъ диванѣ вдовствующей нѣмецкой герцогини—всюду этотъ «уголокъ» не покидалъ его. Если иногда обязанности хозяина дома не позволяли ему удѣлить время на длинные разговоры, онъ мимоходомъ обращался съ нѣсколькими или шутливыми, или милостивыми словами, смотря по тому лицу, къ кому онъ обращался.

Кто бы могъ подумать, что черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ застѣнчивый человѣкъ превратится въ увлекательнаго оратора, въ выдающагося публициста и писателя, которому Наполеонъ поручитъ изложить для потомства его удивительную исторію? [1]) Кто бы могъ тогда подумать, что г. Биньонъ сдѣлается выдающимся лицомъ, рѣчами котораго въ Палатѣ восхищались его соотечественники? Кто бы могъ предсказать, что онъ будетъ отстаивать съ такимъ краснорѣчіемъ нашу независимость, которую мы защищали передъ всей Европой, причемъ его благородный примѣръ вызоветъ безчисленныхъ подражателей [2]).

Если мы иногда по легкомыслію и были несправедливы по отношенію къ Биньону, то зато мы никогда не были неблагодарными, и г. Биньонъ оставилъ въ польскихъ сердцахъ неизгладимое чувство признательности. Сознаюсь, что для меня лично это превращеніе казалось какимъ-то чудомъ, и тутъ я поняла, что надо остерегаться судить государственнаго человѣка въ гостиной, особенно, если онъ не родился въ ней.

Вотъ гдѣ крылся секретъ вульгарности г. Биньона! Въ Совѣтѣ ему было оказано предпочтеніе передъ б л а г о р о д н ы м ъ г. де-Серра, за которымъ тѣмъ не менѣе не признали никакихъ выдающихся качествъ.

---

[1]) «Я завѣщаю барону Биньону 100.000 фр.: онъ взялся написать исторію французской дипломатіи съ 1792 до 1815 г.». Завѣщаніе Наполеона.—Биньонъ, дѣйствительно, написалъ «Histoire de France sous Napoleon съ 18 Брюмера до 1812 года» (10-й т. 1829—1830).

[2]) Биньонъ нѣсколько разъ защищалъ польскую независимость въ Палатѣ депутатовъ и въ сессію 1813 года онъ помѣстилъ въ «l'Adresse» Палаты параграфъ относительно почтенія, которое подобаетъ «національности столько же несчастной, сколько и героической». О Биньонѣ см. Минье, «Portraits et notices», т. II.

II.

Приготовленія къ походу въ Россію.

(1812).

Объявленіе войны. — Польская армія. — Свиданіе Наполеона и Франца въ Дрезденѣ. — Марія-Луиза и Беатриса д'Эсте. — Сеймъ. — Прибытіе архіепископа Малиньскаго. — Его внѣшность. — Г. Андре. — Герцогъ де-Брогли. — Г. де Бреваннъ. — Помѣщеніе посланника. — Его скупость. — Князь Чарторыйскій, предсѣдатель Сейма. — Матушевичъ. — Князь Адамъ. — Рѣчь князя Чарторыйскаго. — Кокарды. — Отвѣтъ императора.

Наконецъ, весною 1812 года, война была объявлена и вся Европа всколыхнулась подъ побѣдоносными орлами Наполеона.

Принимая во вниманіе число націй, слѣдовавшихъ подъ французскими знаменами, самые скептическіе умы не могли сомнѣваться въ успѣхѣ этого смѣлаго предпріятія. Кто могъ оказать сопротивленіе подобнымъ силамъ, подъ начальствомъ подобнаго человѣка?.. И у поляковъ вновь воскресла надежда увидѣть возрожденнымъ свое отечество—великимъ и могущественнымъ—такимъ, какимъ оно должно бы было быть, дабы бороться за свою свободу и служить оплотомъ цивилизаціи. Одного слова того, кто вершилъ судьбы міра, достаточно было бы, чтобы наши силы утроились и у насъ съ новой силой вспыхнула увѣренность въ побѣдѣ или, по крайней мѣрѣ, въ спокойномъ существованіи и благодаря этому магическому слову было бы сохранено наше существованіе, причемъ мы избѣгли бы безпримѣрныхъ бѣдствій!

Какъ только распространилось извѣстіе о войнѣ, вся молодежь, не ожидая призыва, бросилась къ оружію. Ни угрозы Россіи, ни разсчеты и опасенія родителей не могли остановить этого патріотическаго порыва, который по своему энтузіазму и самоотверженію напоминалъ движеніе 1806 года, но только теперь было гораздо больше увѣренности въ успѣхѣ.

Новое поколѣніе пришло на смѣну старому, которое отчасти уже исчезло въ рядахъ французской арміи, и дѣти, пылая отъ возбужденія, съ лихорадочнымъ любопытствомъ слушали разсказы старшихъ: надежда вернуться съ побѣдой побуждала ихъ къ героическимъ дѣйствіямъ. Солдаты, едва только вышедшіе изъ юношескихъ лѣтъ, приводили въ восхищеніе старыхъ гренадеровъ. Безъ военнаго мундира никто не рѣшался показаться на улицѣ, боясь насмѣшекъ уличныхъ мальчишекъ.

Хотя я еще не очень стара, но все же мнѣ пришлось видѣть три раза подобныя чудеса героизма!..[1]) На протяженіи сорока лѣтъ поляки совершили для своего освобожденія троекратныя героическія попытки—тѣмъ болѣе достойныя удивленія, что зрѣлые люди, казалось бы, лишены были иллюзій и надеждъ.

Наполеонъ покинулъ Парижъ 10 декабря, въ сопровожденіи Маріи-Луизы, которая хотѣла проводить его до Дрездена. Здѣсь ихъ встрѣтилъ императоръ Францъ со своей молодой женой Беатрисой Эсте,[2]) послѣдней представительницей знаменитаго рода, съ которымъ связано столько историческихъ воспоминаній и романтическихъ преданій!

Эта принцесса, принесенная въ жертву политикѣ, рѣшающей въ подобныхъ случаяхъ судьбы людей, была не понята и не оцѣнена при австрійскомъ дворѣ и вскорѣ угасла. По случаю этого свиданія, между обѣими императрицами возникло соперничество. Марія-Луиза

[1]) Въ 1794, 1812 и 1831 году.

[2]) Третья жена Франца — Марія-Луиза-Беатриса д'Эсте умерла въ 1816 году.

не могла понять другого величія, кромѣ своего блестящаго положенія и хотѣла затмить мачеху своею роскошью, осыпая ее богатѣйшими подарками, но австрійская гордость воспротивилась—и принцессы разстались очень холодно.

Марія-Луиза заливалась слезами, разставаясь со своимъ мужемъ. Казалось, она предчувствовала, что это прощаніе будетъ послѣднимъ и что съ этихъ поръ ея имя будетъ упоминаться въ исторіи не иначе, какъ съ осужденіемъ, вслѣдствіе ея недостойнаго поведенія. Навѣрное, неизвѣстно было, что произошло между обоими монархами, но судя по тому, какъ Наполеонъ разстался со своимъ тестомъ, можно было предположить, что они заключили между собой оборонительный и наступательный союзы.

Очень искусно играя на слабой стрункѣ поляковъ, императоръ не пренебрегалъ ничѣмъ, что могло бы польстить имъ и довелъ ихъ энтузіазмъ до крайней степени напряженія, питая ихъ завѣтныя надежды, но не давая въ то-же время никакихъ опредѣленныхъ обѣщаній. Биньонъ получилъ распоряженіе тщательно ознакомиться съ національными традиціями поляковъ во время поголовныхъ возстаній.

Съ этой цѣлью онъ собралъ сеймъ и изъ Франціи было присланоо лицо для наблюденія за дальнѣйшими событіями. Всѣ эти демонстраціи, ознакомивъ отдаленнѣйшія провинціи съ нашими чаяніями, имѣли цѣлью напугать Россію.

Къ намъ явился г. де-Прадтъ со всѣмъ блескомъ, приличествующимъ представителю великой націи и могущественнаго государя. Но какимъ ничтожнымъ и вульгарнымъ показался онъ намъ среди своей пышности—такъ высокомѣрно и въ то же время противно держалъ онъ себя! Онъ все время говорилъ о своемъ хозяйствѣ, о кухаркѣ, за которой онъ послалъ, такъ какъ она была и «искусна и экономна», громко бранилъ своихъ людей, предлагалъ посмотрѣть, какъ чистятъ его двухъ андалуз-

скихъ жеребцовъ, болталъ безъ передышки, разсказывалъ избитые анекдоты, смѣялся надъ благородными и восторженными чувствами, которыхъ не понималъ и обнаруживалъ отсутствіе достоинства—въ дѣйствіяхъ и такта—въ разговорахъ,—таковъ былъ Прадтъ!

Въ другой странѣ и при другихъ обстоятельствахъ, онъ потерпѣлъ бы полную неудачу, но въ архіепископѣ Малиньскомъ поляки видѣли только того, кто его послалъ и чья могущественная власть одна могла возстановить Польшу. Тѣмъ не менѣе всѣ были удивлены этимъ страннымъ выборомъ: г. де-Прадтъ былъ совсѣмъ лишенъ способности управлять чѣмъ бы то ни было, полагаясь всецѣло на какого-то г. Андрэ или д'Андрэ, настоящее имя котораго я никогда не знала. Его видѣли только на парадныхъ посольскихъ обѣдахъ. Скромно усѣвшись на концѣ стола, онъ ничѣмъ не проявлялъ огромнаго вліянія, которымъ пользовался. Однако на его подвижномъ и выразительномъ лицѣ часто появлялось неудовольствіе по поводу шутокъ его начальника, который нерѣдко проявлялъ живость, несоотвѣтствующую ни его лѣтамъ, ни положенію. Насколько посланникъ казался мало пригоднымъ для выполненія даннаго ему порученія, настолько остальные чиновники посольства были на высотѣ призванія.

Между этими послѣдними я упомяну герцога де Брогли [1]), еще молодого человѣка, обладавшаго странной причудой близко разсматривать въ лорнетъ свои ноги. Онъ проявлялъ замѣчательныя способности и соединялъ солидное образованіе съ благороднымъ характеромъ. Упомяну еще г. де Бреваннъ, человѣка необыкновеннаго ума и здраваго смысла—качества, рѣдко встрѣчающіяся вмѣстѣ. Онъ страдалъ сильно развитымъ аневризмомъ; состояніе его здоровья часто дѣлало его печальнымъ и задумчивымъ, но лишь только болѣзнь давала ему пере-

---

[1]) Викторъ герцогъ де Брогли, родился въ 1785 г., умеръ въ 1870 г. Въ 1816 году женился на дочери m-me де-Сталь. О герцогѣ де-Брогли см. Сентъ-Бёвъ, «Causeries du lundi», II.

дышку, его остроумныя выходки оживляли общество. Я не встрѣчала другого такого спокойно-любезнаго и остроумнаго человѣка. Тамъ былъ еще г. де-Пана—немного черезчуръ занятый своей маленькой особой, но не лишенный способностей и ловкости, и наконецъ—добрый и достойный уваженія г. де-Рюминьи, хорошее воспоминаніе о которомъ останется у всѣхъ, его знавшихъ.

Впослѣдствіи, сдѣлавшись посломъ въ Швейцаріи, онъ оказывалъ покровительство всѣмъ несчастнымъ полякамъ.

Аппартаменты Брюлевскаго дворца, отведенные послу, не были еще закончены, и г. де-Прадтъ, не желая оставаться въ отелѣ, не зналъ, гдѣ ему помѣститься. Нанять временно приличное помѣщеніе архіепископу не хотѣлось. Будучи очень экономнымъ, онъ былъ весьма непрочь прикопить что-либо сверхъ двухсотъ тысячъ франковъ, ассигнованныхъ ему императоромъ, въ качествѣ издержекъ по представительству. Видя, что посолъ весь погруженъ въ эти мелочные разсчеты въ то время, какъ событія развертываются все шире и шире и требуютъ все его вниманіе, мой свекоръ предложилъ ему занять тѣ аппартаменты, въ которыхъ жилъ принцъ Мюратъ.

Г. де-Прадтъ не заставилъ себя долго упрашивать и переѣхалъ къ намъ. Благодаря этому, мы познакомились съ массой мелочей его жизни и могли составить себѣ о немъ понятіе.

Польская армія, уже совершенно готовая, благодаря усердію, съ которымъ она была сорганизована, получила приказъ тронуться въ путь, имѣя въ своихъ рядахъ блестящую молодежь, причемъ всѣ историческіе польскіе роды имѣли здѣсь своихъ представителей.

Мы всѣ были убѣждены въ успѣхѣ предпріятія. Но было слишкомъ много личныхъ несчастій, которыя не могли не породить сильной тревоги; мы знали также, что, предводимые отважнымъ полководцемъ, всѣ стремились навстрѣчу опасности.

Между тѣмъ всѣ мѣры были приняты и императоръ

выразилъ желанiе, чтобы властью предсѣдателя Сейма былъ облеченъ старый князь Чарторыйскiй, отецъ князя Адама.

Министръ внутреннихъ дѣлъ Матушевичъ, всѣмъ обязанный старому князю, человѣкъ замѣчательнаго ума, отправился въ Пулавы, чтобы уговорить своего покровителя не отказываться и принять этотъ важный постъ. Предполагали, что всѣ подписи на союзномъ актѣ съ подписью всѣми чтимаго старца во главѣ, должны были произвести необычайное впечатлѣнiе. Общественное положенiе, огромное состоянiе и преклонный возрастъ дѣлали изъ стараго князя патрiарха, съ которымъ были связаны наши старинныя традицiи. Тѣ, кто зналъ подноготную мыслей императора, утверждали, что Наполеонъ придаетъ этому выбору столь важное значенiе потому, что онъ имѣлъ цѣлью противопоставить имя отца—имени сына.

Связанный съ царемъ искренней дружбой, находясь подъ влiянiемъ обѣщанiй, казавшихся тогда вполнѣ реальными, князь Адамъ ожидалъ отъ Александра возстановленiя Польши; мы же предполагали достигнуть того же, но лишь благодаря побѣдоноснымъ войскамъ французскаго императора.

Лелѣя эту несбыточную мечту—единственную страсть всей своей благородной жизни—Адамъ Чарторыйскiй оставался вѣренъ государю и въ демонстрацiяхъ Наполеона видѣлъ лишь средство для достиженiя своихъ честолюбивыхъ плановъ. Я никогда не забуду, какъ однажды, послѣ долгаго обсужденiя этихъ двухъ мнѣнiй, изъ которыхъ одно уже успѣло сдѣлаться для него убѣжденiемъ, а другое—поселило во мнѣ надежду, имѣющую въ своей основѣ общую пользу, онъ воскликнулъ съ благороднымъ воодушевленiемъ:

— Если будущее докажетъ, что мое недовѣрiе несправедливо, я самъ безропотно осужу себя на изгнанiе изъ отечества, существованiе котораго зависитъ отъ великодушiя побѣдителя; я воздвигну ему алтарь даже въ пу-

стынѣ, изгнанный имъ туда въ наказаніе за то, что повѣрилъ обѣщаніямъ Александра.

Старый князь не раздѣлялъ взглядовъ сына или, лучше сказать, вовсе не имѣлъ никакого взгляда и вслѣдствіе преклоннаго возраста и ослабленія своихъ способностей онъ уступилъ наконецъ настояніямъ Матушевича и, прибывъ въ Варшаву, занялъ предложенный ему высокій постъ.

Здѣсь была совершена непростительная неосторожность: никто не удержалъ стараго князя, и онъ явился на засѣданіе Сената въ мундирѣ австрійскаго фельдмаршала, который онъ обыкновенно носилъ. Видъ иностраннаго мундира въ собраніи польскихъ патріотовъ произвелъ непріятное впечатлѣніе на представителей страны. Австрійскій мундиръ уничтожилъ обаяніе сѣдинъ и знатнаго имени князя, напомнивъ полякамъ обиды, причиненныя родинѣ Австріей во время перваго раздѣла и при Маріи Терезіи, когда страна была разгромлена съ необычайной жестокостью.

Къ несчастью, эта ошибка была не единственной, которую допустилъ почтенный старецъ.

Произнося рѣчь въ день открытія Сейма [1]), онъ придалъ ей оттѣнокъ старомоднаго рыцарства, что не соотвѣтствовало ни мѣсту, ни обстоятельствамъ.

Начавъ краснорѣчивымъ призывомъ къ благороднѣйшимъ чувствамъ поляковъ, къ ихъ героическому самоотверженію и беззавѣтнымъ жертвамъ, онъ обратился къ дамамъ, наполнявшимъ трибуны, и призывалъ женъ, матерей и сестеръ къ патріотическимъ выступленіямъ.

Старая княгиня съ дочерьми тоже присутствовала въ залѣ. На рѣчь князя онѣ отвѣчали восклицаніями и клятвами, вызывавшими лишь смѣхъ. Вслѣдъ затѣмъ на головы присутствующихъ посыпались заранѣе приготовленныя кокарды національныхъ цвѣтовъ. Нѣсколько

---

[1]) 26 іюня 1812 г. См. «Memoires du prince Adam Czartoryski», II, стр. 285.

этихъ кокардъ было тотчасъ же послано г. де-Прадтомъ съ курьеромъ въ главную квартиру, чтобы извѣстить императора о томъ впечатлѣніи, которое произвело открытіе Сейма.

Вышеописанная сцена отдавала театральщиной, а проявленія женскаго патріотизма въ залѣ засѣданій Сейма, гдѣ должны были обсуждаться важнѣйшіе вопросы, не могли не показаться неумѣстными и произвели гнетущее впечатлѣніе на благоразумную часть присутствующихъ. Своимъ престижемъ и своими восемьюдесятью годами, князь могъ бы произвести огромное впечатлѣніе, если бы онъ, согласно обстоятельствамъ, обратился къ полякамъ съ призывомъ къ оружію и указалъ бы имъ новый, открывающійся передъ ними путь—не нужно было бы ни театральной экзальтаціи, ни шумныхъ демонстрацій. Ничто такъ не способно взволновать, какъ возвышенныя и глубокія чувства, высказанными простыми словами.

Посланникъ отвѣтилъ на рѣчь предсѣдателя такъ дипломатично-неопредѣленно, что этотъ отвѣтъ нуждался въ объясненіи и, какъ всегда происходитъ въ подобныхъ случаяхъ, каждый объяснилъ его по-своему, но при этомъ всѣ поняли одно—императоръ не хотѣлъ давать никакихъ обязательствъ.

III.

Де-Прадтъ.

(1812).

Смоленскъ.—Смерть графа Грабовскаго.—Собранія во французскомъ посольствѣ.—Король Вестфальскій въ Варшавѣ.—Графиня Валевская у Прадта.—Обѣдъ въ деревнѣ.—Комары.—Экспромтъ г-на де-Бреваннъ.—Французы.—Подарокъ посланника.

Наполеонъ достигъ Вильны, не встрѣтивъ на своемъ пути ни малѣйшаго сопротивленія, и поэтому можно было понять, что непріятель хочетъ заманить его въ самое сердце Россіи.

Онъ остановился на нѣсколько дней въ столицѣ Литвы и организовалъ здѣсь временное правленіе, подобное тому, которое уже существовало въ Великомъ герцогствѣ Варшавскомъ. Во главѣ этого новаго правленія былъ поставленъ Биньонъ. Изъ Вильны Наполеонъ двинулся на Смоленскъ, разбивъ на эшелоны свои огромныя войска.

Послѣ каждаго перехода какой-либо рѣки, къ Прадту являлся курьеръ, который долженъ былъ отвозить въ Парижъ бюллетень для «Moniteur'а» и отъ него мы узнавали новости, принимавшіяся населеніемъ съ восторгомъ, причемъ городъ устраивалъ по собственному почину иллюминаціи и всѣ толпами сбѣгались, чтобы узнать подробности, которыя живо интересовали всѣхъ, кто имѣлъ въ арміи родственниковъ и друзей.

Первое важное донесеніе принесло извѣстіе о взятіи

Смоленска подъ личнымъ руководствомъ самого императора, причемъ поляки здѣсь, какъ и вездѣ, проявили чудеса храбрости!

Занявъ Смоленскъ, побѣдоносная армія находилась теперь на границахъ старой Польши и, казалось, что самое трудное теперь уже сдѣлано. Во всѣхъ церквахъ были отслужены молебны, но опьяненіе побѣдой смѣнилось вполнѣ естественной тревогой послѣ того, какъ были собраны точныя свѣдѣнія о потеряхъ.

Героическая смерть генерала Михаила Грабовскаго, убитаго въ тотъ моментъ, когда онъ во главѣ своей бригады первый бросился на крѣпостные валы города, вызвала самыя искреннія сожалѣнія и пріостановила на время проявленія всеобщаго восторга.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, несмотря на свою молодость, привлекаютъ къ себѣ всеобщую любовь. Онъ былъ братомъ моей подруги [1]) и я его часто видѣла. Такъ какъ тѣла генерала не нашли, то его бѣдная сестра упорно не хотѣла вѣрить такому ужасному несчастью, и долго считала, что ея братъ попалъ въ плѣнъ.

Какъ только посланникъ поселился въ Брюлевскомъ дворцѣ, который былъ для него заново роскошно омеблированъ, онъ объявилъ, что намѣренъ каждую недѣлю устраивать пріемы и танцы для молодежи. Но этотъ проектъ встрѣтилъ большое затрудненіе: кромѣ молодыхъ людей посольства, во всемъ городѣ не нашлось ни одного взрослаго человѣка, который сумѣлъ бы сдѣлать хоть одинъ туръ вальса: всѣ были въ арміи! Такимъ образомъ, отъ этого развлеченія пришлось отказаться, тѣмъ болѣе, что дамы, разъѣхавшіяся по сосѣднимъ имѣніямъ, совершенно не были расположены принять настойчивыя приглашенія Его Эминенціи, съ тревогой ожидая извѣстій изъ главной квартиры.

Поэтому первые пріемы въ посольствѣ были мрачны и печальны и напоминали собой пустыню. Когда стало

---

1) Г-жи Соболевской.

извѣстно, что императоръ приказалъ сообщать себѣ подробно обо всемъ, что дѣлается въ Варшавѣ, то въ виду его милостиваго отношенія, доказательства котораго у насъ имѣлись, мы рѣшили не огорчать его проявленіями скорби и печали, хотя и неумѣстными, но въ сущности вполнѣ простительными, и тогда дамы рѣшили время отъ времени появляться на пріемахъ.

Прибытіе молодого Вестфальскаго короля—Жерома Бонапарта нѣсколько оживило городъ. Онъ командовалъ однимъ резервнымъ корпусомъ и долженъ былъ, согласно приказу, догнать императора, но такъ какъ его войска не могли передвигаться съ такой быстротой, какъ его дворъ, то онъ былъ вынужденъ остановиться въ Варшавѣ.

Разсказывали, что, будучи очень капризнымъ и разборчивымъ по отношенію къ женщинамъ, которыхъ онъ удостаивалъ своею близостью, молодой человѣкъ почувствовалъ себя такъ хорошо въ Варшавѣ, гдѣ красота женщинъ не представляется рѣдкимъ и исключительнымъ явленіемъ, что однажды посланникъ получилъ приказъ выпроводить его. Тѣмъ не менѣе онъ разыгрывалъ изъ себя короля и объявилъ, что будетъ принимать дамъ, желающихъ ему представиться. Это показалось совершенно неумѣстнымъ со стороны двадцатилѣтняго государя [1]), который жилъ у насъ проѣздомъ и игралъ въ короли, какъ дѣти играютъ въ важную барыню.

Среди дамъ произошло разногласіе: однѣ явились на пріемы молодого короля, но большая часть ихъ была возмущена намеками посланника, подчеркнувшаго, что «брату Наполеона нельзя ни въ чемъ отказать». Молодой король, обидѣвшись на дамъ, которыя не поторопились явиться на его зовъ, рѣшилъ дать балъ, но тѣ-же затрудненія, которыя представились де-Прадту, помѣшали и молодому королю осуществить свои намѣренія.

Пришлось ограничиться очень скучными обѣдами, но

---

[1]) Жеромъ родился въ 1784 г., и въ 1812 г. ему было 28 лѣтъ.

такъ какъ интересные люди, согласно строго соблюдаемому этикету, на этихъ обѣдахъ присутствовать не могли, вслѣдствіе своего общественнаго положенія, не позволявшаго имъ сидѣть въ присутствіи короля, а мы не хотѣли подчиниться подобнымъ требованіямъ, такъ какъ для этого у насъ были слишкомъ республиканскія привычки, то эти обѣды были чрезвычайно скучны.

Принца Жерома напрасно упрекали въ недостаткѣ способностей,—онъ обладалъ умомъ живымъ и проницательнымъ, и не будь онъ выскочкой, полнымъ чисто-дѣтскаго тщеславія, онъ былъ бы ничуть не хуже другихъ, подобныхъ ему, принцевъ, но онъ, въ качествѣ баловня семьи, позволялъ себѣ злоупотреблять своимъ высокимъ положеніемъ. Такъ было со всѣми членами ихъ семьи: каждый изъ нихъ въ отдѣльности обладалъ неоспоримыми достоинствами, но величіе Наполеона подавляло ихъ всѣхъ.

Какихъ только анекдотовъ не разсказывали о молодомъ королѣ! Говорили, что по утрамъ онъ бралъ ванны изъ рома, а вечеромъ—изъ молока, а потомъ его слуги разливали по бутылкамъ и то и другое и продавали по дешевой цѣнѣ.

Его щегольство доходило до того, что онъ никогда не надѣвалъ два раза одну и ту же одежду,—такъ что одинъ изъ парижскихъ торговцевъ бѣльемъ, которому король задолжалъ довольно значительную сумму, затѣялъ съ нимъ скандальный процессъ.

Императоръ и слышать не хотѣлъ о долгахъ своего брата, и поэтому молодому Вестфальскому королю никакъ не удавалось вести широкій образъ жизни, не нарушая въ то же время своего бюджета. Вѣроятно, въ посольствѣ вздохнули свободно, когда онъ, наконецъ, уѣхалъ. Послѣдовавшій затѣмъ въ Варшаву визитъ, обнаружилъ вполнѣ всю нетактичность посланника.

Графиня Валевская, подъ предлогомъ семейныхъ дѣлъ, лѣтомъ пріѣхала въ Варшаву. Такъ какъ она никогда не занималась своими дѣлами, да притомъ ея ма-

ленькое помѣстье было сдано въ аренду, то поэтому нетрудно было догадаться, что ея пріѣздомъ руководила исключительно надежда быть вызванной въ главную квартиру. Но со времени своей женитьбы Наполеонъ избѣгалъ всякаго повода къ упреку въ легкомысленномъ поведеніи.

Въ продолженіе тѣхъ нѣсколькихъ дней, которые красавица провела въ Варшавѣ, де-Прадтъ считалъ своимъ долгомъ обращаться съ ней, какъ со второй императрицей (fac-similè d'impératrice) и оказывалъ ей предпочтеніе передъ всѣми дамами. Во время парадныхъ обѣдовъ ей первой подавали кушанья, она занимала почетное мѣсто, причемъ ей оказывались всевозможные знаки почтенія. Это оскорбило знатныхъ вдовъ и произвело дурное впечатлѣніе на мужей другихъ дамъ, а молодыя женщины, мало заботившіяся о сохраненіи этикета, открыто смѣялись надъ влюбленнымъ экстазомъ, съ которымъ архіепископъ не сводилъ своего лорнета съ бѣлыхъ, полныхъ рукъ графини.

Пребываніе графини въ Парижѣ имѣло для нея огромное значеніе: она научилась держать себя съ скромнымъ тактомъ, что было довольно трудно, принимая во вниманіе то двусмысленное положеніе, въ которомъ она находилась.

Разсказываютъ, что, щадя Марію-Луизу, которая была очень ревнива, графиня сумѣла внушить ей сомнѣніе въ тайной связи своей съ императоромъ. Поэтому-то Наполеонъ и сохранилъ впослѣдствіи свои отношенія только съ одной графиней Валевской. Въ тотъ моментъ, когда счастье отвернулось отъ него, графиня открыто послѣдовала за императоромъ на островъ Эльбу, но онъ отнесся съ неодобреніемъ къ этому поступку, и подруга, столь преданная въ несчастьи, была удалена изъ уваженія къ невѣрной женѣ.

Назойливое поведеніе де-Прадта послужило причиной того, что красавица внезапно покинула Варшаву.

Повидимому, окружающая обстановка ее сильно стѣ-

сняла и она предпочла запереться въ своемъ скромномъ убѣжищѣ и здѣсь ожидать конца событій.

Мой мужъ, слѣдуя общему движенію, отправился въ Вильну [1]), гдѣ занималъ мѣсто во временномъ правительствѣ, только что организованномъ императоромъ [2]). А я въ это время вмѣстѣ съ дѣтьми оставалась въ Натолинѣ и занималась устройствомъ этого чуднаго имѣнія.

Де-Прадтъ, много наслышавшись о прелестяхъ этого уголка, пожелалъ лично убѣдиться въ этомъ и написалъ мнѣ письмо, въ которомъ выражалъ желаніе быть приглашеннымъ ко мнѣ на обѣдъ. Я тѣмъ болѣе была удивлена подобной фамильярностью и безцеремонностью, что совершенно не подавала никакого повода къ подобному приглашенію,—тѣмъ не менѣе я отвѣтила ему, какъ того требовали приличія.

Мы видѣли, какъ толстыя андалузскія лошади съ трудомъ привезли посланника. День былъ очень жаркій и де-Прадтъ чувствовалъ себя весьма утомленнымъ. Отдохнувъ, онъ снова затянулъ свои старые избитые анекдоты, изъ которыхъ самый свѣжій касался временъ m-me де-Помпадуръ, путешествій въ Марли и т. п. Замолчалъ онъ только тогда, когда мы перешли въ столовую, но и здѣсь мы должны были выслушать длиннѣйшія разглагольствованія о каждомъ подаваемомъ блюдѣ. Онъ очень удивлялся, что въ Польшѣ умѣютъ такъ хорошо готовить и столько объ этомъ говорилъ, что я, наконецъ, не выдержала и заявила ему, что мой поваръ— французъ! Его удивленіе было безгранично, и онъ не переставалъ засыпать меня вопросами:

— Какъ его имя?

— Гдѣ онъ родился?

— Гдѣ онъ обучался своему дѣлу?

---

1) См. «Reminiscences sur Alexandre I-er et Napoleon I-er» графини Шуазель-Гуффье, стр. 103 и 105.

2) Александръ Потоцкій былъ назначенъ оберъ-шталмейстеромъ.

Такъ какъ я не знала всѣхъ этихъ подробностей, то мнѣ пришла въ голову мысль позвать самого артиста—повара. Эта глупая сцена произвела, повидимому, очень тяжелое впечатлѣніе на молодыхъ людей изъ посольства и они имѣли очень сконфуженный видъ. Я поднялась изъ-за стола, заявивъ, что уже пора отправляться на прогулку, которую мы собирались сдѣлать.

Тогда все общество поспѣшило на мызу, гдѣ насъ уже ожидали коляски, а посланникъ уѣхалъ домой. Было такое время года, когда комары особенно назойливы и злы: какъ будто злая фея нарочно созвала ихъ въ это очаровательное мѣстечко съ той цѣлью, чтобы мои гости не подумали, что они находятся въ раю. Я упоминаю объ этомъ только потому, что эти маленькія насѣкомыя послужили причиной появленія прелестнаго стихотворнаго экспромта. Самый молодой изъ аудиторовъ, о которомъ я уже упоминала, господинъ де-Пана, очень занятый своими заслугами и вообще всей своей маленькой особой, надоѣлъ намъ своими горькими жалобами и рѣзкими выкриками каждый разъ, когда его кусалъ комаръ. Къ концу прогулки онъ возопилъ, что онъ уже умеръ, такъ какъ послѣдній комаръ его доконалъ и, будучи съѣденъ этими «людоѣдами», ему ничего больше не остается, какъ быть погребеннымъ.

Я пришла въ восторгъ отъ перспективы имѣть у себя въ паркѣ надгробный памятникъ и предложила на конкурсъ составить для него эпитафію! Спустя нѣсколько минутъ господинъ де-Бреваннъ прочиталъ мнѣ стихотвореніе, которое онъ написалъ, все время прогуливаясь, въ своей записной книжкѣ. Оно даетъ яркое представленіе объ изяществѣ и граціи его ума.

Здѣсь покоится третья часть аудитора.
Пожалѣйте его, а также и того комара,
Который, съѣвъ такъ мало, умеръ съ голода.

Это четырехстишіе привело въ восхищеніе какъ всѣхъ

насъ, такъ и господина де-Пана, который, съ чисто-французской веселостью, смѣялся надъ собой.

Остроумный и любезный народъ, прелестная страна, которую я, можетъ быть, никогда больше не увижу, и прекрасныя качества которой я такъ цѣню и воспоминанія о которой я живо храню въ своей памяти,—шлю тебѣ отсюда свой искренній привѣтъ! Если бы мнѣ суждено было снова начать тотъ трудный путь, который называется жизнью, я хотѣла бы родиться француженкой!.. Это не значитъ, что я отрекаюсь отъ своего отечества—Боже сохрани!—чѣмъ тяжелѣе лежащій на немъ гнетъ, тѣмъ болѣе оно имѣетъ право на любовь своихъ сыновъ, но если бы намъ было предоставлено право выбора, то не естественно ли было бы улучшить свою судьбу, дабы избѣжать столькихъ обманутыхъ надеждъ, столькихъ непоправимыхъ несчастій?..

Въ это время я переживала тотъ періодъ своей жизни, когда будущее представляется лучше, чѣмъ оно должно быть, чтобы служить утѣшеніемъ въ настоящемъ. Теперь, когда печали состарили меня сильнѣе, чѣмъ годы, я сожалѣю о прошломъ и мало надѣюсь на будущее: оно не въ силахъ вернуть мнѣ то, чего я лишилась!

Вернусь еще разъ къ г. де-Прадту, чтобы болѣе уже о немъ не говорить. Покидая нашъ домъ, чтобы занять Брюлевскій дворецъ, онъ рѣшилъ, что съ его достоинствомъ вполнѣ совмѣстимо оставить что-нибудь на память моему свекру. Въ Вилановѣ онъ восхищался прекрасной картинной галлереей графовъ Потоцкихъ и, зная, что мой свекоръ, создатель этой галлереи, былъ въ одно и то же время и любителемъ, и знатокомъ, онъ просилъ у него разрѣшенія прислать ему какой-нибудь chef-d'oeuvre.

—Она не испортитъ вашей коллекціи, прибавилъ онъ.

Мой свекоръ отказывался, какъ умѣлъ, но въ концѣ концовъ согласился, дабы не обидѣть посланника.

Картина, о которой шла рѣчь, находилась, по его словамъ, въ епископскомъ домѣ, въ Малинѣ, такъ что нужно было нѣкоторое время для ея перевозки.

— Это, вѣроятно, Мадонна фламандской школы,—говорилъ мой свекоръ. Я былъ бы не особенно доволенъ такимъ подаркомъ, потому что всѣ Мадонны этой школы страдаютъ отсутствіемъ благородства.

— Ну, а если это будетъ Альбертъ Дюреръ или Гольбейнъ?

И мы старались угадать, насколько будетъ роскошенъ ожидаемый подарокъ, который, надо замѣтить, ничего не стоилъ тому, кто его дѣлалъ.

— Разумѣется, онъ занесетъ стоимость подарка въ счетъ посольства, какъ національную собственность,—замѣтилъ мой свекоръ.

Наконецъ, давно ожидаемый ящикъ прибылъ, и когда его вскрыли, въ немъ оказалась самая отвратительная мазня, изображавшая какого-то неизвѣстнаго разбойника! Но зачѣмъ же, спрашивается, попала эта картина во дворецъ, примыкающій къ каѳедральному собору? Этого, конечно, г. де-Прадтъ не сумѣлъ намъ объяснить.

Съ большимъ трудомъ я скрыла свое удивленіе. Мой свекоръ, отличавшійся необычайной вѣжливостью, сдѣлалъ видъ, что онъ въ восторгѣ отъ подарка, и г. де-Прадтъ уѣхалъ, вполнѣ увѣренный, что онъ одурачилъ насъ, а его chef-d'oeuvre былъ отправленъ на чердакъ.

IV.

Отступленіе.

(1812—1813).

Первыя извѣстія о бѣдствіи.—Прибытіе Наполеона въ Варшаву.—Обѣдъ въ Hôtel d'Angleterre.—Графиня Валевская.—Полковникъ Вонсовичъ и его разсказъ о пріѣздѣ въ Дрезденъ.—Возвращеніе солдатъ.—Князь Понятовскій.—Его добыча.—Можайскъ.—Знамена.—Кукушка.—Патріотическое возбужденіе.—Отъѣздъ князя Понятовскаго.—Его прощаніе съ графиней Потоцкой.—Его завѣщаніе.

До Москвы извѣстія были великолѣпны,—непріятель отступалъ. Насъ увѣряли, что онъ спасается бѣгствомъ и мы вѣрили по той простой причинѣ, что это соотвѣтствовало самымъ завѣтнымъ нашимъ желаніямъ.

Я не буду здѣсь говорить о событіяхъ всѣмъ хорошо извѣстныхъ: ихъ не разъ еще будутъ касаться историки, а отмѣчу только событія, имѣвшія отношенія къ Польшѣ, и тѣ впечатлѣнія, которыя мы переживали.

Зимой 1812 года собранія во французскомъ посольствѣ сдѣлались блестящими: туда отправлялись тѣмъ охотнѣе, что на этихъ вечерахъ узнавали отъ г. де-Прадта столь нетерпѣливо ожидаемыя новости. Если курьеры не прибывали, то, само собой разумѣется, никто и не думалъ тревожиться, обвиняя во всемъ дурную погоду, сдѣлавшую дороги непроходимыми.

Когда я теперь вызываю въ своей памяти тѣ впечатлѣнія, которыя порождались тогдашними событіями, я

не могу достаточно надивиться нашему глупому, необъяснимому спокойствію.

Только небольшая кучка дальновидныхъ людей предвидѣла тѣ бѣдствія, которыя неизбѣжно должны были обрушиться на армію. Извѣстіе о пожарѣ Москвы было первымъ сигналомъ о пораженіи. Тѣмъ не менѣе де-Прадтъ принималъ всѣ возможныя и невозможныя мѣры, чтобы поддержать въ насъ иллюзіи, которыя намъ самимъ такъ хотѣлось сохранить. Курьеры изъ арміи къ императрицѣ направлялись прямо въ Берлинъ, и ни одно письмо, посланное по почтѣ, не было доставлено по адресу: всѣ были перехвачены.

Казалось, де-Прадтъ, продолжая давать ослѣпительные балы и роскошные обѣды, взялъ себѣ девизомъ: забавлять и обманывать насъ.

Вдругъ извѣстія совершенно прекратились, и стало невозможно болѣе скрывать истину, но де-Прадтъ, вѣрный своей роли, рѣшилъ заставить насъ танцовать еще разъ!—но этотъ послѣдній балъ носилъ такой мрачный характеръ, что казался скорѣе похоронами, чѣмъ праздникомъ.

Мой свекоръ, сообщивъ мнѣ по секрету извѣстія, которыя упорно скрывали отъ всѣхъ, потребовалъ, чтобы я поѣхала на этотъ послѣдній балъ. Я одѣлась въ черное бархатное платье, дабы имѣть предлогъ отказаться отъ танцевъ.

Де-Прадтъ, притворившись огорченнымъ за подобный, несоотвѣтствующій обстоятельствамъ, туалетъ, нѣсколько разъ повторилъ мнѣ, что онъ совсѣмъ не подходитъ къ моему возрасту. Хотя посланникъ продолжалъ съ развязнымъ видомъ принимать гостей, тѣмъ не менѣе всѣ шопотомъ сообщали другъ другу, что онъ только что получилъ приказъ готовиться въ путь и укладывать вещи. Но чѣмъ неожиданнѣе былъ роковой ударъ, тѣмъ онъ былъ чувствительнѣе.

Вся Варшава погрузилась въ какое-то нѣмое оцѣпенѣніе. Страшная тревога царила въ тѣхъ семьяхъ, отку-

да ушли на войну отцы, братья, мужья и многими овладѣвала лихорадочная дрожь, когда они заговаривали другъ съ другомъ о судьбѣ близкихъ людей. Но ужасная дѣйствительность оставила далеко за собой всѣ предполагаемыя опасенія.

Въ продолженіе цѣлыхъ двухъ недѣль отъ насъ скрывали всѣ извѣстія, и, наконецъ, мы сразу узнали все. Ослѣплявшая насъ блестящая декорація рухнула и мы поняли, что самыя отчаянныя усилія не въ состояніи протянуть борьбу, въ которую мы вложили всѣ свои надежды. Эта драма нѣсколькихъ мѣсяцевъ кончилась самымъ ужаснымъ образомъ: гибелью страны и множествомъ отдѣльныхъ несчастій. Тщетно многіе пытались поддержать сомнѣніе въ судьбѣ тѣхъ, которые пожертвовали всѣмъ ради священнѣйшихъ правъ! Отчаяніе охватило всѣхъ, да иначе и не могло быть при видѣ того, какъ рушилась единственная завѣтная мечта—о возстановленіи Польши. Теперь само собой было понятно, что Наполеонъ потерялъ на сѣверѣ свое первенство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свою силу и власть.

10 декабря былъ трескучій морозъ—24 градуса.

Мы печально сидѣли у камина и оплакивали ничѣмъ необъяснимое безуміе великаго человѣка, который, побуждаемый упрямствомъ, выслалъ свое могущество и славу на борьбу съ непобѣдимой, властной природой.

Вдругъ моего свекра таинственно потребовали въ посольство. Всѣ ожидали съ минуты на минуту отъѣзда де-Прадта и поэтому мы прежде всего подумали, что, желая передъ отъѣздомъ проститься, онъ вызвалъ къ себѣ моего свекра.

Прошло два часа—томительныхъ, полныхъ тревожнаго ожиданія. Трудно было ожидать чего-либо утѣшительнаго и поэтому вполнѣ понятно, что мы очень волновались.

Наконецъ, графъ Станиславъ Потоцкій вернулся, видимо взволнованный, и изъ его словъ мы поняли, кто было то лицо, съ которымъ онъ только что бесѣдовалъ:

это былъ самъ императоръ Наполеонъ, который, принеся въ жертву своему дерзкому капризу милліонъ жизней, побѣжденный неумолимой стихіей, вернулся одинъ, но ничуть не сломленный неудачей, даже не потерявшій бодрости духа. Его изумительный геній уже строилъ новые планы, какъ при помощи огромныхъ средствъ Франціи удержать въ своихъ рукахъ ускользавшій изъ его рукъ скипетръ всемірнаго владыки.

Онъ говорилъ о бѣдствіяхъ, постигшихъ его армію, не скрывая и не уменьшая несчастія. Онъ сознавалъ свои ошибки, намекнулъ на чрезмѣрную вѣру въ свою звѣзду, которая до этого рокового похода какъ бы повелѣвала стихіями. Онъ подробно указывалъ на всѣ благопріятные для него въ будущемъ шансы, сдѣлалъ сжатый обзоръ политическаго положенія Европы, съ необычайной прозорливостью перечислялъ всѣ условія, могущія послужить ему за и противъ его плановъ.

Онъ не разрушалъ нашихъ надеждъ, но настаивалъ на необходимости новыхъ усилій, обѣщая вернуться во главѣ новой арміи, однимъ словомъ, сумѣлъ зажечь сердца слушателей огнемъ своихъ рѣчей. Очарованіе этого необыкновеннаго человѣка было такъ могуче, что мой свекоръ, бывшій дотолѣ совершенно убитымъ, вернулся домой, полный радужныхъ надеждъ, а между тѣмъ онъ былъ въ такомъ возрастѣ, когда не поддаются иллюзіямъ, и его точный и проницательный умъ во всѣхъ серьезныхъ жизненныхъ затрудненіяхъ считался лишь съ несомнѣнными фактами.

А мы, не слышавшія рѣчей могучаго волшебника, оставались попрежнему угнетенными и подавленными, и всецѣло находились подъ вліяніемъ настоящаго, казавшагося намъ какимъ-то чудовищнымъ призракомъ. Сквозь окутавшій его кровавый туманъ такъ часто измѣнявшее намъ будущее показывало свое мрачное и полное отчаянія лицо.

Разсказывая впослѣдствіи объ этомъ замѣчательномъ разговорѣ, де-Прадтъ проявилъ себя въ очень неблаго-

пріятномъ свѣтѣ, стараясь выставить его въ смѣшномъ видѣ. До конца дней своихъ онъ игралъ роль наемнаго льстеца, восхищаясь то планами своего повелителя, то его выраженіемъ, столь часто повторяемымъ впослѣдствіи: «Отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ».

Мы были очень удивлены, когда узнали, что Наполеонъ, вмѣсто посольства, предпочелъ остановиться въ Hôtel d'Angleterre, гдѣ онъ и обѣдалъ. Возможно, что этимъ онъ хотѣлъ обезпечить себѣ инкогнито.

Одѣтый въ зеленую бархатную шубу съ золотыми шнурами, въ большой собольей шапкѣ на головѣ, онъ вышелъ изъ экипажа при въѣздѣ на Пражскій мостъ и прошелъ все Краковское предмѣстье какъ разъ въ такое время, когда здѣсь жизнь бьетъ ключомъ, сильно рискуя такимъ образомъ быть узнаннымъ. И, удивительно, его никто не узналъ!

Поглощенные разразившимися событіями, никто не могъ себѣ представить, чтобы императоръ очутился по эту сторону Вислы, въ то время, когда всѣ считали его погибшимъ во льдахъ Двины.

Его сопровождали только Коленкуръ и полковникъ Вонсовичъ[1] — въ качествѣ ординарца, на мужество и преданность котораго можно было положиться. Мамелюку Рустану было приказано не оставлять экипажа и явиться въ отель только въ сумерки, когда все будетъ готово къ отъѣзду.

Садясь за обѣдъ, Наполеонъ послалъ за де-Прадтомъ и велѣлъ ему привести съ собой предсѣдателя совѣта министровъ и двухъ министровъ, съ которыми онъ желалъ бесѣдовать.

Чтобы сохранить инкогнито, почтовыя лошади были заказаны на имя Коленкура, и въ 9 часовъ вечера они уѣхали изъ Варшавы.

Привожу здѣсь довольно любопытный, но мало из-

---

[1]) Графиня Потоцкая была замужемъ вторымъ бракомъ за графомъ Вонсовичъ. (Прим. пер.).

вѣстный разсказъ. Проѣзжая мимо городка Ловичъ [1]), Наполеону вздумалось свернуть съ дороги и заѣхать къ графинѣ Валевской, которая, какъ я уже упоминала выше, жила уединенно въ своемъ замкѣ. Коленкуръ, которому императоръ сообщилъ свое намѣреніе, энергично возсталъ противъ этой причуды влюбленнаго, смѣло указывая на неприличіе подобнаго поступка, упирая главнымъ образомъ, на то впечатлѣніе, которое произведетъ подобная вѣтренность на императрицу и прибавилъ, что никто и никогда не проститъ императору, покинувшему свою армію въ минуту пораженія, его легкомысленнаго поведенія.

Императоръ нѣсколько минутъ дулся, но слишкомъ справедливый, чтобы сердиться на того, кто только что доказалъ ему еще разъ свою преданность и благоразуміе, выразилъ Коленкуру свою любовь и уваженіе, что дѣлало честь имъ обоимъ. Полковникъ Вонсовичъ, сидѣвшій въ этомъ же экипажѣ и бывшій свидѣтелемъ этой сценки, разсказывалъ мнѣ ее потомъ самымъ пикантнымъ образомъ.

Отъ него мы узнали интересныя подробности о прибытіи императора въ Дрезденъ. Саксонскій король былъ единственный союзникъ, оставшійся ему вѣрнымъ, поэтому императоръ хотѣлъ переговорить съ нимъ о своихъ предполагаемыхъ планахъ.

Прибывъ къ г. де-Серра въ глухую ночь и не желая терять ни минуты, онъ приказалъ Вонсовичу тотчасъ же отправиться въ королевскій дворецъ и разбудить короля.

Когда Вонсовичъ явился во дворецъ съ этимъ необычнымъ порученіемъ, то стража и часовые спали, и только съ огромными затрудненіями посланный императора добрался до покоевъ короля, который, внезапно проснувшись, долго не могъ понять, что Наполеонъ, проѣзжая черезъ его столицу, желалъ съ нимъ увидѣться.

---

[1]) Городъ въ воеводствѣ Рава въ царствѣ Польскомъ.

Когда Вонсовичъ сообщилъ ему суть дѣла, онъ поспѣшно приказалъ себя одѣть и въ паланкинѣ отправился къ министру, такъ какъ королевскія конюшни находились въ предмѣстьѣ и слишкомъ долго пришлось бы ожидать экипажа.

Утромъ распространился слухъ, что король куда-то исчезъ и неизвѣстно, что съ нимъ случилось. Поднялся страшный переполохъ. Камергеры, пажи и скороходы разбѣжались по городу, распространяя это странное извѣстіе, и когда все выяснилось, императоръ уже катилъ по дорогѣ въ Парижъ.

Вскорѣ послѣ проѣзда Наполеона черезъ Варшаву, стали постепенно возвращаться тѣ изъ нашихъ солдатъ, которые были въ силахъ вынести дорогу, причемъ одни изъ нихъ были одѣты въ лохмотья, совсѣмъ не защищавшія отъ холода, а другіе, болѣе счастливые, въ женскія шубы [1]). Прибылъ также въ открытыхъ саняхъ графъ Артуръ Потоцкій, адъютантъ князя Понятовскаго. Онъ заболѣлъ нервной лихорадкой.

Однимъ изъ послѣднихъ прибылъ князь Понятовскій. Онъ ѣхалъ долго и съ большимъ трудомъ, такъ какъ, сходя съ лошади, вывихнулъ себѣ ногу и вынужденъ былъ совершить весь путь, лежа въ каретѣ, испытывая при малѣйшемъ движеніи невыносимыя страданія.

Какъ только я узнала о прибытіи князя, я бросилась къ нему выразить ему свою преданность.

Его осунувшееся отъ страданій лицо выражало скорѣе муки душевныя, чѣмъ физическія. Онъ горько сожалѣлъ о гибели на его глазахъ прекрасной арміи и оплакивалъ героическую смерть столькихъ храбрецовъ,

[1]) Въ своихъ «Reminiscences», графиня Шуазель-Гуффье, говоря объ этомъ отступленіи, такъ разсказываетъ о солдатахъ, проходившихъ черезъ Вильну: «одѣтые самымъ ужаснымъ образомъ въ священническія и церковныя ризы, съ нахлобученными на голову дамскими бархатными шляпами, несчастные солдаты своими маскарадными костюмами служили яркимъ доказательствомъ гибели славы великаго завоевателя».

принесенныхъ въ жертву необъяснимой неосторожности великаго человѣка, которому онъ, несмотря ни на что, все же оставался вѣренъ.

Я замѣтила, что онъ не терялъ надежды и это тѣмъ болѣе меня удивило, что онъ принадлежалъ къ тому меньшинству, которое, пожертвовавъ всѣмъ, въ тоже время не закрывало глаза на возможный исходъ столь гигантской борьбы. Онъ заявилъ, что его пребываніе въ Варшавѣ будетъ непродолжительно и какъ только ему удастся соединить разрозненные остатки польской арміи, онъ займется новой организаціей войскъ.

— На масляницѣ, прибавилъ онъ, у насъ будутъ австрійскіе офицеры, правда, не такіе интересные, какъ французы, но все же отличные танцоры.

Это былъ намекъ на полкъ князя Шварценберга, на котораго Наполеонъ еще разсчитывалъ, увы—это была послѣдняя обманчивая мечта: черезъ нѣсколько дней, когда польская армія направилась къ Кракову, австрійскій генералъ передалъ Варшаву русскимъ и, такимъ образомъ, измѣна была очевидна.

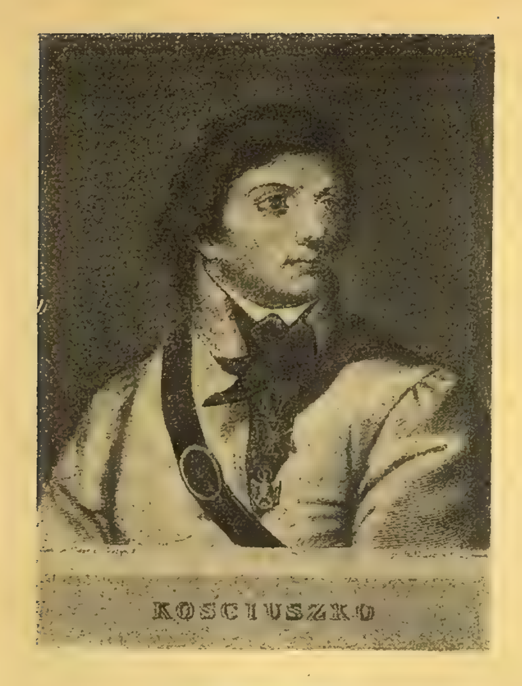
Замѣтивъ возлѣ кровати князя огромный фоліантъ, я смѣясь спросила, не его ли это мемуары.

— О, у насъ какъ разъ было много свободнаго времени, чтобы писать мемуары!—сказалъ онъ.—Возьмите себѣ эту книгу на-память; это моя добыча. Я нашелъ ее на большой дорогѣ и, когда хотѣлъ разсѣяться, читалъ ее. Это путешествіе на востокъ, сберегите ее вашимъ дѣтямъ, со временемъ цѣнность ея сильно увеличится. Знаете, когда мы съ оружіемъ въ рукахъ проходили черезъ Москву среди покинутыхъ сокровищъ, ни одинъ изъ моихъ солдатъ не вышелъ изъ рядовъ.

Когда онъ говорилъ это, его глаза блистали.

Я не могла отказать себѣ въ удовольствіи напомнить ему о нападеніи на батарею, взятіе которой рѣшило достопамятную побѣду при Можайскѣ.

Онъ слушалъ меня со свойственной ему скромностью, не придавая никакого значенія своимъ успѣхамъ;

Костюшко.

Князь Іосифъ Понятовскій.

Князь Адамъ Чарторыйскій.

Принцъ Іоахимъ Мюратъ.

онъ думалъ, что выдающаяся храбрость, которой онъ обладалъ, свойственна всякому здоровому человѣку, въ существованіе же трусовъ онъ совсѣмъ не вѣрилъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ его возвращенія, въ то время, когда мы съ живѣйшимъ интересомъ слушали его разсказы о походѣ, явился его адъютантъ и сообщилъ, что явилась масса солдатъ и проситъ позволенія передать ему, какъ своему начальнику, свои знамена.

Такъ какъ князь не могъ ходить, то онъ приказалъ вынести себя на дворъ.

Мы также вышли, и тутъ намъ пришлось быть свидѣтелями сцены въ высшей степени трогательной и въ то-же время величественной.

Когда Понятовскій показался на крыльцѣ, всѣ эти храбрецы столпились вокругъ, складывая свои знамена у его ногъ. Въ то время, какъ другіе думали только о спасеніи своей жизни, эти храбрые воины, ни на минуту не теряя изъ вида своихъ знаменъ, заботились лишь о чести своего полка. Князь грустно улыбаясь, замѣтилъ, что не хватаетъ одного знамени.

— Оно здѣсь, кукушка!—закричали всѣ разомъ:—съ древка сорвало ядромъ головку и товарищъ стыдится показать его въ такомъ искалѣченномъ видѣ! Ну, ну, иди-ка сюда, вѣдь ты же въ этомъ не виноватъ!..

Среди всеобщаго хохота выступилъ впередъ двадцатилѣтній юноша съ рукой на перевязи, и вытащилъ изъ кармана, состоящую изъ однихъ лохмотьевъ, такъ называемую, кукушку. Положивъ знамя со смущеннымъ видомъ вмѣстѣ съ другими знаменами, онъ извинился, что оно такъ изуродовано.

— Онъ еще молодъ,—говорилъ тѣ, кто постарше,—все время онъ шелъ впереди!

И тутъ раздались крики:—Да здравствуетъ Польша!.. Да здравствуетъ нашъ обожаемый начальникъ!.. Да здравствуетъ отечество!..

Князь былъ не въ силахъ сдержать охватившаго его волненія и украдкой вытиралъ слезы. Солдаты, думая,

вѣроятно, что князь разстроенъ и, чтобы его утѣшить, стали увѣрять, что скоро вернутся и пушки.

— Не тревожьтесь,—говорили они,—вѣдь онѣ очень тяжелыя и не могли ѣхать такъ быстро, какъ мы шли, но будьте покойны, черезъ нѣсколько дней онѣ будутъ здѣсь. Когда наши лошади пали или были съѣдены, мы впряглись сами и везли наши пушки... Поправляйтесь только и вы увидите, какъ все будетъ хорошо!.. Мы еще поборемся! За вами мы пойдемъ хоть въ адъ!..

И опять клики, шапки вверхъ и—Боже!—какія шапки,—сплошныя лохмотья! И ни у кого ни теплой одежды, ни обуви! Лишь у нѣкоторыхъ счастливцевъ ноги были обернуты кромками отъ сукна. Но всѣ были веселы, бодры и, если нужно, хоть завтра, хоть сейчасъ готовы снова отправиться въ походъ.

Князь отдалъ имъ всѣ имѣвшіяся при себѣ деньги. Во дворѣ для нихъ былъ приготовленъ импровизированный обѣдъ. Мы угостили ихъ шампанскимъ, и они съ воодушевленіемъ провозгласили тостъ за здоровье своего начальника. Вокругъ нихъ столпились всѣ служащіе князя, а также и обычные гости, а они только удивлялись и недоумѣвали, за что ихъ такъ чествуютъ: вѣдь они исполнили только свой долгъ!

Время тянулось медленно, и яркія, полныя ужаса впечатлѣнія уступили мѣсто какому-то скорбному оцѣпенѣнію. Будущее глядѣло на насъ глазами, полными зловѣщей угрозы!..

Великій бой, послѣдній, рѣшительный бой, бой на жизнь и смерть! Вся Европа сплотилась противъ одного! и этотъ безпримѣрный бой долженъ рѣшить заодно и нашу судьбу!..

Увы!.. Теперь уже не на берегахъ Двины, а на берегахъ Рейна должна произойти эта колоссальная дуэль: тутъ судьба измѣнила герою и подъ обломками рухнувшаго трона его будемъ погребены и мы...

Между тѣмъ наша армія получила приказъ отправиться къ Кракову.

Въ концѣ января князь Понятовскій покинулъ Варшаву. Онъ совсѣмъ поправился и передъ отъѣздомъ заѣхалъ ко мнѣ проститься. Я замѣтила, что его прекрасное лицо было подернуто грустью. Его совсѣмъ не занимала мысль о томъ, что, быть можетъ, ему не суждено вернуться,—онъ былъ совершенно равнодушенъ къ собственной участи, думая все время о судьбѣ Наполеона. Онъ предвидѣлъ, что Европа, созданная его побѣдами, неминуемо должна рухнуть.

Обнявъ его въ послѣдній разъ, я не могла удержаться отъ слезъ. Замѣтивъ это, онъ запретилъ мнѣ сожалѣть о немъ, если ему суждено будетъ умереть славной смертью на полѣ брани. Развѣ это не счастье, не видѣть страданій, которыя обрушатся на нашу бѣдную родину?

Видя, что на меня не дѣйствуютъ его утѣшенія, онъ, желая придать разговору другое направленіе, замѣтилъ, что я, вѣроятно, не совсѣмъ ясно себѣ представляю или недостаточно цѣню все преимущество смерти до наступленія старости...

Онъ велѣлъ привести моихъ дѣтей, поцѣловалъ ихъ, попросивъ меня когда-нибудь разсказать имъ о немъ и уѣхалъ очень опечаленный. Увы! это было послѣднее прощаніе! Потомъ мы узнали, что, будучи увѣренъ въ томъ, что ему не суждено вернуться, онъ сдѣлалъ завѣщаніе, полное трогательнаго благородства. Онъ завѣщалъ, чтобы его коллекція оружія была раздѣлена между его старыми товарищами, а деньги—отданы отличившимся въ битвахъ солдатамъ, чтобы они,—писалъ онъ,—могли еще разъ выпить за мое здоровье. Онъ обезпечилъ своихъ обоихъ побочныхъ дѣтей, а также и своего камердинера; своей сестрѣ [1]) онъ предоставилъ пользованіе всѣмъ своимъ состояніемъ, а мнѣ завѣщалъ свое помѣстье Яблонну. Да будетъ навѣки благословен-

---

[1]) Графинѣ Тышкевичъ.

на его память и кощунственныя руки да не коснутся его драгоцѣнныхъ воспоминаній!

Съ своей стороны я исполнила долгъ, который налагало на меня завѣщаніе князя. Въ продолженіе десяти лѣтъ я не пользовалась доходами съ этого прекраснаго помѣстья, а употребляла ихъ исключительно на его украшеніе. Надпись надъ входомъ въ библіотеку, или вѣрнѣе—музей, выражаетъ мою мысль:

—Это убѣжище героя, украшенное моими стараніями, я завѣщаю его потомкамъ.

V.

Смерть князя Понятовскаго.

(1813).

Князь Адамъ Чарторыйскій и Александръ.—Предложенія русскаго императора Понятовскому.—Князь Антонъ Радзивиллъ, уполномоченный прусскаго короля.—Поведеніе князя Понятовскаго.—Свиданіе Наполеона съ Понятовскимъ въ Дрезденѣ.—Саксонскій походъ.—Князь Сулковскій.—Домбровскій.—Графъ Пакъ.—Поляки на островѣ Эльбѣ.—Красинскій.—Похороны князя Понятовскаго.

Вскорѣ мы убѣдились, что Австрія дѣйствуетъ заодно съ Россіей: князь Понятовскій еще не достигъ Кракова, какъ австрійскій фельдмаршалъ уже уступилъ мѣсто русскому авангарду подъ командой генерала Чаплица, которому, какъ поляку, было поручено распространить прокламаціи своего государя, прокламаціи, полныя всевозможныхъ увѣреній и соблазнительныхъ обѣщаній. Узнавъ о великодушныхъ намѣреніяхъ императора Александра, министры Матусевичъ, Мостовскій[1]) и Соболевскій съ графомъ Замойскимъ во главѣ, вступили съ эмиссарами русскаго правительства въ тайные переговоры, за которыми слѣдилъ Биньонъ, вернувшійся изъ Вильны и получившій приказъ отправиться вслѣдъ за княземъ Понятовскимъ въ Краковъ.

Обманутый въ своихъ несбыточныхъ надеждахъ, близ-

[1]) Министръ внутреннихъ дѣлъ.

кій другъ и довѣренное лицо Александра—князь Адамъ Чарторыйскій не сомнѣвался, что государь носитъ въ себѣ великодушное намѣреніе вернуть Польшѣ ея первоначальную независимость и считалъ своимъ долгомъ служить царю, но онъ не предвидѣлъ, что старая русская партія воздвигнетъ непреодолимыя преграды всѣмъ попыткамъ къ возрожденію Польши.

Вотъ тутъ-то и выступаетъ на сцену Новосильцевъ, сыгравшій позорную роль въ исторіи нашей несчастной страны. Онъ сдѣлалъ видъ, что раздѣляетъ патріотическія надежды Чарторыйскаго и либеральныя стремленія Александра и, благодаря этому ему удалось втереться къ нимъ въ довѣріе, успокаивая въ то же время русскихъ вельможъ относительно осуществленія великодушныхъ идей молодого государя и тайно пользуясь громаднымъ состояніемъ князя Чарторыйскаго для удовлетворенія своей потребности къ роскоши и разгулу. Появившись на политической аренѣ благодаря интригамъ, онъ съ тѣхъ поръ сталъ оказывать на дѣла роковое вліяніе и былъ назначенъ членомъ временнаго правительства.

Такъ обстояли дѣла, когда князь Понятовскій, расположившись со своимъ корпусомъ въ Краковѣ, все еще ожидалъ приказаній Наполеона.

Александръ, считая вполнѣ благопріятнымъ моментъ для отдѣленія Польши отъ Франціи, сдѣлалъ князю самыя выгодныя для Польши предложенія, и тутъ-то Понятовскій произнесъ слова, обнаружившія его, полную благородства, натуру:

— Я не приму никакихъ предложеній, какъ бы онѣ не были соблазнительны, если ихъ надо купить цѣною безчестія.

Посланный уѣхалъ, ничего не добившись.

Но Пруссія пошла еще дальше. Князь Антонъ Радзивиллъ, мужъ принцессы Луизы Прусской, двоюродной сестры короля, прибылъ въ Краковъ съ тайными пору-

ченіями. Радзивиллъ далъ понять князю, что наступила минута, когда стремленіе Понятовскаго занять польскій престолъ не удивила бы никого, тѣмъ болѣе, что королевская власть въ Польшѣ основана на выборномъ началѣ. Онъ доказывалъ, что судьба Польши тѣсно связана съ подобнымъ справедливымъ честолюбіемъ и никогда бы исторія не бросила упрека доблестному полководцу, если бы онъ рѣшился покинуть французскія, дабы по праву развернуть свои собственныя знамена.

Эта вкрадчивая рѣчь сопровождалась самыми льстивыми похвалами.

Въ своемъ отвѣтѣ Понятовскій заявилъ, что, желая быть вполнѣ достойнымъ уваженія, оказаннаго ему монархомъ, онъ считаетъ своимъ долгомъ дать ему вполнѣ откровенный отвѣтъ. Онъ категорически отказывается отъ предложеній, которыя, говоря правду, его болѣе удивили, чѣмъ польстили ему.

— Я поклялся,—прибавилъ онъ:—что не отдѣлю судьбы моей родины отъ судьбы Наполеона, который одинъ протянулъ намъ руку.

Князь Понятовскій предложилъ затѣмъ князю Радзивиллу оставить Краковъ въ двадцать четыре часа, предупредивъ его, что онъ дастъ знать обо всемъ случившемся Биньону.

Послѣ этого Наполеонъ сталъ оказывать Понятовскому особое довѣріе и у него даже зародилось намѣреніе посадить князя на польскій престолъ, если только позволятъ обстоятельства. Увы, съ этого надо было бы начать! Къ несчастью, недовѣріе и презрѣніе къ людямъ вообще часто заставляли Наполеона составлять ложныя представленія объ отдѣльныхъ личностяхъ. Я видѣла письмо, въ которомъ дядя передавалъ свою интимную бесѣду съ Наполеономъ въ Дрезденѣ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда шли переговоры о мирѣ, который можно было тогда заключить на подходящихъ условіяхъ. По странной фантазіи императоръ пожелалъ узнать мнѣніе

князя объ этомъ важномъ вопросѣ. Понятовскій, не раздумывая, отвѣтилъ съ чисто-солдатской прямотой:

— Если, ваше величество, приказываете мнѣ высказать мое мнѣніе, то я думаю, что было бы благоразумно теперь заключить миръ, дабы потомъ начать войну при болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

— Можетъ быть вы и правы,—воскликнулъ Наполеонъ:—но я буду продолжать войну, дабы заключить потомъ болѣе благопріятный миръ! Будущее рѣшитъ, кто изъ насъ правъ.

И говоря это, онъ съ такой силой дернулъ шнурокъ сонетки, которой онъ игралъ въ продолженіе всего разговора, что лакей моментально вскочилъ въ комнату.

13 апрѣля 1813 года польская армія получила приказъ къ выступленію. Она прошла Богемію и сосредоточилась въ Циттау, въ Саксоніи.

Спустя много лѣтъ, по дорогѣ въ Карлсбадъ, проѣзжая черезъ эту прекрасную страну, я имѣла счастье убѣдиться, съ какой любовью и почитаніемъ относятся здѣсь къ памяти князя Понятовскаго.

Лѣто 1813 года было свидѣтелемъ послѣднихъ чудесъ генія Наполеона. Солнце Аустерлица еще освѣщало битвы при Люценѣ и Бауценѣ, но пораженіе при Лейпцигѣ уже подало сигналъ къ паденію колосса. Императоръ встрѣтился съ княземъ Понятовскимъ въ Делицѣ. Ознакомившись со всѣми пунктами, откуда можно было бы ожидать нападенія непріятеля, онъ поручилъ полякамъ защиту самаго важнаго пункта.

Въ продолженіе всего дня 16 октября они удерживали позицію, хотя въ ихъ распоряженіи было гораздо меньше силъ, чѣмъ у непріятеля. За дѣло при Делицѣ Понятовскій получилъ маршальскій жезлъ. 19-го вечеромъ онъ былъ призванъ императоромъ.

— Князь,—обратился къ нему Наполеонъ,—вы будете защищать южное предмѣстье и прикрывать отступленіе.

— Государь, у меня осталось очень мало солдатъ,—

отвѣчалъ Понятовскій, съ трудомъ скрывая печаль: накануне у него погибло около трехъ четвертей солдатъ.

— Ничего! семь тысячъ поляковъ подъ вашимъ начальствомъ стоятъ цѣлаго корпуса.

— Государь, мы всѣ готовы умереть.

И тутъ еще поляки проявили чудеса храбрости, но та кучка изъ нихъ, которая избѣгла непріятеля, погибла отъ взрыва Лейпцигскаго моста. Ихъ герой-начальникъ, не желая попасть въ плѣнъ, бросился въ Эльстеръ, и такъ какъ онъ не умѣлъ плавать, а одна рука его была на перевязи, то онъ исчезъ въ волнахъ этой маленькой рѣченки, сильно вздувшейся отъ осеннихъ дождей.

— Богъ мнѣ поручилъ честь поляковъ, Богу я и отдаю ее.

Таковы были послѣднія слова Понятовскаго, и онѣ какъ нельзя лучше выражаютъ собой величественно-простую исторію всей его жизни.

Впродолженіе нѣсколькихъ дней мы ничего не знали объ этой страшной катастрофѣ, переполнившей чашу нашихъ страданій.

Русскіе, новые хозяева Варшавы, скрывали подробности боя, но мы скоро узнали эту ужасную новость и она произвела на насъ такое потрясающее впечатлѣніе, какъ будто подъ нами разверзлась земля. Страна находилась во власти непріятеля, армія была уничтожена, всѣ средства исчерпаны! Скромное герцогство Варшавское, которое когда-то казалось несоотвѣтствующимъ нашимъ чаяніямъ и усиліямъ, стало теперь для насъ предметомъ вѣчныхъ сожалѣній...

Наполеону было очень трудно найти замѣстителя князю Понятовскому, но онъ не хотѣлъ распустить остатки польской арміи, разсчитывая при случаѣ ими воспользоваться.

Его выборъ палъ на князя Сулковскаго, который отличился еще въ Египтѣ и съ именемъ котораго были связаны воспоминанія объ этой странѣ, гдѣ Сулковскій обратилъ на себя вниманіе Наполеона и пріобрѣлъ его

расположеніе. Этотъ выборъ оказался неудачнымъ. Сулковскій, хотя и отличался храбростью, но не имѣлъ ни характера, ни способностей государственнаго человѣка. Утомленный долгой и неудачной кампаніей, притомъ совсѣмъ нечестолюбивый, онъ думалъ только о томъ, какъ бы скорѣе вернуться къ женѣ, которую онъ обожалъ. Онъ совсѣмъ не старался поддержать въ солдатахъ духъ и, чувствуя себя не на высотѣ своей задачи, подалъ въ отставку.

Командованіе арміей было тогда поручено Домбровскому,[1]) тому самому, который когда-то организовалъ первые легіоны въ Италіи[2]). Онъ перешелъ Рейнъ у Майнца и остановился въ Седанѣ со своимъ весьма малочисленнымъ отрядомъ. Генералъ Флаго,[3]) адъютантъ императора, получилъ приказъ догнать его для укомплектованія кадровъ. Съ большимъ трудомъ удалось сформировать три полка кавалеріи, командованіе которыми принялъ на себя графъ Пакъ, а Домбровскій уже больной и старый, остался въ Седанѣ для реорганизаціи пѣхотнаго корпуса.

Храбрый графъ Пакъ,[4]) вслѣдствіе тяжелой раны, полученной при Краонѣ, долженъ былъ удалиться, а тѣмъ временемъ Винцентъ Красинскій, по декрету, подписанному 4 апрѣля 1814 года въ Фонтенебло, добился поста генералъ-аншефа польской арміи.

Тщетно наши соотечественники ходатайствовали о милости—разрѣшить имъ слѣдовать за Наполеономъ въ

---

[1]) Янъ-Генрихъ Домбровскій, 1755—1818.

[2]) Въ 1796 г.

[3]) Родился въ 1785 году, умеръ 1870 году въ чинѣ канцлера Почетнаго Легіона.

[4]) Графъ Луи-Мишель Пакъ, 1780—1835 г. Онъ отличился почти во всѣхъ наполеоновскихъ войнахъ сначала въ качествѣ начальника эскадрона легкой гвардейской кавалеріи, затѣмъ въ качествѣ полковника 14 польскаго кавалерійскаго полка и, наконецъ, сначала какъ бригадный, а затѣмъ, какъ дивизіонный генералъ главнаго штаба Наполеона.

изгнаніе. Тронутый ихъ преданностью въ то время, когда все кругомъ, казалось, было полно измѣны, онъ выбралъ тридцать поляковъ которые, подъ начальствомъ Жермановскаго, отправились на Эльбу.

Безпристрастіе есть печальный долгъ каждаго пишущаго свои мемуары, когда приходится обнаруживать рядомъ съ дѣяніями, достойными похвалы, также человѣческія ошибки и гнусности.

Вообще характеръ поляковъ представляетъ изъ себя смѣсь крайностей: съ одной стороны—патріотизмъ, благородство, необыкновенное безкорыстіе, а съ другой—бахвальство, самолюбіе и безудержное тщеславіе. Красинскій отличался послѣдними качествами: самолюбивый безъ благородства, лживый, низкопоклонный и льстивый по натурѣ и склонностямъ,—онъ не останавливался ни передъ чѣмъ для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Желая прослыть за знатнаго вельможу, покровителя искусствъ, онъ заказалъ Верне картину, изображавшую битву при Сомо-Сіерра и имѣлъ смѣлость приказать художнику помѣстить на картинѣ и свой собственный портретъ, хотя всѣмъ было хорошо извѣстно, что онъ не принималъ участія въ этой битвѣ. Быть можетъ, современники и простили бы ему его недостатки, но послѣ паденія Наполеона онъ перешелъ на сторону Александра, сдѣлавшись русскимъ, какъ передъ тѣмъ сдѣлался французомъ. Въ дѣла, касавшіяся его родины, онъ внесъ такое рвеніе, что заслужилъ отъ патріота-Нѣмцевича прозвище «добровolецъ низости». Судьба оказала ему милость, которая могла бы его реабилитировать въ мнѣніи его согражданъ, если бы онъ сумѣлъ ею воспользоваться, но его неопреодолимая склонность къ интригамъ и желаніе возвыситься во что бы то ни стало увлекли его на путь, гдѣ онъ заслужилъ лишь одно презрѣніе.

Императоръ Александръ поручилъ ему отвести въ Польшу остатки нашей арміи и перевезти изъ Лейпцига останки князя Понятовскаго. Исполнивъ это порученіе,

Красинскій долженъ былъ бы удалиться, жить воспоминаніями и ожидать событій.

Говоря о перенесеніи дорогого праха, я должна мысленно сосредочиться на этомъ событіи.

Какъ только показалась погребальная процессія съ прахомъ князя, весь путь покрылся массой народа, который бѣжалъ навстрѣчу тому, кого считали хранителемъ національной славы. Духовенство вышло къ городской заставѣ съ большой пышностью и приняло тѣло, которое было поставлено на погребальную колесницу, покрытую горностаевой мантіей и украшенную регаліями и гербами. Съ перевернутыми прикладами, въ мрачномъ молчаніи слѣдовали войска за печальной колесницей. Вдругъ, совершенно неожиданно, не спрашивая разрѣшенія у начальниковъ, солдаты бросились къ лошадямъ, распрягли ихъ и сами повезли гробъ. Такъ шествіе достигло храма Св. Креста, гдѣ солдаты передали дорогіе останки на руки генераловъ, которые поставили прахъ въ подземную часовню, откуда его должны были перевезти въ Краковъ, въ соборъ, гдѣ погребены наши короли и великіе люди.

Съ этого дня каждое утро въ храмѣ собирались толпы народа, которыя съ благоговѣніемъ слушали заупокойную обѣдню, совершавшуюся ежедневно у гроба покойнаго князя,—и я не разъ видѣла старыхъ солдатъ, плакавшихъ на ступенькахъ траурнаго катафалка.

Моя траурная карета слѣдовала шагомъ за печальной процессіей среди этой огромной толпы, печаль и горе которой я лучше, чѣмъ кто-либо другой, понимала и раздѣляла. Мои дѣти также присутствовали при этой печальной церемоніи. Мнѣ казалось, что я исполняю послѣдній долгъ, запечатлѣвая въ ихъ юношескомъ воображеніи это скорбное зрѣлище, такъ какъ я хотѣла, чтобы они никогда не забывали, какая слава окружаетъ того, кто жилъ и умеръ такъ, какъ Понятовскій.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Русскіе въ Варшавѣ.

I.

Костюшко и Александръ.

(1815).

Переписка Александра и Костюшко въ 1814 году.—Курганъ.—Совѣтъ министровъ.—Новосильцевъ.—Чубукъ г. Ланского.

Находясь у родителей моего мужа[1]) и занимаясь воспитаніемъ своихъ трехъ дѣтей, я снова, полная печали, принимаюсь за изложеніе событій, случившихся въ Польшѣ послѣ отреченія Наполеона.

Императоръ Александръ объявилъ, что принимаетъ наше отечество подъ свое непосредственное покровительство. Во время пребыванія въ Парижѣ онъ проявилъ по отношенію къ полякамъ самое лестное вниманіе.

Узнавъ объ этомъ, генералъ Костюшко счелъ своимъ долгомъ обратиться къ русскому императору съ слѣдующимъ письмомъ:

«Государь! Если я изъ своего скромнаго убѣжища осмѣливаюсь обратиться къ великому монарху, объявившему себя покровителемъ человѣчества, то только потому, что мнѣ хорошо извѣстно его великодушіе. Я начинаю съ просьбы у вашего величества трехъ мило-

---

[1]) Въ Вилановѣ.

стей. Во-первыхъ, о дарованіи общей амнистіи полякамъ безъ всякихъ ограниченій и о признаніи свободы за тѣми изъ крестьянъ, которые разсѣяны въ иностранныхъ арміяхъ, какъ только они возвратятся на родину. Во-вторыхъ, о провозглашеніи вашего величества королемъ польскимъ, о введеніи конституціи, аналогичной той, которая существуетъ въ Англіи, объ учрежденіи на казенный счетъ школъ для образованія крестьянъ. Въ-третьихъ, объ уничтоженіи крѣпостной зависимости крестьянъ въ теченіе десяти лѣтъ и о предоставленіи имъ правъ собственности на ту землю, которою они пользуются.

«Если мои мольбы будутъ услышаны, я приду самъ, несмотря на свою болѣзнь, съ благодарностью броситься къ ногамъ вашего величества и воздать почтеніе и преданность моему государю.

«Если мои слабыя способности могутъ еще принести нѣкоторую пользу, я тотчасъ же отправлюсь къ своимъ соотечественникамъ, дабы вѣрно служить отечеству и моему государю.

Костюшко».

Бервилль, 9 апрѣля 1814 года.

Александръ отвѣтилъ на это письмо 3 мая.[1]) Очень искусный въ дѣлѣ политическаго кокетства, онъ намѣренно выбралъ для отвѣта день, цѣнный полякамъ по воспоминаніямъ, дабы придать еще болѣе блеска своимъ обѣщаніямъ и овладѣть личнымъ расположеніемъ Костюшки. Вотъ его отвѣтъ.

«Съ чувствомъ большого удовольствія отвѣчаю, генералъ, на ваше письмо. Ваши самыя завѣтныя желанія исполнены. Съ помощью Всемогущаго я надѣюсь возстановить храбрую и почтенную націю, къ которой вы принадлежите. Я далъ въ этомъ торжественное обязательство и благосостояніе вашей родины всегда занима-

---

[1]) Годовщина Конституціи 1791 г.

ло мои мысли; только одни политическія обстоятельства препятствовали исполненію моихъ намѣреній. Этихъ препятствій болѣе не существуетъ: они устранены двумя годами страшной и славной борьбы. Еще немного времени, и поляки получатъ обратно свою родину, свое имя, а я буду имѣть счастье доказать имъ, что, тотъ, кого они считали своимъ врагомъ, предавъ забвенію прошлое, теперь осуществитъ ихъ желанія. Какъ бы я былъ радъ имѣть васъ, генералъ, своимъ помощникомъ! Ваше имя, характеръ, способности, были бы моей лучшей поддержкой. . . . .

Примите, генералъ, увѣреніе въ моемъ къ вамъ уваженіи.

Александръ».

Вышеприведеныя слова не допускали сомнѣнія въ намѣреніяхъ того, кто ихъ написалъ и подписалъ. Очарованный и увлеченный Костюшко отправился въ Парижъ съ предложеніемъ своихъ услугъ императору, который, изъ особаго уваженія къ защитнику всѣхъ свободъ (Костюшко принималъ участіе въ войнѣ за освобожденіе Америки), приказалъ поставить почетный караулъ передъ отелемъ, гдѣ жилъ генералъ.

Хорошо понимая то впечатлѣніе, которое произведетъ въ Польшѣ это высокочтимое имя, Александръ съ готовностью принялъ великодушное предложеніе благороднаго патріота, открылъ ему свои планы и пригласилъ его ѣхать съ собой на Вѣнскій конгрессъ, гдѣ должна была окончательно рѣшиться наша судьба.

Но убѣдившись вскорѣ, что намѣренія императора Александра не соотвѣтствовали или не могли соотвѣтствовать его пылкимъ патріотическимъ мечтамъ, Костюшко устранился и не захотѣлъ связать свое имя съ тѣми призрачными обѣщаніями, которыми государь не переставалъ насъ осыпать. Съ горечью въ сердцѣ онъ возвратился въ Швейцарію, гдѣ, спустя нѣсколько лѣтъ, умеръ на рукахъ вѣрныхъ друзей, оставивъ послѣ себя

имя, вокругъ котораго никогда не исчезнетъ ореолъ любви и почтенія.

Поляки добились у императора позволенія перевезти смертныя останки Костюшки на родину, которую онъ нѣжно любилъ и защищалъ съ такимъ жаромъ. Перевезеніе состоялось, и прахъ былъ погребенъ въ Краковскомъ Соборѣ. [1])

Чтобы увѣковѣчить драгоцѣнную память объ этомъ патріотѣ, рѣшено было въ честь его воздвигнуть памятникъ-курганъ, который напоминалъ бы постоянно грядущимъ поколѣніямъ о заслугахъ и самоотверженіи этого народнаго героя. Для устройства этого памятника потребовалось десять лѣтъ времени и огромныя суммы денегъ. Въ подпискѣ на памятникъ приняли участіе всѣ классы общества, и Александръ первый подписался на листѣ пожертвованій и внесъ свою лепту. Не лишенный величія души, Александръ обладалъ качествомъ, рѣдко встрѣчающимся у государей: онъ понималъ возвышенныя чувства и они не вызывали у него подозрѣній.

Какъ только судьба нашей страны была рѣшена на Вѣнскомъ конгрессѣ, императоръ Александръ принялъ титулъ короля польскаго. Желая придать правительству національный характеръ, онъ назначилъ совѣтъ, въ которомъ, между прочимъ, принимали участіе трое самыхъ безупречныхъ члена: князь Чарторыйскій,[2]) Вавржецкій и князь Любецкій, а въ качествѣ предсѣдателя былъ назначенъ русскій сенаторъ Ланской.

Новосильцевъ также принималъ участіе въ этомъ совѣтѣ.

Природа не была щедрой по отношенію къ этому человѣку и, одаривъ его отталкивающей наружностью, какъ бы желала предупредить тѣхъ, кого могли ввести въ заблужденіе его хитрость и двуличность. Онъ былъ косъ, но косилъ совсѣмъ особеннымъ образомъ: въ то

---

[1]) Рядомъ съ могилой Понятовскаго.

[2]) Князь Адамъ, сынъ князя Адама-Казиміра, см. его «Memoires».

время, какъ одинъ его глазъ льстилъ, другой—старался прочитать въ душѣ собесѣдника самыя сокровенныя мысли. Мнѣ его представилъ князь Чарторыйскій, и въ первое время его пребыванія въ Варшавѣ онъ часто бывалъ у меня, желая, повидимому, узнать, о чемъ думало и говорило собиравшееся у меня общество.

Признаюсь, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ я находилась подъ его чарующимъ вліяніемъ и вѣрила, что онъ преданъ нашимъ интересамъ. Люди, болѣе меня опытные, попались на эту удочку и не такъ скоро раскусили его.

Побочный сынъ графа Строгонова, Новосильцевъ получилъ воспитаніе за-границей на средства этого вельможи. Пребываніе въ Англіи придало ему видъ настоящаго джентльмена. Его отвратительное вліяніе продолжалось въ Польшѣ двадцать лѣтъ. Гнусный и корыстолюбивый доносчикъ, онъ постоянно изобрѣталъ заговоры, чтобы держать правительство въ тревогѣ и, компрометируя молодыхъ студентовъ, заставлялъ несчастныхъ матерей выкупать жизнь и свободу дѣтей цѣною своихъ жалкихъ сбереженій.

Устроившись въ Варшавѣ, Ланской вызвалъ сюда своихъ жену и дѣтей, которыя были уродливы, какъ патагонцы. Однако, несмотря на свой татарскій типъ—выдающіяся скулы и маленькіе китайскіе глазки, онъ обладалъ привѣтливымъ лицомъ честнаго человѣка и принадлежалъ къ небольшому числу тѣхъ русскихъ, которые, по справедливости, считались вполнѣ достойными людьми, но онъ былъ такъ грубъ, что отъ самой его кожи, казалось, исходилъ медвѣжій запахъ.

Я вспоминаю теперь, какъ однажды, собираясь съ визитомъ къ г-жѣ Ланской, я была предупреждена, что самъ Ланской, какъ настоящій сатрапъ, позволяетъ себѣ входить въ салонъ съ трубкой въ зубахъ, разсчитывая на снисхожденіе находящихся тамъ дамъ, и во избѣжаніе этого, явившись туда, я сразу напустила на себя чопорный тонъ. Комната, въ которой находилась

г-жа Ланская, была пропитана такимъ сильнымъ запахомъ табаку, что не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ привычкахъ Ланского. Но лакей поспѣшилъ доложить о моемъ пріѣздѣ и хозяинъ успѣлъ скрыться. Я застала въ гостиной много народа, а также и Новосильцева, у котораго стала допытываться съ нѣсколько преувеличенной настойчивостью о причинѣ отвратительнаго запаха, которымъ была пропитана вся гостиная. Я настаивала на внимательномъ осмотрѣ каминныхъ трубъ, при чемъ высказала предположеніе, что запахъ могъ проникнуть къ нимъ изъ солдатской караульни, находящейся во дворѣ Брюлевскаго дворца, занимаемаго президентомъ.

Я имѣю основаніе думать, что меня поняли, такъ какъ съ тѣхъ поръ Ланской больше не курилъ въ гостиной, и меня потомъ не разъ благодарили дамы, которыя, не рѣшаясь выразить своего неудовольствія, были вынуждены глотать клубы дыма изъ чубука Ланского.

II.

Вѣнскій Конгрессъ.

(1815).

Князь Чарторыйскій на конгрессѣ.—Переписка князя съ лордомъ Греемъ и лордомъ Голандомъ.—Князь Меттернихъ.—Принцъ Талейранъ.—Лордъ Кастельро.—Конгрессъ танцуетъ.—Государи и женщины. — Турниръ. — Извѣстіе о высадкѣ Наполеона.— Да здравствуетъ король польскій!—Новая конституція.

Князь Чарторыйскій, ослѣпленный своими иллюзіями и думая, что онъ уже достигъ цѣли, къ которой были направлены всѣ его мысли и дѣйствія, послѣдовалъ за императоромъ Александромъ на Вѣнскій конгрессъ. И здѣсь возникла безпрерывная борьба между мечтами и дѣйствительностью.

Видя, что намѣренія Александра совсѣмъ не соотвѣтствуютъ его мечтамъ и страстно желая привлечь Англію на сторону Польши, князь возобновилъ интимную переписку съ лордомъ Греемъ и лордомъ Голандомъ, при этомъ онъ задался цѣлью доказать имъ, что для спокойствія Европы необходимо остановить поступательное движеніе Россіи, возстановивъ независимую Польшу, въ качествѣ оплота европейской цивилизаціи.

Эти письма, которыя я видѣла въ копіяхъ, князь имѣлъ неосторожность довѣрить своему секретарю, состоявшему при немъ много лѣтъ. Поведеніе и характеръ этого человѣка не давали повода сомнѣваться въ его

преданности, а между тѣмъ письма были похищены и переданы Новосильцеву, который воспользовался ими, какъ главнымъ орудіемъ обвиненія, направленнаго противъ министра и друга, пользовавшагося полнымъ довѣріемъ Александра.

Имѣя возможность впродолженіи многихъ лѣтъ оцѣнить достоинства и способности Чарторыйскаго, императоръ сдѣлалъ его съ самаго открытія сейма участникомъ всѣхъ трудовъ, имѣвшихъ своей цѣлью будущее устройство Польши. Но Чарторыйскій, вся цѣль жизни котораго была направлена на то, чтобы быть полезнымъ своей родинѣ и служить ей со всѣмъ пыломъ преданнаго сердца, напоминалъ собой античнаго героя, который пожертвовалъ родинѣ всѣми своими привязанностями: сильно ошибались тѣ, которые подозрѣвали въ трудахъ князя какія-либо корыстныя цѣли.

Между тѣмъ, выяснилось, что планы собравшихся въ Вѣнѣ представителей европейскихъ кабинетовъ рѣзко отличались отъ намѣреній русскаго императора.

Съ одной стороны, всѣ сходились въ мнѣніи о несправедливости раздѣла Польши, а съ другой—считали совершенно недопустимымъ создавшееся за послѣдніе годы положеніе вещей въ Польшѣ съ непрекращающимися смутами и постоянными неурядицами: всѣ пришли къ убѣжденію въ необходимости возстановить свободную и независимую Польшу въ ея прежнихъ границахъ.

Князь Меттернихъ отъ имени своего государя торжественно заявилъ, что онъ не остановится передъ самыми серьезными жертвами, если въ Польшѣ не будетъ учреждено національное правительство.

Съ своей стороны Талейранъ, отъ имени Франціи, настаивалъ на возстановленіи Польши, доказывая, что раздѣленіе ея послужило бы прелюдіей для всеевропейскаго переворота, при чемъ заявилъ, что король французскій, съ такимъ трудомъ возстановленный въ своихъ правахъ, могъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ только съ правомъ совѣщательнаго голоса.

Такъ какъ въ Англіи общественное мнѣніе всегда болѣе или менѣе вліяетъ на политику кабинета, то лордъ Кастельро, говоря о Польшѣ, настаивалъ на необходимости загладить величайшее политическое преступленіе, когда-либо омрачавшее собой лѣтописи цивилизованнаго міра. Благородный лордъ требовалъ, чтобы участники конгресса приняли такую систему государственнаго устройства Польши, которая оказала бы имъ честь въ глазахъ всего міра.

Между тѣмъ Пруссія, тѣсно связанная своими интересами съ Россіей, хранила молчаніе, счастливая уже тѣмъ, что избѣгла полнаго уничтоженія, которымъ ей угрожалъ Наполеонъ.

Среди этихъ серьезныхъ занятій, какъ тогда зло шутили, конгрессъ танцовалъ. Мы были освѣдомлены обо всемъ, что на немъ происходило; каждый имѣлъ тамъ друзей или знакомыхъ, которые спѣшили сообщить намъ все до мельчайшихъ подробностей.

Государи, какъ дѣти, впервые вырвавшіяся изъ-подъ надзора наставниковъ, наслаждались, чувствуя себя властелинами у себя дома. Великанъ, такъ долго тревожившій ихъ, больше не существовалъ и ихъ некому было теперь сдерживать. Счастье ихъ было полно и они забавлялись, какъ короли, ничего не боясь. Каждый государь выбралъ себѣ даму сердца. Александръ удостоилъ своимъ вниманіемъ княгиню Ансպергъ, отличавшуюся добродѣтелями; она была такъ благоразумна и такъ некрасива, что этотъ выборъ удивилъ всѣхъ и многіе посмѣивались, вспоминая знаменитую m-elle Бургуэнъ, скомпрометировавшую репутацію императора во время его пребыванія въ Парижѣ.

Прусскій король влюбился въ прелестную Юлію Зичи, всѣ мелкіе государи послѣдовали его примѣру, и вскорѣ конгрессъ превратился въ дворъ любовныхъ интригъ, съ той только разницей, что каждое утро министры обмѣнивались дипломатическими нотами, съ которыми государи знакомились второпяхъ, досадуя, что ихъ

отрываютъ отъ ихъ удовольствій. Само собой разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ дѣла конгресса почти не подвигались впередъ.

Вѣнскій дворъ блеснулъ такой роскошью, которой отъ него совсѣмъ не ожидали; казалось, что еще недавно его гибель была такъ близка, что онъ исчерпалъ всѣ свои сокровища, но на самомъ дѣлѣ оказалось совсѣмъ не то.

Императоръ Францъ давалъ роскошные праздники, среди которыхъ особенно выдѣлился турниръ, гдѣ знать соперничала другъ съ другомъ въ блескѣ и великолѣпіи. Старинные доспѣхи, роскошное убранство лошадей, оружіе, богато украшенное драгоцѣнными каменьями,—все это при случаѣ могло бы служить богатымъ выкупомъ за знатныхъ плѣнниковъ.

Этотъ ослѣпительный праздникъ былъ устроенъ въ огромномъ императорскомъ манежѣ, гдѣ красивѣйшія дамы, всѣ въ брилліантахъ, раздавали роскошные призы. На этомъ праздникѣ присутствовала масса публики, получившей билеты отъ двора и отъ дамъ.

Среди этихъ забавъ и роскошныхъ увеселеній къ Талейрану прибылъ курьеръ съ донесеніемъ, что Наполеонъ высадился во Франціи. Казалось, средь бѣла дня на безоблачномъ небѣ сверкнула молнія и сразу превратила въ порошокъ людей, совсѣмъ не ожидавшихъ такого удара и уже успѣвшихъ забыть свои неудачи и униженія.

Левъ только притворился мертвымъ и теперь, грозно рыча, всталъ во всемъ своемъ великолѣпіи! Все пало ницъ при его приближеніи. Прошло время дипломатическихъ нотъ и переговоровъ:—всѣ потеряли головы и обратились въ повальное бѣгство! Курьеры бросились по всѣмъ направленіямъ, чтобы задержать войска, направлявшіяся по своимъ странамъ. Можно было сказать безъ преувеличенія, что въ это время государи и министры спали въ шляпахъ и со шпагами—настолько всѣ перепугались!..

Такова была развязка знаменитаго конгресса, завершившагося появленіемъ на свѣтъ трактата 1815 года,

трактата, родившагося подъ впечатлѣніемъ паническаго ужаса, вызваннаго неожиданнымъ возвращеніемъ Наполеона. Этотъ трактатъ рѣшилъ судьбу Польши.

Принимая во вниманіе затрудненія, встрѣтившіяся въ началѣ засѣданій конгресса, Александръ и не мечталъ о такомъ быстромъ и неожиданномъ оборотѣ дѣла и объявилъ себя королемъ страны, отданной ему безъ всякихъ оговорокъ и ограниченій. Онъ создалъ большой шумъ вокругъ предполагаемаго возстановленія Польши, дѣлая при этомъ видъ, будто онъ считаетъ этотъ актъ главнѣйшимъ и прекраснѣйшимъ для созданія себѣ безсмертія, въ сущности же весь конгрессъ закончился только еще однимъ раздѣломъ Польши. Увеличивъ свою часть четырьмя милліонами подданныхъ, императору Александру не представлялось никакой надобности поднимать споръ съ остальными участниками конгресса о свободномъ владѣніи областями, оставленными за нимъ со времени раздѣленія нашей несчастной родины. Но такъ какъ необходимо было оправдаться передъ тѣми, кому Александръ много разъ обѣщалъ больше того, что могъ исполнить, онъ объявилъ, что въ настоящій моментъ спокойствіе Европы не позволяетъ ему соединить всѣхъ поляковъ въ одно самостоятельное государство.

Съ этимъ важнымъ извѣстіемъ тотчасъ же былъ отправленъ курьеръ къ президенту, въ Сенатъ и къ Новосильцеву.

Онъ прибылъ въ Варшаву къ вечеру. Начали обсуждать, какимъ образомъ опубликовать содержаніе этого важнаго посланія съ возможно большей торжественностью. Новосильцевъ, бравшій на себя иниціативу во всемъ, рѣшилъ, что лучше всего сообщить объ этомъ въ театрѣ, во время антракта криками: «Да здравствуетъ король польскій!» Это была странная выдумка!

Кромѣ того, этотъ способъ извѣщенія столь важнаго событія—и вполнѣ заслуженно,—произвелъ впечатлѣніе какой-то насмѣшки, потому что, дѣйствительно, вся эта

исторія представляла собой одну сплошную комедію, но—съ другой стороны—кто же могъ предположить, что императорскій коммиссаръ позволитъ себѣ такую скверную шутку?

Все такъ и произошло, а такъ какъ въ партерѣ было много лицъ подкупленныхъ, а еще болѣе—недалекихъ, то сообщеніе было встрѣчено неистовыми криками и аплодисментами, только въ ложахъ публика оставалась безмолвной и равнодушной!

Въ бурныхъ манифестаціяхъ, разразившихся въ партерѣ, не принялъ участія никто изъ тѣхъ, кто пользовался вліяніемъ въ общественномъ мнѣніи.

Какъ ни старался Новосильцевъ, поощряя всѣхъ взглядами своихъ косыхъ глазъ, расточая улыбки и пожатія рукъ, все же въ залѣ скоро водворилась тишина.

Нѣкоторые изъ адъютантовъ императора, находившіеся въ Варшавѣ, расхаживали по залѣ и заходили въ ложи, но смущенные холоднымъ пріемомъ и не зная, какъ себя дальше держать, возвращались на свое мѣсто съ чрезвычайно растеряннымъ видомъ.

Вотъ какимъ образомъ узнали мы о событіи такой огромной важности, но почти не измѣнившаго нашего шаткаго положенія, если не считать, что намъ была обѣщана конституція, основанная на народномъ представительствѣ. Представительное правленіе, подобное тому, какое существовало въ Англіи, въ то время было конькомъ Александра, и [онъ игралъ въ конституцію, какъ дѣти играютъ въ барыню.]

Лица, преданныя Александру, утверждали, что его намѣренія и планы простирались гораздо далѣе, чѣмъ его обѣщанія, но онъ долженъ былъ дѣйствовать осторожно и медленно въ виду того неудовольствія, которое зародилось въ Россіи вслѣдствіе его пристрастія къ полякамъ.

Я не берусь оспаривать этого мнѣнія, но во всякомъ случаѣ, если бы Александръ искренно хотѣлъ возстановить Польшу, онъ прежде всего не вручилъ бы власть

своему брату Константину, прекрасно зная, что тотъ будетъ злоупотреблять ею и что его характеръ и идеи противорѣчили великодушнымъ и либеральнымъ намѣреніямъ императора.

13 мая 1815 года Александръ подписалъ основы конституціи, по которой должно было управляться наше королевство.

Въ этомъ актѣ мы не безъ удивленія замѣтили лестныя обѣщанія, сближавшія, насколько это было возможно, содержаніе этого трактата съ содержаніемъ конституціи 3 мая 1791 года,—предметомъ глубокаго уваженія каждаго польскаго патріота. Но уже слѣдующій параграфъ разсѣялъ всѣ наши надежды. Онъ гласилъ, что конституція предсталяетъ собой священныя узы, навсегда связующія королевство польское съ Россійской имперіей! При всемъ томъ, если бы эта конституція примѣнялась вполнѣ добросовѣстно, поляки были бы удовлетворены, но когда, въ день опубликованія, мы замѣтили, что нѣкоторые параграфы ея были искажены, а другіе—совсѣмъ исчезли, наше неудовольствіе достигло высшей степени.[1])

[1]) Хартія прошла черезъ руки Новосильцева. (Прим. граф.).

III.

Пребываніе императора Александра въ Варшавѣ.

(1815).

Прибытіе императора.—Церемоніалъ.—Балъ въ Редутѣ.—Великій князь Константинъ.—Русская дисциплина.—Образованіе новаго министерства.—Князь Адамъ Чарторыйскій.—Заіончекъ.—Madame Заіончекъ.—Любовница великаго князя.—Месть Константина.

Александръ вступилъ въ Варшаву въ двойномъ ореолѣ—великодушнаго миротворца и милостиваго возсоздателя Польши. Самоувѣренность, которая дается только счастьемъ, и грація манеръ увеличивали еще болѣе обаяніе императора.

Передъ нами былъ не юный и довѣрчивый принцъ, стремившійся такъ недавно навстрѣчу опасности, а монархъ, въ разцвѣтѣ лѣтъ, испытанный несчастьемъ и осыпаемый теперь милостями судьбы.

Его приняли съ почтительной и спокойной привѣтливостью, не имѣвшей ничего общаго съ энтузіазмомъ, который возбуждалъ Наполеонъ.

До того времени долго обсуждали вопросъ, какъ чествовать прибытіе Александра. Одни предлагали, чтобы дамы, въ видѣ славянскихъ богинь, встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью въ знакъ мира и союза двухъ сѣверныхъ народовъ, но этотъ способъ нашли черезчуръ театральнымъ и отклонили его. Другіе хотѣли воскресить

въ честь императора старинныя церемоніи, которыми нѣкогда сопровождалось избраніе королей, но Новосильцевъ отвергъ этотъ планъ, такъ какъ, по его мнѣнію, не слѣдовало смѣшивать воспоминаній съ надеждами. Рѣшили тогда остановиться на обычныхъ формахъ торжества, т. е., на иллюминаціяхъ съ транспарантами и даровыхъ зрѣлищахъ.

Городъ устроилъ великолѣпный балъ въ залахъ Редута, соединеннаго по этому случаю съ Большимъ театромъ и убраннаго съ необыкновеннымъ вкусомъ и изяществомъ.

Императоръ пріѣхалъ со своимъ штабомъ польскихъ генераловъ, въ польскомъ мундирѣ и совсѣмъ безъ орденовъ, только въ одной лентѣ Бѣлаго Орла, какъ бы заставляя этимъ забыть, что онъ царствовалъ и надъ другими народами и желая возбудить въ насъ любовь и довѣріе къ себѣ. Его обворожительныя манеры, мягкое и привѣтливое выраженіе лица произвели на всѣхъ неизгладимое впечатлѣніе и, будемъ откровенны, легкость, съ которой мы, поляки, поддались очарованію, довершила остальное, и я думаю, что въ тотъ день, Александръ, увлеченный силой произведеннаго имъ впечатлѣнія, самъ искренно мечталъ о свободной и независимой Польшѣ, въ которой онъ нашелъ вѣрныхъ подданныхъ.

На этомъ балу мы впервые увидѣли великаго князя Константина, исполнявшаго обязанности флигель-адъютанта при своемъ августѣйшемъ братѣ. При шпагѣ, въ узкомъ, наглухо застегнутомъ мундирѣ, онъ не спускалъ глазъ съ императора, выжидая его приказаній; казалось, ему нравилась та чопорная, напыщенная осанка, которая создается привычкой къ военной службѣ. Оттого онъ никогда и не уклонялся отъ исполненія этой обязанности, и всякій разъ, когда императоръ пріѣзжалъ въ Варшаву, великій князь никогда и никому не уступалъ своего мѣста, и называлъ своимъ долгомъ то, что было для него величайшимъ наслажденіемъ. Поэтому онъ никогда не танцовалъ и постоянно держался у

дверей зала, чтобы не пропустить выхода своего начальника.

Проходя мимо, я позволила себѣ подшутить надъ нимъ, и онъ отвѣтилъ мнѣ невозмутимо-серьезнымъ тономъ:

— Служба прежде всего, и даже самъ императоръ не заставитъ меня нарушить долгъ службы.

Любовь великаго князя къ дисциплинѣ доходила до того, что онъ счелъ бы преступленіемъ, если бы, по просьбѣ брата, хоть на минуту покинулъ свой постъ.

Для него смотръ войскамъ равнялся битвѣ и, не отличаясь храбростью, онъ любилъ въ этомъ опасномъ дѣлѣ только то, что до нѣкоторой степени напоминало собой сраженія. Его необычайная строгость къ солдатамъ происходила не только отъ природной жестокости, но также и оттого, что онъ придавалъ огромное значеніе всѣмъ мелочамъ. Если бы Константинъ обладалъ характеромъ Александра, онъ все-таки сумѣлъ бы примирить съ собой поляковъ.

Возможно даже, что тотъ горячій патріотизмъ, который мы вносили во всѣ отважныя и безразсудно-смѣлыя предпріятія, съ теченіемъ времени потерялъ бы свою остроту, если бы наше правительство не примѣняло бы по отношенію къ намъ такого произвола, а относилось бы съ большимъ сочувствіемъ къ тѣмъ установленіямъ, которыя намъ были обѣщаны.

Будемъ надѣяться, что Провидѣніе въ своихъ неисповѣдимыхъ путяхъ сохранитъ насъ отъ непредвидѣнныхъ опасностей и воздастъ намъ сторицею за всѣ перенесенныя нами мученія.

Первое пребываніе императора въ Варшавѣ внесло значительныя измѣненія въ администраціи королевства. Временное правительство было замѣнено постояннымъ. Ланской удалился, будучи назначенъ губернаторомъ одной изъ провинцій обширной имперіи—я не знаю точно, куда именно—и навѣрное былъ тамъ болѣе на мѣстѣ, чѣмъ у насъ въ Варшавѣ.

Армія имѣла начальника въ лицѣ великаго князя, оставалось только назначить намѣстника королевства и сформировать совѣтъ министровъ. Императоръ назначилъ почти всѣхъ тѣхъ, которые исполняли обязанности министровъ во время краткаго существованія Великаго герцогства Варшавскаго. Игнатій Соболевскій былъ назначенъ государственнымъ секретаремъ, Матусевичъ—министромъ финансовъ, Мостовскій—военнымъ, графъ Станиславъ Потоцкій, мой свекоръ, министромъ народнаго просвѣщенія; министерство юстиціи было поручено человѣку,[1]) который до сихъ поръ не принималъ никакого участія въ дѣлахъ Польши, такъ какъ до этого времени находился на службѣ въ Россіи и пріѣхалъ въ Варшаву какъ разъ къ тому времени, когда Александръ организовалъ временное правительство. Къ нему относились не особенно дружелюбно, хотя его благородный характеръ и заслуги, оказанныя отечеству во время войны 1794 года должны были бы примирить съ нимъ общество и заставить забыть то положеніе, которое онъ до этого времени вынужденъ былъ занимать.

Всѣ остальные министры были люди выдающагося ума и серьезнаго образованія, а ихъ патріотизмъ[2]) и незапятнанное прошлое пробуждали самыя радужныя надежды во всей націи, которая могла лишь привѣтствовать выборъ Александра. Но къ несчастью, подобно Наполеону, онъ нашелъ необходимымъ поставить во главѣ польскаго правительства, для наблюденія за его дѣйствіями, своего представителя подъ именемъ императорскаго комиссара, и, что хуже всего—назначилъ на этотъ важный постъ Новосильцева.

Его роль въ сущности сводилась къ тому, чтобы об-

---

[1]) Ѳома Вавржецкій, о которомъ была рѣчь выше.

[2]) Графъ Станиславъ Потоцкій и Мостовскій послѣ революціи Костюшко были заключены въ тюрьмы—одинъ въ Ольмюцѣ, а другой—въ Петербургѣ за участіе въ этомъ народномъ движеніи и составленіе Конституціи 3 мая.

(*Прим. граф.*).

легчить сношенія между Польшей и Россіей, но благодаря своей хитрости и ловкости, онъ втерся въ Верховный Совѣтъ и зналъ все, что тамъ происходило.

Какъ ни была ничтожна та свобода, которой добилась Польша, все же русская партія питала къ ней скрытую зависть, и Новосильцевъ, тайный агентъ этой партіи, поставилъ себѣ задачу подготовить разрывъ между императоромъ и Польшей.

Назначеніе намѣстника было первымъ актомъ, задѣвшимъ общественное мнѣніе. Трудно было найти на этотъ постъ болѣе достойнаго человѣка, чѣмъ князь Чарторыйскій. Близкій другъ императора, посвященный во всѣ политическія тайны, извѣстный своими гражданскими добродѣтелями, обширнымъ образованіемъ и безкорыстіемъ, князь Чарторыйскій соединялъ въ своемъ лицѣ всѣ качества, чтобы быть достойнымъ представителемъ государя. Вѣроятно, таково и было первоначальное намѣреніе Александра, но поддавшись съ перваго же дня гибельному вліянію, онъ пожертвовалъ другомъ предубѣжденіямъ своего брата.

Само собой разумѣется, что Чарторыйскій никогда не сдѣлался бы орудіемъ въ рукахъ деспотической власти и не дѣйствовалъ бы, какъ великій князь, который ни за что не подчинялся тому или другому порядку вещей только потому, что онъ его не понималъ.

Князь Чарторыйскій сохранилъ за собой только мѣсто въ Сенатѣ и потерялъ всякое непосредственное вліяніе на дѣла. Кромѣ того, онъ остался попечителемъ Виленскаго университета. Этотъ незначительный постъ сдѣлалъ его suprême-arbitre'омъ народнаго просвѣщенія: восемь миллiоновъ поляковъ, русскихъ подданныхъ, впродолженіи многихъ лѣтъ были обязаны ему самымъ тщательнымъ воспитаніемъ на почвѣ развитія благороднѣйшихъ чувствъ.

Константинъ съ подозрѣніемъ относился къ тѣмъ, которые своей знатностью были обязаны исключительно времени. Онъ никогда не могъ скрыть своей непріязни по

отношенію къ знатнымъ польскимъ фамиліямъ, потому онъ и внушилъ императору, что на постъ намѣстника необходимо выбрать преданнаго Россіи скромнаго военнаго, который безпрекословно исполнялъ бы всѣ данныя ему приказанія. Ихъ выборъ палъ на дряхлаго безхарактернаго старика, лишеннаго всякаго понятія объ управленіи, но зато его преданность заранѣе обезпечивала безпрекословное послушаніе новой династіи.

Какъ вполнѣ правильно о немъ говорили, полученный имъ постъ былъ выше его способностей, но, какъ награда, ниже его заслугъ. Выскочка изъ солдатъ, выведенный въ люди безчестнымъ Браницкимъ,[1]) Заіончекъ[2]) послѣдовалъ за Бонапартомъ въ Египетъ, но здѣсь ничѣмъ не выдѣлился среди другихъ офицеровъ.

Вернувшись въ Польшу, онъ снова вступилъ въ армію, преобразованную Наполеономъ; при отступленіи изъ Москвы лишился ноги, и это нѣсколько смягчило неблагопріятные оскорбительные слухи о его двуличномъ поведеніи во время войны за независимость.

Его жена заслуживаетъ занять мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ, и если исторія не занесетъ ее на свои страницы, то всѣ, кто знали ее близко, подобно мнѣ, должны по справедливости упомянуть о достоинствѣ, съ которымъ она держалась на своемъ высокомъ посту.

Она оказывала на своего мужа огромное вліяніе, постоянно борясь съ нимъ за то раболѣпство, съ которымъ онъ исполнялъ самыя незаконныя распоряженія, нарушая при всякомъ случаѣ конституцію и открыто заяв-

---

[1]) Браницкій или Бранецкій — однофамилецъ краковскаго кастеляна. О немъ упоминаютъ Казанова и Лауцюнъ въ своихъ мемуарахъ.

[2]) «Съ нѣкотораго времени административный совѣтъ убѣдился, что генералъ Заіончекъ, выражая ясный и заслуживающій уваженія взглядъ по всѣмъ вопросамъ, лишался своего мнѣнія, воли и даже чистой совѣсти, лишь только дѣло касалось его высочества великаго князя».

«Memoires du prince Czartoryski», II, 352.

ляя, что онъ всѣмъ обязанъ императору Александру и служитъ теперь ему съ тѣмъ же усердіемъ и преданностью, съ какой раньше служилъ Наполеону.

Эта безпрерывная борьба часто разражалась жестокими семейными бурями. M-me Заіончекъ, выгнанная въ одну дверь, врывалась въ другую и говорила своему мужу такія истины, которыхъ никто другой не рѣшился бы сказать и которыя не всегда оставались безплодными.

Отличаясь тактомъ и очень развитымъ чувствомъ мѣры, она держала себя знатной дамой съ знатными, съ нами же была очень скромна. Внезапное возвышеніе ни въ чемъ не измѣнило ея привычекъ и ея отношеній къ людямъ.

Происходя изъ простой семьи, она сохранила связи со своими родственниками; не отказываясь отъ нихъ, она тѣмъ не менѣе никогда не выдвигала ихъ.

Благородная и безкорыстная, она гораздо болѣе заботилась о репутаціи своего мужа, чѣмъ о личныхъ выгодахъ, которыя въ ея положеніи были столь соблазнительны. Легкомысленная въ своихъ склонностяхъ, стойкая въ своихъ чувствахъ и мнѣніяхъ, она представляла странную смѣсь женской пустоты и кокетства съ необычайной твердостью и благородствомъ характера.

Полу-министръ, полу-Нинонъ, (но безъ ея извѣстности), она съ увлеченіемъ занималась туалетами и, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, заводила нерѣдко любовныя интрижки, никогда, однако, не упуская случая оказать услугу своему мужу.

Вдовствующая императрица, чрезвычайно строгая въ соблюденіи приличій, во время пребыванія въ Варшавѣ, приняла ее чрезвычайно милостиво и даже благодарила ее за то, что она воспротивилась настояніямъ великаго князя и отказалась ввести въ свѣтъ его любовницу-француженку, которая по своему происхожденію не могла разсчитывать на благосклонный пріемъ въ салонахъ.

Вотъ какъ все это произошло.

У намѣстника назначенъ былъ большой балъ. Ново-

сильцевъ, всегда очень любезный, взялся достать пригласительный билетъ для любовницы великаго князя, г-жи Фридрихсъ. Къ счастью, г-жа Заіончекъ вошла въ кабинетъ своего мужа какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ съ Новосильцевымъ обсуждали этотъ вопросъ и, видя, что ея мужъ склоняется на доводы Новосильцева, она заявила, что, если онъ исполнитъ подобную неприличную просьбу, она скажется больной и не пріѣдетъ на балъ, развѣ что великій князь пошлетъ ей письменный приказъ съ собственноручной подписью, дабы она могла потомъ оправдаться на балу передъ дамами.

Галантный Меркурій ретировался ни съ чѣмъ.

Госпожа Заіончекъ должна была вынести упреки мужа, предсказывавшаго ей всевозможныя несчастія. Но оказалось совсѣмъ наоборотъ: ея настойчивость въ этомъ дѣлѣ скоро стала извѣстна не только въ Варшавѣ, но и въ Петербургѣ и доставила ей всеобщее уваженіе.

Великій князь, не безъ досады, подчинился, такъ какъ онъ прекрасно понималъ все неприличіе своего намѣренія. Онъ сильнѣе, чѣмъ кто-либо другой, чувствовалъ на чьей сторонѣ правда, но слишкомъ слабохарактерный, чтобы отказать въ чемъ-либо своей любовницѣ, онъ разсчитывалъ на трусливую снисходительность намѣстника и совсѣмъ не предвидѣлъ, что его жена выставитъ такое непреодолимое препятствіе его намѣренію. Слишкомъ хитрый, чтобы проявить сразу свое злопамятство, онъ сталъ медленно готовить свою месть.

Спустя нѣкоторое время послѣ вышеописаннаго случая, городъ давалъ въ честь Константина балъ, на которомъ m-me Заіончекъ должна была принимать гостей.

Какъ и слѣдовало ожидать, госпожа Фридрихсъ не была приглашена. Стоя посрединѣ залы, великій князь не скрывалъ своего дурного настроенія.

Согласно существовавшему обычаю, дама, принимающая гостей, удѣляла свое главное вниманіе тому, въ честь кого давался балъ. Но тщетно хозяйка праздника

выбирала различныя темы для разговора, стараясь развлечь великаго князя; обыкновенно разговорчивый, на этотъ разъ онъ отвѣчалъ своей дамѣ односложно. Вдругъ онъ подноситъ къ глазамъ свой лорнетъ и начинаетъ самымъ тщательнымъ образомъ разсматривать бальный туалетъ m-me Заіончекъ, туалетъ, красотѣ и изяществу котораго могла бы позавидовать молодая дѣвушка.

Улыбка Константина не обѣщала ничего хорошаго. M-me Заіончекъ, отъ вниманія которой никогда ничто не ускользало, насторожилась, но сдѣлала видъ, что совсѣмъ не замѣчаетъ того исключительнаго вниманія, съ которымъ онъ ее разсматриваетъ. Часъ мести насталъ, и избѣжать его ей не удалось.

— Вамъ все еще будто пятнадцать лѣтъ, возрастъ цвѣтовъ и любви, сказалъ князь, разсматривая ее въ лорнетъ съ головы до ногъ.

— Ваше высочество, прикажете мнѣ удалиться?— произнесла г-жа Заіончекъ, сопровождая эти слова движеніемъ, показывающимъ, что она хоть сейчасъ готова уѣхать съ бала.

Эта спокойная и молчаливая угроза застала великаго князя совершенно врасплохъ и такъ смутила его, что онъ неуклюже сталъ извиняться, и на этотъ разъ насмѣшники не были на его сторонѣ.

IV.

Бракъ великаго князя Константина.

(1820).

Сеймъ 1818 года.— Роль великаго князя Константина.—Статуя князя Іосифа Понятовскаго.—Madame Броничъ.—Жанна Грудзинская.— Madame Фридрихсъ.— Свадьба.— Разладъ.— Клавикорды, подаренныя супругѣ великаго князя.—Madame Вейсъ.— Герцогиня Ловичъ.

Въ знаменательный день 17 марта 1818 г. открылся Сеймъ. Съ восхищеніемъ и удивленіемъ услышала Европа рѣчь неограниченнаго монарха, запечатлѣнную любовью къ свободѣ: Александръ даровалъ небольшой группѣ своихъ подданныхъ либеральныя учрежденія.

— Съ Божьей помощью, сказалъ онъ, я намѣренъ распространить эти благодѣтельныя учрежденія на всѣ страны, которыя Провидѣнію угодно было довѣрить моимъ заботамъ.

Не только Польшѣ, но и Россіи было обѣщано дарованіе впослѣдствіи конституціонныхъ свободъ.

Нація съ полнымъ довѣріемъ ожидала, что она будетъ призвана къ осуществленію своихъ правъ. Но тутъ оказалось, что намѣренія императора уже кто-то успѣлъ извратить. Три самые главные пункта конституціи были измѣнены такъ.

I. Право лишенія личной свободы (habeas caprus), если того требуетъ благо страны.

II. Бюджетъ только въ томъ случаѣ подлежитъ об-

сужденію Палатъ, если государь усмотритъ въ этомъ надобность.

III. Цензура сохранена.

Но какъ бы то ни было, рѣчь, произнесенная императоромъ при открытіи Сейма, была сплошной апологіей конституціоннаго образа правленія. Всѣ газеты вознесли до небесъ великодушнаго монарха, подавшаго такой прекрасный примѣръ другимъ государямъ: особенно надѣялись, что въ Германіи, въ странѣ, болѣе насъ подготовленной, будетъ введена подобная реформа. Предсѣдателемъ Сейма былъ назначенъ генералъ Красинскій, также преданный Россіи, какъ и Заіончекъ, но имѣвшій передъ нимъ преимущества въ видѣ своего происхожденія и нѣкоторой военной репутаціи, съ грѣхомъ пополамъ пріобрѣтенной имъ во время наполеоновскихъ войнъ.

Однимъ изъ интереснѣйшихъ явленій этого Сейма была та роль, которую выбралъ себѣ великій князь Константинъ. По хартіи, какъ принцъ крови, онъ имѣлъ право засѣдать въ Сенатѣ, но онъ пожелалъ быть избраннымъ въ качествѣ депутата отъ пражскаго предмѣстья. Неизвѣстно, что руководило имъ въ данномъ случаѣ: хотѣлъ ли онъ съ самаго начала показать свое пренебреженіе къ установленнымъ правиламъ или, любя всевозможныя неожиданности, онъ проявилъ обычную странность своего характера, но какъ бы то ни было, Константинъ, съ согласія августѣйшаго брата, былъ избранъ на новый постъ. Императоръ, со свойственной ему проницательностью, уже предвидѣлъ, что грозная фигура его брата будетъ смущать ораторовъ и удержитъ ихъ отъ опасныхъ патріотическихъ взрывовъ.

Любопытно и ново было видѣть наслѣдника-цесаревича, главнаго инціатора злоупотребленія властью, въ качествѣ защитника народа и конституціонныхъ правъ.

Пятнадцать лѣтъ продолжалась эта игра. Константинъ рѣдко посѣщалъ палату. Онъ говорилъ только одинъ разъ и то по-французски—по вопросу о фуражѣ.

Онъ представилъ только одну петицію въ пользу жителей Праги, и только она одна была цѣликомъ уважена императоромъ. Все его участіе въ дѣлахъ палаты ограничилось строгимъ наблюденіемъ за часовыми, разставленными въ кулуарахъ и за дѣятельностью полиціи во время засѣданій. Короче говоря, онъ исполнялъ болѣе рьяно обязанности капрала, чѣмъ депутата.

Изъ расположенія ли къ брату, или по семейной склонности, Александръ никогда не пропускалъ утреннихъ разводовъ войскъ и затѣмъ уже принимался за болѣе серьезныя занятія. Въ два часа онъ выходилъ второй разъ изъ дворца и дѣлалъ визиты тѣмъ дамамъ, которымъ хотѣлъ оказать особенное вниманіе

Однажды императоръ посѣтилъ меня, и я воспользовалась представившимся мнѣ случаемъ, чтобы испросить у него разрѣшеніе на постановку конной статуи князя Понятовскаго на одной изъ городскихъ площадей. Я считала себя вправѣ обратиться къ императору съ подобной просьбой въ качествѣ наслѣдницы и близкой родственницы героя. Александръ изволилъ дать мнѣ свое согласіе и въ сочувственныхъ выраженіяхъ упомянулъ о благородныхъ качествахъ и героической смерти того, кому собирались теперь воздать столь заслуженную почесть.

На другой день я получила оффиціальное письмо отъ императора, который, подтверждая данное имъ согласіе, разрѣшалъ открыть подписку, иниціативу которой взяла на себя армія, отдавъ для этой цѣли свое трехдневное жалованье. Этотъ императорскій документъ былъ помѣщенъ въ Вилановскій архивъ, гдѣ сохранялся, какъ драгоцѣнность.

Покончивъ съ реформами въ арміи, великій князь принялся вводить свою систему слѣпого повиновенія во всѣ отрасли администраціи.

Во всемъ схожій со своимъ отцомъ, императоромъ Павломъ, Константинъ соединялъ въ себѣ съ мужицкой

грубостью изысканную вѣжливость свѣтскаго человѣка, но особенно онъ кичился своей рыцарской учтивостью въ отношеніяхъ съ женщинами. Въ это время въ интимной жизни великаго князя произошла неожиданная перемѣна.

Общество всегда замѣчаетъ даже самые незначительные поступки тѣхъ, которые, по своему положенію, не могутъ укрыться отъ возбуждаемаго ими любопытства, и поэтому въ Варшавѣ скоро обратили вниманіе на то, что великій князь сталъ часто посѣщать домъ госпожи Броничъ, которая поселилась въ Варшавѣ съ цѣлью воспитывать своихъ трехъ дочерей отъ перваго мужа Грудзинскаго.

Старшая изъ нихъ, Жаннета, какъ наименѣе красивая, сначала обращала на себя мало вниманія. Хорошо сложенная, хотя и небольшого роста, съ бѣлокурыми кудрями, съ блѣдно-голубыми глазами, обрамленными болѣе свѣтлыми чѣмъ волосы рѣсницами, своимъ кроткимъ личикомъ она напоминала портретъ, сдѣланный пастелью. Она была необычайно граціозна, особенно въ танцахъ, напоминая нимфу, которая «скользила по землѣ, не касаясь ея».

Остряки говорили, что, танцуя гавотъ, она проскользнула въ сердце великаго князя.

Madame Фридрихсъ, будучи хорошо освѣдомленной обо всемъ, что происходитъ въ навсегда закрытомъ для нея свѣтскомъ обществѣ, сдѣлалась ворчливой и ревнивой. Начались сцены, и тогда Константинъ сталъ скрывать свое новое увлеченіе, которое съ каждымъ днемъ становилось все серьезнѣе и серьезнѣе.

Мать, слишкомъ недалекая, чтобы понять все неприличіе и даже опасность отъ частыхъ посѣщеній Константина, была польщена и способствовала свиданіямъ дочери съ великимъ княземъ. Между тѣмъ около Жанны увивались льстецы, искатели мѣстъ и пенсій, но она оставалась простой, скромной и сдержанной, принимая только любовь великаго князя и пренебрегая всѣмъ ос-

тальнымъ; на ней никогда не видѣли ни украшеній, ни драгоцѣнностей больше, чѣмъ на ея сестрахъ.

Такъ продолжалось два года, и вдругъ распространился слухъ, что свадьба уже состоялась—тайно, очень просто, но съ соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ религіозныхъ и гражданскихъ, согласно бывшему еще въ силѣ кодексу Наполеона.

Жанна Грудзинская потребовала, чтобы вѣнчаніе было совершено согласно ритуалу римско-католической церкви.

Единственными свидѣтелями, кромѣ родителей и сестеръ невѣсты, были Новосильцевъ, въ качествѣ императорскаго комиссара, и докторъ госпожи Броничъ Чекирскій.

На другой день великій князь отправился къ своей прежней любовницѣ, только что вышедшей замужъ за молодого офицера Вейса, и явившись съ ней къ молодой женѣ, представилъ ее княгинѣ, выразивъ при этомъ желаніе, чтобы между ними установились добрыя отношенія. Княгиня наотрѣзъ отказалась отъ этого знакомства, чѣмъ великій князь былъ очень разсерженъ,— и между ними возникъ разладъ, который увеличивался съ каждымъ днемъ. Общество приняло сторону законной жены, столь жестоко обманутой въ своихъ лучшихъ надеждахъ. До сихъ поръ ею не особенно интересовались, но теперь ея печальное положеніе вызвало у всѣхъ глубокое состраданіе. Она чахла на глазахъ у всѣхъ. Ея смертельная блѣдность, небрежная прическа прелестныхъ бѣлокурыхъ локоновъ, ея лучшаго украшенія, все это дѣлало ее похожей на Офелію. Она тщательно скрывала свою печаль, но ея лицо и растерянный взглядъ выдавали ея тайныя страданія. Казалось, она не видѣла и не слышала ничего изъ того, что происходило вокругъ нея.

Въ такомъ состояніи, совершенно безучастная ко всему, она присутствовала на празднествахъ, устроенныхъ по случаю ея бракосочетанія. Она безпрекословно

исполняла роль, возложенную на нее ея повелителемъ и, какъ заведенная машина, слѣдовала за великимъ княземъ, даже не глядя на него. Она сидѣла молча и не двигаясь до того момента, когда, слѣдуя приказу своего супруга, она подавала безжизненную руку, склонявшемуся передъ ней кавалеру, медленно вставала со своего кресла, не говоря ни слова, дѣлала нѣсколько па полонеза и снова машинально занимала заранѣе указанное ей мѣсто. Великій князь дѣлалъ видъ, что онъ ничего не замѣчаетъ, но былъ сумраченъ и не могъ скрыть своего недовольства. Казалось, этотъ бракъ, ради котораго Константинъ пожертвовалъ правомъ на престолъ и который вызвалъ столько пререканій, ничего, кромѣ горя, не принесъ супругамъ. Въ это время въ Варшаву прибылъ императоръ, чтобы присутствовать при открытіи Сейма. Отъ него не укрылся разладъ, царившій между супругами, но онъ не могъ уловить сразу его причину.

Великій князь и его жена имѣли совершенно непроницаемый видъ, что же касается госпожи Вейсъ, то, искушенная въ тонкостяхъ своей прежней профессіи, она отлично сумѣла скрыть свои непрерывавшіяся отношенія съ великимъ княземъ. Совершенно неожиданное обстоятельство раскрыло тайну.

Императоръ, желая доставить удовольствіе своей belle-soeur и видя, что у нея нѣтъ клавикордъ, прислалъ ей самый лучшій инструментъ, какой только нашелся въ Варшавѣ. Въ одинъ изъ своихъ утреннихъ визитовъ, которые великій князь особенно любилъ, госпожа Вейсъ, сумѣвшая проникнуть въ будуаръ княгини, не безъ удивленія замѣтила тамъ великолѣпныя клавикорды. Вообразивъ, что этотъ подарокъ сдѣланъ никѣмъ инымъ, какъ самимъ великимъ княземъ, она сдѣлала ему сцену ревности и, желая показать свою силу великой княгинѣ, которую она безпрестанно оскорбляла, госпожа Вейсъ имѣла дерзость потребовать эти клавикорды себѣ.

Княгиня отвѣтила гордымъ отказомъ. Произошла бурная сцена, и послѣ энергичнаго отпора, къ которому Кон-

стантинъ совершенно не привыкъ, княгинѣ все же пришлось уступить, и чудесный инструментъ съ этого дня сдѣлался украшеніемъ салона госпожи Вейсъ.

Случай, часто обнаруживающій самыя сокровенныя тайны, помогъ и здѣсь. Александръ почти каждый день обѣдалъ у брата въ Бельведерѣ. Однажды послѣ обѣда онъ предложилъ своей belle-soeur пройти въ ея будуаръ, уставленный цвѣтами, и доставить ему удовольствіе игрой на клавикордахъ.

Неизвѣстно, кто изъ супруговъ былъ болѣе смущенъ этимъ предложеніемъ, но какъ бы то ни было, великій князь хотѣлъ обратить все въ шутку, между тѣмъ, какъ его жена, не говоря ни слова, залилась слезами.

Съ этого момента подозрѣнія Александра обратились въ увѣренность. Онъ не хотѣлъ согласиться на разводъ Константина съ первой женой и на второй бракъ его съ Жанной, но желая удалить Константина отъ трона, уступилъ, думая этимъ устроить счастье своего брата.

Императоръ, не сомнѣваясь болѣе въ причинѣ разлада между супругами, тотчасъ же отдалъ приказъ выслать госпожу Вейсъ изъ города. И тогда между супругами установилось полное согласіе, и княгиня ожила. Страданія, такъ сильно ее старившія, не оставили у нея на лицѣ никакихъ слѣдовъ и привязанность Константина возростала съ каждымъ днемъ.

Александръ, которому княгиня была обязана столь внезапной перемѣной въ своей судьбѣ, пошелъ еще дальше въ своихъ милостяхъ. Не желая изъ уваженія къ своей матери предоставить своей belle-soeur титулъ великой княгини, какъ принадлежащій только принцессѣ крови, онъ пожаловалъ ей княжество Ловичъ, названіе котораго она присоединила къ свому титулу.

---

[1]) Великій князь Константинъ былъ женатъ въ 1796 г. первымъ бракомъ на принцессѣ Кобургской — Юліи, которая убѣжала изъ Петербурга къ своимъ родителямъ и болѣе не возвращалась.

ЭПИЛОГЪ.

Здѣсь кончаются мои записки. Если въ будущемъ я вздумаю писать еще, то это будетъ лишь изложеніе отдѣльныхъ замѣчательныхъ фактовъ, которые запечатлѣются въ моей памяти. Безпрерывно возрастающія бѣдствія моей родины и мои личныя несчастья отняли у меня не только желаніе, но и возможность заниматься своими воспоминаніями. Мнѣ претитъ обвинять другихъ и оправдывать себя. Кромѣ того, «Исповѣдь Руссо», которую я прочитала, долго спустя послѣ того, какъ начала писать свои воспоминанія, послужила мнѣ урокомъ.

Несмотря на свой безспорный талантъ и удивительный стиль, Руссо допускалъ много болтовни. Въ своемъ чрезмѣрномъ тщеславіи, онъ причислялъ себя къ тѣмъ людямъ, которымъ, по его мнѣнію, разрѣшалась распущенность по отношенію къ потомству, между тѣмъ какъ оно рѣдко бываетъ снисходительно къ тѣмъ, кто хочетъ заинтересовать его личностями.

Странное и тяжелое чувство испытываешь, когда, послѣ долгой жизни, внимательно оглядываешься вокругъ себя! Сколько событій, казавшихся намъ важными, преданы забвенію! Сколько померкнувшихъ честолюбій, разрушенныхъ надеждъ, охлажденныхъ восторговъ, исчезнувшихъ сожалѣній!.. Сколько страстей, казавшихся раньше непреодолимыми, разрушено раньше времени! Сколько значенія придавалось мелкимъ интересамъ и ребяческимъ самолюбіямъ, исчезнувшимъ безъ слѣда! Сколько людей исчезло—одни, скошенные преждевремен-

ю безжалостной рукой смерти, другіе, пройдя длинный и тяжелый путь! Сколько поступковъ, сколько именъ, которые, казалось, заслуживали безсмертія, исчезли во всепоглощающей безднѣ, въ то время, какъ люди менѣе достойные, выдѣлились и оставили послѣ себя воспоминанія, только потому, что они принимали участіе въ великихъ событіяхъ!

И я была свидѣтельницей этихъ драмъ, и я принимала участіе въ общемъ стремленіи къ той же безднѣ —сколько радостныхъ восклицаній, отчаянныхъ криковъ смѣшалось тамъ, въ этой бездонной глубинѣ!

И теперь, достигнувъ почти конца жизни, сдѣлались ли мы мудрѣе, лучше ли мы вооружены для борьбы съ несчастіями, покорны ли мы велѣніямъ судьбы? Увы! Пока человѣкъ живетъ, онъ не перестаетъ страдать и надѣяться! Годы, не уничтожая совсѣмъ нашихъ впечатлѣній, измѣняютъ только характеръ ихъ.

КОНЕЦЪ.

Указатель собственныхъ именъ.

Ц. 2 р.

П. Ф.

Rel